

Екатерина КОУТИ

ОКНО
ИСТОРИИ

Недобрая старая Англия

bhv

Екатерина КОУТИ

Недобрая старая Англия

Санкт-Петербург

«БХВ-Петербург»

2013

Екатерина Коути

Недобрая старая Англия

Посвящается Елене Прокофьевой и Татьяне Умновой

Автор выражает благодарность Людмиле Треножниковой и лондонскому гиду Сергею Сенину (www.waygate.eu) за поддержку и добрые советы, профессорам Университета Техаса в Остине и библиотеке Perry Castaneda Library за предоставленные иллюстрации

Предисловие

«Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен»... Хотя эти слова Чарльза Диккенса описывают совсем другую эру, они как нельзя более применимы к викторианской эпохе в истории Англии.

Знала ли юная королева Виктория, всходя на престол в 1837 году, что к ее Бриллиантовому юбилею в 1897 году империя изменится до неузнаваемости? В отличие от своих предшественников, повидавших и наполеоновские войны, и восстания якобитов (Якобиты – сторонники восстановления на английском престоле Якова II. Стюарта и его наследников. – *Ред.*), Виктория будет править в относительно спокойный период. При ней Британская империя наконец-то достигнет стабильности. Страну уже не будут сотрясать гражданские войны, ей не будет угрожать вторжение извне, английские войска справятся с мятежами в колониях, как, например, с восстанием сипаев (Сипаи – индийские наемники, в 1857–1859 годах боролись с оружием в руках против англичан-колонизаторов. – *Ред.*). Стремительными темпами будет продолжаться урбанизация: если в 1841 году население Лондона составляло два с лишним миллионов человек, ко времени смерти Виктории в 1901-м оно повысится до 6,5 миллионов.

Великобританию опутает разветвленная сеть железных дорог: столичные жители, пусть и не богатые, смогут выезжать в пригород на выходные, тогда как в Лондон потянутся толпы провинциалов – за покупками или с перспективой остаться навсегда. Свечи в домах сменит газовое освещение, а затем и электричество, из-за чего ужин будет начинаться гораздо позже. Бытовые условия улучшатся: дома будут оснащены водопроводом и туалетами, система канализации изгонит из городов многовековую вонь, а уже в XX веке лошади, оставлявшие на улицах груды навоза, уступят дорогу автомобилям. На смену открытому очагу придут удобные кухонные плиты, продукты начнут продавать в консервированном виде, а домохозяйки обеспокоятся вредными пищевыми добавками. На конвертах появятся марки, хотя письма вскоре и потеснит телеграф.

К концу правления Виктории доктора обуздают оспу, сыпной тиф и холеру, и средняя продолжительность жизни в Англии и Уэльсе постепенно увеличится – с 40,2 лет в 1841 году до 51,5 годов в 1911-м. Ночные улицы будут патрулировать не престарелые ночные сторожа, а профессиональные полицейские. Некоторые изменения заставят консервативную королеву поморщиться: рабочие начнут объединяться в профсоюзы, а женщины, устав от роли «ангела в доме», потребуют доступ к высшему образованию и право голоса.

В то же время у преуспевающей рафинированной Англии, у империи завоеваний и свершений, была и обратная сторона. В любой отрезок времени на Британских островах уживались два разных мира. Порою граница между ними была так же отчетлива, как между респектабельным Вест-Эндом и неумытым Ист-Эндом в Лондоне, или же между цветущим Югом и прокопченным индустриальным Севером. Еще чаще непохожие миры сосуществовали бок о бок, переплетаясь друг с другом, видоизменяя друг друга: слуги и

хозяева, проститутки и джентльмены-клиенты, уличные карманники и их состоятельные жертвы, жители трущоб и филантропы, предлагавшие им душеспасительные брошюры. Другая Англия, населенная в лучшем случае неграмотными торговками, и в худшем – ворами и гулящими девицами, одновременно успокаивала и настораживала. Она подчеркивала респектабельность среднего класса, но вместе с тем могла разрушить и его домашний уют. В наши дни, как и полтора века назад, «недобрая старая Англия» по-прежнему не утратила своей мрачной привлекательности.

Ни в коей мере не отрицая существования добропорядочной Великобритании, эта книга познакомит вас с ее теневой стороной. Вам предстоит побывать в трущобах и тюремных камерах, попристутствовать на судах и казнях, заедавая впечатления уличной снедью, выслушать не только жалобы служанок, но и стенания их не менее бесправных хозяек. Хотя в книге рассматривается в основном викторианская эпоха (1837–1901), при необходимости мы будем наведываться и в другие периоды.

Итак, добро пожаловать в недобрую старую Англию!

Глава I

Повседневная жизнь английских бедняков

В городских трущобах

Знакомство с обратной стороной Англии мы начнем с глубокого погружения. Добро пожаловать в трущобы лондонского Ист-Энда, восточной части города, населенной беднотой. Время действия – вторая половина XIX века, где-нибудь между 1840 и 1890 годами. Жизнь застаивается на узких и грязных улочках, течет так медленно, что трудно даже определить, какое на дворе десятилетие. На местных жителях лохмотья, по которым трудно судить о моде, а от холода и голода бедняки дрожали точно так же и десять, и двадцать лет назад. На дворе зима, так что осторожнее ступайте по слякоти, темно-серой от золы. И лучше не подходите к окнам – вдруг вам на голову выплеснут содержимое горшка, не донеся его до выгребной ямы. Впрочем, лишний раз окна стараются не открывать, чтобы не выпускать из комнаты тепло – отопление уж очень дорого.

Мы сворачиваем в крошечный дворик и наугад заходим в двухэтажный дом. Медленно поднимаемся по темной, зловонной лестнице. Перила расшатаны, прогнившие ступени опасно скрипят под ногами – один неверный шаг и можно провалиться. Приоткрываем дверь в квартиру на втором этаже (дверь не заперта, потому что воровать тут все равно нечего). На вас щерит пасть остывший камин, который не разжигали уже несколько дней. По влажным стенам растет плесень, штукатурка на потолке почернела и вздулась. В центре комнаты стоит шаткий стол, по стенам жмутся целых две кровати. Что ж, неплохо для семьи из восьми человек. Бывает, знаете ли, и хуже. Санитарные инспектора расскажут вам про комнатенки, где на одной кровати спит вповалку вся семья, и родители, и дети. А где такая теснота, там недалеко и до греха: уж слишком рано дети узнают, откуда они берутся... В теплый день малыши весь день бегали бы на улице, но сейчас они забились в угол и зыркают на вас блестящими глазенками.

Мать сидит в углу и баюкает младенца, завернутого в ее шаль – на пеленки денег нет. Женщина боязливо оборачивается, и вы замечаете синяк в пол-лица. Но стоит вам раскрыть рот, чтобы ей посочувствовать, она машет на вас рукой и кивает на кровать. Прикрывшись рваным одеялом, на кровати храпит ее муж. Летом в их квартале наступает относительное благополучие: целые семьи выезжают в Кент на уборку хмеля, мужчины подрабатывают на стройках, но зимой работу найти труднее.

Вчера в квартале была такая сильная метель, что пьяный сосед, возвращаясь из кабака, упал и замерз насмерть, а за ночь вокруг него намело сугроб. В надежде заработать отец семейства отправился в ближайший работный дом, авось ему заплатят несколько шиллингов за уборку снега с улиц. Или хотя бы несколько булок. У ворот столпилось полквартала, такие

же бедолаги с впалыми небритыми щеками. Но попечители отказали им всем. Что еще за мода – раздавать помощь направо-налево? Если хочешь работу, ищи ее сам или сдавайся в работный дом. С горя отец пошел в кабак и потратил на джин последние гроши, а дома жена посмела заикнуться о деньгах...

«Вдова и сироты». Гравюра Т. Б. Кеннингтона из журнала «Иллюстрированные лондонские новости». 1888

Мы пятимся и выходим из комнатухи, где и без нас тесно. Быть может, попытать счастья по соседству? Но и в доме напротив царит уныние. За столом у окошка сгорбилась вдова и лихорадочно шьет рубашки. В прошлом году она похоронила мужа и теперь вынуждена в одиночку содержать семью. Чтобы хоть как-то прокормиться, ей нужно сшить две дюжины рубашек в день. Работать приходится всем. Младшая дочь, тощая девочка лет десяти, торгует кресс-салатом, разнося его по домам. Старшая девочка, уже подросток, сортирует на фабрике грязные тряпки, которые затем идут на производство бумаги. Тряпки воняют, по ним ползают вши и прыгают блохи. Наверное, именно так в дом проник сыпной тиф, от которого скончался маленький сынишка. Его тело уже второй день лежит на сдвинутых ящиках из-под апельсинов. Похоронить его не на что, сначала нужно дожидаться выручку за рубашки. Заметив приоткрытую дверь, вдова прищуривается, а потом обрушивает на вас поток ругани. Не обижайтесь. Она приняла вас за проповедника, который принес ей религиозный трактат в качестве утешения. Пожалуй, нам лучше уйти.

Куда теперь? Как насчет этого коттеджа? Тут гораздо просторнее, но что за вонь, что за лай? Повсюду носятся собаки и справляют нужду прямо на полу. Здесь разводят терьеров на продажу, ведь травля крыс собаками – одно из любимейших развлечений Ист-Энда. Так, а это что? В клетке поскуливает парочка печальных болонок. Судя по всему, породистые собачки были похищены где-нибудь в престижном Вест-Энде, когда поутру их выгуливала горничная. Вскоре у хозяев потребуют выкуп, как минимум 10 фунтов, а то и все 25. Впрочем, если вора поймают, ему придется ответить по всей строгости закона. Пойдемте-ка отсюда, вряд ли нам будут рады.

Поздравляю вас – пока вы крутили головой по сторонам, пытаясь разобраться в

хитросплетении улиц, у вас украли кошелек. Когда? Да вот только что мимо пробежала стайка оборвышей. Не пытайтесь гнаться за ними, только людей насмешите. А если поймаете воришку и попытаетесь встряхнуть его за воротник (осторожно, прогнившая ткань расползается прямо в руках), за мальчишку вступятся местные – он свой, а вы чужак. Так что потерю кошелька остается лишь оплакать.

К счастью, в следующей квартире вам повезет больше. Возможно, вам даже предложат чай, хотя его вкус оставляет желать лучшего: спитая заварка была высушена, подкрашена и продана как свежая. Из мебели здесь не только стол со стульями, но даже два кресла, а в спальне виднеется кровать с железными столбиками, а не просто койка с соломенным тюфяком. На каминной полке тикают часы, стены украшены портретами королевы и вырезками из журналов, на подоконнике заливается канарейка в клетке. Певчих птишек в Ист-Энде любят, они хоть как-то скрашивают серые будни. Хозяева квартиры занимаются перепродажей поношенной одежды, которая свалена в спальне. Лучше не спрашивать, откуда берутся обноски. Особенно подозрительно выглядит детская одежда поновее. Некоторые воры заманивают детишек в подворотни и, угрожая ножом, заставляют снять добротные костюмчики... Но мы не будем допытываться. Распрощавшись с хозяевами, мы продолжим наше путешествие по недоброй старой Англии.

Трудно поверить, что когда-то в закопченном Ист-Энде благоухали апельсиновые деревья. Но это так. До Великого пожара 1666 года на востоке Лондона проживали аристократы и зажиточные горожане, но после разрушительного пожара в западной части города начался строительный бум. На месте выгоревших дотла кварталов появлялись новые, еще более роскошные, с уютными площадями в окружении белокаменных домов. Респектабельная публика потянулась на запад, в Вест-Энд, а в покинутые особняки набились обездоленные. Со временем «трущобные лорды» начали строить на востоке дешевые доходные дома. Ист-Энд рос, всасывая в себя районы Хакни, Степни, Поплар, Бентал-Грин, Шордитч, Бермондси, Уайтчепел.

В «Очерках Боза» (1836) Чарльз Диккенс так описывал трущобы и их обитателей:

«Тем, кто не знаком с этой частью Лондона (а таких немало), трудно вообразить себе всю грязь и нищету, которые царят в ней. Убогие домики, где выбитые окна заделаны тряпьем и бумагой и где в каждой комнате ютится по целому семейству, а подчас и по два и по три даже: в подвале – мастера, изготавливающие сласти и засахаренные фрукты, в передних комнатах – цирюльники и торговцы копченой селедкой, в задних – сапожники; торговец певчими птицами на втором этаже, три семейства на третьем и лютый голод на чердаке; в коридоре ирландцы, в столовой – музыкант, на кухне – поденщица и пятеро ее голодных детей. Грязь всюду: перед самым домом – сточная канава, позади выгребная яма, в окнах сушится белье, из окон льются помои; девочки четырнадцати-пятнадцати лет бродят босиком и нечесаные в каких-то белых салонах, надетых чуть ли не на голое тело; тут же мальчики всевозможных возрастов в куртках всевозможных размеров или вовсе без оных; мужчины и женщины, одетые кто во что горазд, но все без исключения грязно и убого; все это слоняется, бранится, пьет, курит, ссорится, дерется и сквернословит» [1].

Трущобы не были прерогативой столицы, в других крупных городах дела обстояли ничуть не лучше. В Ливерпуле и Манчестере доходные дома строили спина к спине, без заднего двора. При желании, можно было с легкостью заглянуть соседям в окна, но вряд ли у рабочих оставалось время на такие легкомысленные забавы. На входе во внутренний дворик гостей встречали груды золы и навоза, чтобы сразу можно было понять, куда ты попал. Жильцам приходилось подниматься по узким темным лестницам, но это еще в лучшем случае. В худшем – они спускались в подвал.

Трущоба «Акр Дьявола» возле Вестминстерского аббатства. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

В конце 1840-х, когда в Англию хлынул поток голодающих ирландцев, в одном только Ливерпуле в подвалах ютилось 20 % горожан, а в Манчестере – 12 %. Подвальные жилища для бедноты были настолько популярны в Эдинбурге, что породили легенды о подземном городе. Подземные квартиры были не сухими и уютными, как норы толкиеновских хоббитов, а зловонными и сырыми, ведь соседство с выгребными ямами не добавляло им шарма. Респектабельные господа приходили в ужас от этих «пещер» и называли их обитателей «кротами в человеческом образе».

В городских трущобах селились мелкие торговцы и рабочий люд: плотники, каменщики, сапожники, портнихи, прачки, ткачи, мясники, грузчики. Зарабатывали они сущие гроши: в середине века заработки портних начинались от 7–8 шиллингов¹ в неделю, причем половина недельной выручки тратилась на аренду жилья. Недаром лендлордов (Лендлорды – крупные землевладельцы в Англии, в XIX веке активно скупали недвижимость

¹ В викторианскую эпоху в ходу были монеты с разным достоинством: полфартинга, фартинг (1/4 пенни), полпенни, пенни, двухпенсовик, трехпенсовик, четырехпенсовик, шестипенсовик, шиллинг (12 пенсов), флорин (2 шиллинга), полкроны (2,5 шиллинга), крона (5 шиллингов), полсоверена (10 шиллингов), соверен (20 шиллингов). 21 шиллинг равнялся одной гинее.

в городах. – *Ред.*), владевших доходными домами в трущобах, называли кровопийцами: высокая рента не позволяла рабочим выбраться из бедности. Впрочем, жильцы не отставали от хозяев. Излюбленной стратегией было покинуть жилище ночью, так и не заплатив ренту, а с собой прихватить трубы, каминную решетку и вообще все, что можно продать.

Заработная плата постепенно возрастала, но цены росли с ней наперегонки. Неудивительно, что даже во второй половине XIX века в Англии наблюдалась ужасающая бедность, и не только в трущобах Лондона и Эдинбурга, но повсюду, от крупных промышленных городов севера до крошечных ирландских деревенок. Содержать дом в порядке, пусть даже не дом, а маленькую квартирку, было очень дорого. Большую брешь в бюджете пробивал уголь: на отопление одной комнаты можно было потратить шиллинг в неделю. Что уж говорить о такой роскоши, как горячая вода для купания?

До второй половины XIX века богатые и знатные жители империи принимали ванну в своих спальнях, перед пылающим камином. Слуги приносили воду из кухни и выливали ее в сидячую ванну. Начиная с 1840-х годов в богатых домах появилась горячая вода, а с 1870-х она стала доступна и среднему классу. В домах победнее устанавливали мини-бойлеры или газовые колонки для подогрева воды, но они были дороги в содержании, создавали много шума и время от времени взрывались. В новых домах строили отдельную ванную, в старых – под нее отводили одну из комнат. В 1890-х стало популярным еще одно нововведение – душ. Некоторые модели душа присоединялись прямо к крану, поэтому они имели тенденцию срывать и щедро фонтанировать вокруг то кипятком, то ледяной водой.

Но рабочим подобная роскошь долго еще была недоступна. Воду приходилось брать в уличном насосе, зачастую платном, и нести в ведре домой, где на нее заявляли права все домохозяйцы – кому-то хочется пить, кому-то устроить постирушку, а уж о купании будут думать только неженки. Хорошо, если удавалось помыться хотя бы раз в неделю. Недаром же Лондон называли «Великим Грязнулей»!

К насосам стояла длинная очередь, тем более что в некоторых районах они работали всего лишь два раза в день, и то по будням. Водопроводная компания Восточного Лондона не поставляла воду по воскресеньям, очевидно, считая, что в святой день нужно молиться, а не тешить грешную плоть. Бедняки собирали дождевую воду в цистерны, но на дне цистерны можно было обнаружить неприятный сюрприз. Когда жители Дарлингтона, графство Дарем, почувствовали странный привкус воды и опорожнили цистерну, то нашли в ней разложившийся труп младенца, пролежавший там несколько месяцев. К счастью, уже в середине века ситуация пошла на поправку. На радость чистюлям открывались городские бани, где за несколько пенни можно было вымыться и постирать белье. А в 1853 году был снят налог на мыло, и его продажи удвоились.

Лабиринты грязных переулков, где люди жили буквально друг у друга на голове, беспокоили уважаемых соседей. Обитатели престижных районов Лондона – Кенсингтон, Бейсуотер, Мейфэр, Белгравия – содрогались от мысли, что поблизости копошатся голодранцы. Генри Мэйхью (1812–1887), знаменитый бытописатель викторианской эпохи, в начале своей книги «Рабочие и бедняки Лондона» («London labour and the London poor») сравнивал обитателей Ист-Энда с дикарями-кочевниками. Трущобы прослыли не только рассадниками заразы, но и безнравственности, а то и чего похуже – например, коммунизма. Мало ли чем бедняки занимаются в такой тесноте. Может, замышляют недоброе. Даже во второй половине XIX века главенствовало мнение, что бедняки сами виноваты в своих несчастьях. Вместо того чтобы подняться из грязи и твердо стоять на ногах, они идут по жизни шаткой походкой пьяниц. Вот если бы они трудились, молились и сохраняли трезвость, тогда был бы толк. К сожалению, подобное отношение к беднякам начисто игнорировало такие факторы, как безработица и мизерные заработки, отсутствие образования и низкий уровень здоровья. Решить эти проблемы было гораздо труднее, чем обругать бедняков за лень и пьянство.

Городские власти боролись с трущобами, как могли, но борьба сводилась в основном к сносу обветшалых зданий. В 1838 году были частично снесены трущобы в Сент-Джайлзе,

лондонский район Холборн, затем наступила очередь Роуз-лейн и Эссекс-стрит в Спиталфилдз и Уайтчапеле. Но от перемены слагаемых сумма не изменяется, и бедняки, бубня себе под нос, собирали нехитрый скарб и перебирались на другую улицу, которая тут же превращалась в трущобу. Принимались и более эффективные меры. Акт Шафтсбери 1851 года уполномочил городские власти покупать землю и возводить на ней жилища для рабочих семей, тогда как Акт о предотвращении болезней 1855 года позволил приходским попечителям производить осмотр жилых помещений, где, по их мнению, находились очаги инфекции. Впрочем, беднякам не нравилось, что в их дома зачастили инспектора и читают им лекции о чистоплотности.

Не дожидаясь правительственных мер, богатые и совестливые господа сами строили жилье для бедняков. Так в 1848 году в лондонском районе Сент-Панкрас было построено 5-этажное квартирное здание, где разместили 110 рабочих семей. Плата была умеренной, 3 шиллинга 6 пенсов в неделю. Новый дом приносил инвесторам доход, и по всему Лондону начали появляться недорогие дома для бедняков, оборудованные водопроводом, туалетами и прачечными.

В то время как одни филантропы обеспечивали бедняков доступным жильем, другие предпочитали работать с ними лицом к лицу. На улицах Ист-Энда, кишмя кишевших оборванцами и торговцами всех мастей, время от времени встречались мужчины в белых пасторских воротничках или юные особы со стопкой религиозных листовок. Пользы от таких горе-помощников было немного, и жители трущоб откровенно над ними потешались. Вместе с тем некоторые филантропы все же приносили беднякам реальную пользу. Среди них был Томас Джон Барнардо (1845–1905), или просто доктор Барнардо (помимо филантропии, он известен еще и тем, что его дочь вышла замуж за писателя Сомерсета Моэма).

Уроженец Дублина, Барнардо прибыл в Лондон, чтобы обучиться медицине, а затем врачевать страждущих где-нибудь в Китае. Но познакомившись с Ист-Эндом, Барнардо задержался в Лондоне – вряд ли Китай переплюнет такое убожество. Всю свою энергию он направил на самых маленьких обитателей трущоб, голодных оборвышей, которых англичане называли «уличными арапчатами». Кого-то находили его помощники во время ночных рейдов, кого-то к нему приводили родители, но, так или иначе, все дети в приютах Барнардо получали еду, одежду и образование. Мальчиков готовили к работе в мастерских или отправляли юнгами во флот, из девочек растили трудолюбивых служанок. Возможно, это были не самые желанные профессии, но выбирать беспризорникам не приходилось.

Репутация доктора была безупречной, и англичане, вдохновленные его энтузиазмом, щедро жертвовали на приюты. Но в 1877 году разразился страшный скандал. За несколько лет доктор Барнардо успел насолить и коллегам-филантропам, и, что гораздо опаснее, Обществу по организации благотворительности.

Созданное в 1869 году, Общество строго следило за тем, чтобы среди бедняков, получающих помощь, не затесались недостойные личности. Зачем баловать их бесплатным супом? Пусть идут работать. А если не могут работать, пусть сдаются в рабочий дом, там им быстро отыщут занятие. А то пришли на готовенькое...

Общество так рьяно отделяло агнцев от козлищ, что его впору было переименовать в «Общество по борьбе с благотворительностью». И девиз Барнардо – «Мы примем всех обездоленных детей» – был для многих соринкой в глазу. Пусть о детях заботятся родители – как наслушаются жалобных криков, так быстро возьмутся за ум!

Но доктор Барнардо думал иначе и продолжал собирать средства для голодных ребятишек. Несговорчивого филантропа взяли на карандаш и начали собирать на него досье. Настоящим подарком для недругов стали бывшие работники приюта, уволенные за пьянство и распутный образ жизни. Они-то и выступили главными свидетелями на процессе, всколыхнувшем весь Лондон.

Любимца публики обвиняли в страшных грехах – и в присвоении благотворительных средств, и в жестоком обращении с воспитанниками, и в сношениях с проститутками, и в фальсификации фотографий. Досталось ему и за почетный титул «доктор», которым Барнардо пользовался незаслуженно – он так и не окончил медицинский университет. А уж его приюты выставляли настоящими притонами: якобы наставники пьянствуют по кабакам и избивают учеников, а бывшие беспризорники, тоже не робкого десятка, занимаются друг с другом содомией. Трудно сказать, насколько все это было правдой, а насколько клеветой, но публика вознегодовала. Поток пожертвований прекратился, и для приютов доктора Барнардо наступили черные дни. Но Барнардо так убедительно выступал в свою защиту, что члены арбитражного суда признали его невиновным и тем самым спасли его репутацию.

Впрочем, за фальсификацию фотографий его как следует пристыдили. Чтобы собрать побольше средств, доктор Барнардо ловко играл на сентиментальности – продавал фотографии беспризорников «до и после». На одном фото уличный мальчонка был изображен в лохмотьях, на втором он, уже одетый в приютскую форму, занимался чем-то полезным. Дамы ахали, умилялись и покупали открытки. Доктор Барнардо уверял, что фотографирует оборванцев «как есть». На самом же деле он кромсал одежду на мальчишках, мазал их сажей и просил состроить печальную мину. С другой стороны, как еще воздействовать на толстосумов? История оказалась на стороне доктора Барнардо, и благотворительная организация его имени по сей день помогает детям Великобритании.

«Оставь надежду всяк сюда входящий»: рабочие дома

«Среди общественных зданий в некоем городе, который по многим причинам

благоразумнее будет не называть и которому я не дам никакого вымышленного наименования, находится здание, издавна встречающееся почти во всех городах, больших и малых, именно – рабочий дом» [2], – так Чарльз Диккенс начинает свой роман «Приключения Оливера Твиста». И хотя просьба Оливера – «Пожалуйста, сэр, я хочу еще» – была произнесена слабым дрожащим голосом, она явилась яростной критикой в адрес всей системы рабочих домов.

Надо заметить, что Оливеру крупно повезло. При родах его матери присутствовал врач, что было скорее привилегией, чем обычной практикой. Хотя мистер Бамбл и страшал мальчика щипанием пеньки, Оливера устроили подмастерьем к гробовщику. А ведь многие из его сверстников сдирали кожу на пальцах, разрывая на волокна старые веревки. Но как бы ни бередил сердца роман Диккенса, большинство англичан оставалось при уверенности, что рабочие дома – необходимая мера по борьбе с бедностью. И условия там должны быть чуть лучше тюремных. Все же не курорт.

Рабочие дома появились в Англии еще в XVII веке и представляли собой благотворительные заведения, где бедняки трудились в обмен на пищу и кров. До 1834 года рабочими домами ведали приходы.² Они же предоставляли обнищавшим прихожанам еще один вид помощи – хлеб и мизерные суммы денег. Адресная помощь приходилась как нельзя кстати рабочим и крестьянам, утратившим трудоспособность. На фабриках, где не соблюдались правила безопасности, существовал тысяча и один способ покалечиться, да и частые болезни подрывали здоровье. Но откуда же взять средства на поддержку калек, нищих, сирот и вдов? С обеспеченных прихожан взимали налог в пользу прихода, что их, конечно же, не радовало. Тем паче что в XVII–XVIII веках бедняки, оставшиеся без средств к существованию, должны были возвращаться за помощью в тот приход, где родились. При виде понурых оборванцев, да еще и с выводком ребятишек, прихожане начинали роптать. Понаехали! Теперь повиснут на шее у прихода.

В первой половине XIX века ситуация с нищетой и безработицей обострилась настолько, что потребовались радикальные меры. С 1801 по 1830 годы население Англии выросло на две трети и достигло 15 миллионов. Эта тенденция беспокоила экономистов, в особенности сторонников Томаса Мальтуса, утверждавшего, что неконтролируемый рост населения приведет к голоду и бедствиям. По его словам, народонаселение росло в геометрической прогрессии, а продовольствие – в арифметической. Если бы не воздержание и не бедствия, которые приостанавливают рост населения, человечество постигла бы катастрофа. Проще говоря, голодные орды съели бы всю еду.

Последователям Мальтуса не нравилась практика разносить хлеб по домам бедняков. А то ведь они, чего доброго, начнут неконтролируемо размножаться. А уж в 1820–1830-х пророчество Мальтуса казалось особенно актуальным. Наполеоновские войны и торговая блокада подорвали экономику Англии, а Хлебные законы не принесли пользы фермерам, зато сказались на семейных бюджетах рабочих – хлеб значительно подорожал. Некоторые графства оказались на грани разорения. В середине 1830-х фермеры вздохнули с облегчением, радуясь теплой погоде и изобильному урожаю, но трехдневный снегопад зимой 1836 года ознаменовал начало затяжного похолодания. Англию ждали «голодные сороковые», период неурожая, эпидемий, безработицы, застоя в экономике.

Как же в таких условиях позаботиться о бедняках, которых становилось все больше? Зловещего 13 августа 1834 года парламент принял новый закон о бедных. На смену устаревшей системе приходской благотворительности пришла новая система на основе рабочих домов. Отдельные приходы объединялись в союзы попечения о бедных, и в каждом союзе строился рабочий дом. Туда и поступали бедняки, превращаясь из прихожан в национальную собственность. Рабочими домами управлял местный попечительский совет, который назначал надзирателя (Master) и экономку (Matron), рассматривал заявки от

² Приход – низший административный округ с системой самоуправления.

бедняков, ведал вопросами бюджета, расследовал случаи злоупотребления. А было их немало.

Простой люд в штыки воспринял нововведения. Сразу поползли слухи, будто всех нищих будут загонять в работные дома насильно, а там кормить отравленным хлебом – нет дармоедов, нет проблем. На самом же деле, бедняков ставили перед выбором. Они могли поселиться в полутюремных условиях, со скудной пищей и изнурительной работой, но зато с крышей над головой. Или же сохранить свободу, но тогда уже самим заботиться о своем пропитании. Условия жесткие, но других в то время не было. Сколько бы ни критиковала «Таймс» новые заведения, средние и высшие классы оказались довольны парламентской инициативой. Нищих стало меньше, а приходской налог снизился на 20 %.

Бездомные. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Журналист Джеймс Грант так описывал судьбу бедняков: *«Когда они входят в ворота работного дома, им начинает казаться, что они попали в огромную тюрьму, откуда их вызволит только смерть... Многие обитатели работного дома считают его гробницей, в которой их похоронили заживо. Это могила всех их земных надежд»* [3]. Что же ожидало нищую семью в работном доме, при одном упоминании которого по спине пробегал холодок?

Работный дом был массивным зданием с жилыми и рабочими помещениями и с двориками для прогулок. Добавить сюда каменный забор, и картина рисуется мрачноватая. Больные и здоровые, мужчины и женщины, старики и дети – все эти категории проживали раздельно. Попав в работный дом, муж отправлялся в одно крыло, жена в другое, дети старше двух лет – в третье. Сначала новых постояльцев обследовал врач, затем их тщательно мыли и выдавали им униформу серого цвета. В знак позора незамужним матерям пришивали

на платье желтую полосу.

День в работном доме был расписан по часам. Спать его обитатели ложились в 9 вечера, а просыпались затемно. О смене деятельности им сообщал звон колокола: вставать, одеваться, читать молитвы, в молчании есть завтрак, и работать, работать, работать! Наравне со взрослыми трудились и маленькие дети в свободное от школьных занятий время. Кроме того, детей отдавали в подмастерья, как в случае Оливера Твиста, или же старались устроить в услужение.

Если суровая жизнь кого-то не устраивала – что ж, скатертью дорожка, только не забудь жену и детей. Из работного дома уходили так же, как поступали, всей семьей. Теоретически, мужьям и женам разрешено было видаться днем, хотя спать они должны были раздельно, чтобы не плодить нищету. На деле супругам и в течение дня увидеться было очень трудно. То же самое касалось и матерей с детьми, причем у незамужних матерей отнимали новорожденных.

Жуткая, но показательная история произошла в Итонском работном доме, которым заведовал бывший майор Джозеф Хоув (в надзиратели брали людей военных). Одна из его работниц, Элизабет Уайз, попросила разрешение забирать на ночь своего ребенка двух с половиной лет от роду. Малыш отморозил ножки, и мать хотела его утешить и подлечить. Прямо под Рождество мистер Хоув заявил, что отныне ребенок должен спать с другими детьми. За матерью оставалось право посещать его днем. Но когда надзиратель застал ее в детском отделении, где она обмывала ноги малышу и меняла ему бинты, он рассердился и приказал ей уйти. Женщина отказалась подчиниться, и надзиратель выволок ее из комнаты, протащил по лестнице и запер в карцере.

Карцер представлял собой темную комнатенку с зарешеченным окном без стекла. Там Элизабет предстояло провести 24 часа – без теплой одежды, еды, воды, соломы, чтобы прилечь, и даже без ночного горшка. Температура на улице была –6 С. По окончании срока Элизабет накормили холодной овсянкой, оставшейся от завтрака, и опять загнали в камеру, чтобы она вымыла за собой пол (отсутствие горшка давало о себе знать). На влажную уборку у женщины не хватило сил – околели руки. Тогда страдальцу заперли в карцере еще на 7 часов. К счастью, слухи о жестокости надзирателя просочились в «Таймс», и тогда всплыл другой инцидент: на прежнем месте службы мистер Хоув покалечил ребенка, окатив его кипятком. Несмотря на это происшествие, Хоува преспокойно приняли на новое место. Однако после скандала с Элизабет Уайз его с позором изгнали.

Наказания в работных домах регулировались правилами. Нарушителей тишины, лгунов, тунеядцев, драчунов и симулянтов наказывали карцером и лишением пищи. Мальчишек, как и их сверстников в обычных школах, разрешалось сечь розгами, зато к девочкам телесные наказания не применялись. Как бы ни жаловались учительницы на дерзость девчонок, как бы ни настаивали, что удары по рукам и наказанием-то не считают, Комиссия по работным домам оставалась непреклонной. Случаи жестокого обращения расследовались и влекли за собой штрафы и увольнения. Разумеется, если получали огласку. А что творилось за закрытыми дверями – уже другой вопрос.

Жертвами жестокости чаще всего становились самые беззащитные обитатели работного дома – старики и дети. Зимой 1836 года в работный дом в Фэрхеме, Хэмптоншир, где имелась большая школа, перевели троих малышей из соседнего работного дома в Бишопе Уолтхэм. Старшему из сирот было пять лет, младшему три с половиной. Внезапная смена обстановки так напугала малышей, что они начали мочиться в постель. За порчу простыней полагалась суровая кара – порции детей урезали наполовину. Рацион каждого ребенка на целую неделю составил 1 кг хлеба, полкило картофеля, 300 г пудинга, 1,5 л молочной каши и по крохотному кусочку сыра и баранины.

Как тут не вспомнить строки из «Оливера Твиста»: *«Оливер Твист и его товарищи на протяжении трех месяцев терпели муки, медленно умирая от недоедания; наконец, они стали такими жадными и так обезумели от голода, что один мальчик, который был рослым для своих лет и не привык к такому положению вещей (его отец содержал когда-то*

маленькую харчевню), мрачно намекнул товарищам, что, если ему не прибавят миски каши, он боится, как бы случайно не съесть ночью спящего с ним рядом тщедушного мальчика. Глаза у него были дикие, голодные, и дети слепо ему поверили» [4].

Естественно, голод не решил проблему мокрых простыней, и тогда провинившихся начали вообще лишать обедов – пока другие дети ели, они должны были стоять в столовой в особых колодках. В конце концов, из спальни их перевели в неотапливаемый сарай, и это в середине января. Когда восемь недель спустя мальчишки вернулись в прежний рабочий дом, они едва держались на ногах.

На всю страну «прославился» рабочий дом в Эндовере, Хэмпшир. Надо сказать, что занятия в рабочих домах не отличались ни легкостью, ни приятностью. Очень часто беднякам приходилось щипать пеньку, т. е. расплетать просмоленные веревки, волокнами из которых конопатили суда. У обитателей Эндоверского дома была другая обязанность – размалывание костей на удобрения. Вонь от костей сшибала с ног, от пыли слепило глаза, острые осколки царапали кожу. Но страшнее всего было не это. Надзиратель и его жена были нечисты на руку и так урезали рацион своих подопечных, что бедняги обгладывали гнилые кости, привозимые на обработку.

Из-за скандала, который из всех сил раздувала «Таймс», надзиратель Эндовера лишился места. Но вопреки всем стараниям журналистов, рабочие дома продолжали существовать вплоть до середины XX века.

«Гороховый суп», или Лондонский туман

В стихотворении «Симфония в желтых тонах» Оскар Уайльд сравнивает лондонский туман с желтым шелковым шарфом. Чарльз Диккенс называл туман «лондонским плющом», что вьется вокруг домов, а в «Холодном доме» (1853) пропел туману настоящую оду: *«Туман везде. Туман в верховьях Темзы, где он плывет над зелеными островками и лугами; туман в низовьях Темзы, где он, утратив свою чистоту, клубится между лесом мачт и прибрежными отбросами большого (и грязного) города. Туман на Эссекских болотах, туман на Кентских возвышенностях. Туман ползет в камбузы угольных бригав; туман лежит на реях и плывет сквозь снасти больших кораблей; туман оседает на бортах барж и шлюпок... На мостах какие-то люди, перегнувшись через перила, заглядывают в туманную преисподнюю и, сами окутанные туманом, чувствуют себя как на воздушном шаре, что висит среди туч» [5].*

От поэтических сравнений туман не становился менее плотным и удушливым. Окунаясь в облако цвета горохового супа, лондонцы вряд ли задумывались о красивых метафорах. Скорее уж кашляли и зажимали носы.

Единственными, кого радовал туман, были столичные проститутки. В туманные дни они зарабатывали гораздо больше, ведь даже самые робкие мужчины не боялись с ними заговорить.

Густая пелена обещала клиентам анонимность. По словам француза Ипполита Тейна, в тумане порою невозможно было разглядеть лицо своего собеседника, даже держа его за руку. Та же самая анонимность пригодилась лондонским безработным, собравшимся на Трафальгарской площади 8 февраля 1886 года. Под покровом тумана толпа из 20 тысяч человек устроила беспорядки в Вест-Энде, грабя магазины и вытаскивая пассажиров из карет.

Лондонский туман. Рисунок из журнала «Панч». 1853

Но если проститутки и бунтари были довольны непогодой, остальных лондонцев туман настораживал. Метеоролог Дюк Говард так описывал типичный лондонский туман январским днем 1826 года: *«Конторы и магазины зажгли свечи и лампы, а кареты двигались с пешеходной скоростью»* [6]. Зато в тот же день в 8 км от Лондона на безоблачном небе сияло солнце – туман укутывал столицу и не собирался ее покидать. Случалось, что прохожие сбивались с пути во мгле и падали в Темзу, находя свою погибель в ее мутных водах. Но это была не единственная опасность, таившаяся в тумане.

Испарения с Темзы смешивались с дымом из бесчисленных труб, образуя смог (сокращение от слов smoke «дым» и fog «туман»). Лондонцы начали топить очаги углем еще в XIII веке и продолжали всю викторианскую эпоху, так что основным источником загрязнения служили не трубы заводов, а уютные каминь. В год лондонцы сжигали более 18 миллионов тонн угля! В 1840-х неумолимый реформатор Эдвин Чадуик призывал соотечественников перейти с обычного угля на антрацит и перестроить каминь так, чтобы они сжигали уголь более эффективно, но англичане не спешили последовать его советам. Парламент отклонил предложение Чадуика. Не хватало еще, чтобы санитарные инспектора покусились на святая святых – очаг, сердце дома! И трубы продолжали чадить.

В 1853 году в заметках «Блуждания по Лондону» Макс Шлезингер писал: *«Туман совершенно непригоден для дыхания: воздух одновременно кажется серовато-желтым, оранжевым и черным, он влажный, густой, зловонный и просто удушающий»* [7]. Работая в полуподвальных помещениях и душных мастерских, горожане страдали от легочных заболеваний. Зимой начинался настоящий ад для астматиков и больных туберкулезом. Как утверждал комитет, занимавшийся контролем над загрязнением воздуха, во время сильнейшего тумана 1886 года смертность среди горожан достигла уровня эпидемии холеры. Возможно, они преувеличивали, но историк Энтони Уол приводит впечатляющие цифры: в начале декабря 1891 года уровень смертности в Лондоне достигал 18 смертей на 1000 живых, но после того, как 20 декабря на город опустилась пелена тумана и продержалась еще пять дней, эта цифра возросла до 32. Туман скрывал преступления, но и сам был убийцей.

Великая вонь

Жарким и сухим летом 1858 года Лондон был охвачен ужасом. От жары Темза обмелела, и вместо воды, и без того грязной, по ней медленно струились потоки нечистот. Прохожие едва не падали в обморок. Пассажиры omnibuses кричали кучеру, чтобы ускорил шаг, иначе в тесном пространстве кареты можно было задохнуться. Врачи били тревогу: согласно распространенной теории миазмов, заболевания распространялись через дурные запахи, а такая вонь сулила эпидемию эпических масштабов.

Несладко приходилось и парламентариям. После пожара 1834 года, сгубившего прежнее здание парламента, на берегу Темзы был отстроен новый Вестминстерский дворец. Но готические окна не защищали от чудовищного смрада, а просторные залы воняли, как сельская уборная. Заседать в таких условиях было решительно невозможно. Премьер-министр Дизраэли выбежал из парламента, зажимая нос надушенным платком, и коллеги ринулись вслед за ним. Наконец-то законодателям открылось то, что давным-давно было очевидно всем лондонцам: городу нужна канализация, и чем скорее, тем лучше.

Отсутствие эффективной канализации было лишь частью проблемы. Современному человеку трудно представить ароматы, витавшие в городах XIX века, а наши жалобы на выхлопные газы заставили бы англичан закатить глаза – нам бы ваши проблемы! Посетив Лондон первой половины века, провинциалы сетовали, что улицы воняют хуже конюшни. Но «хуже конюшни» применимо скорее к центральным улицам, закоулки Ист-Энда пахли еще отвратительнее.

Взять, к примеру, домашний скот. Чтобы послушать хрюканье, мычание и кудахтанье, лондонцам не нужно было ехать в провинцию. Городская беднота испокон веков держала свиней. Свинья была отличным капиталовложением, а остававшийся после нее жидкий навоз хозяева по простоте душевной выливали на улицу. Только в 1873 году в Лондоне насчитывалось 1500 частных скотобоен – скот туда гнали прямо по бульварам, так что прохожим приходилось посторониться.

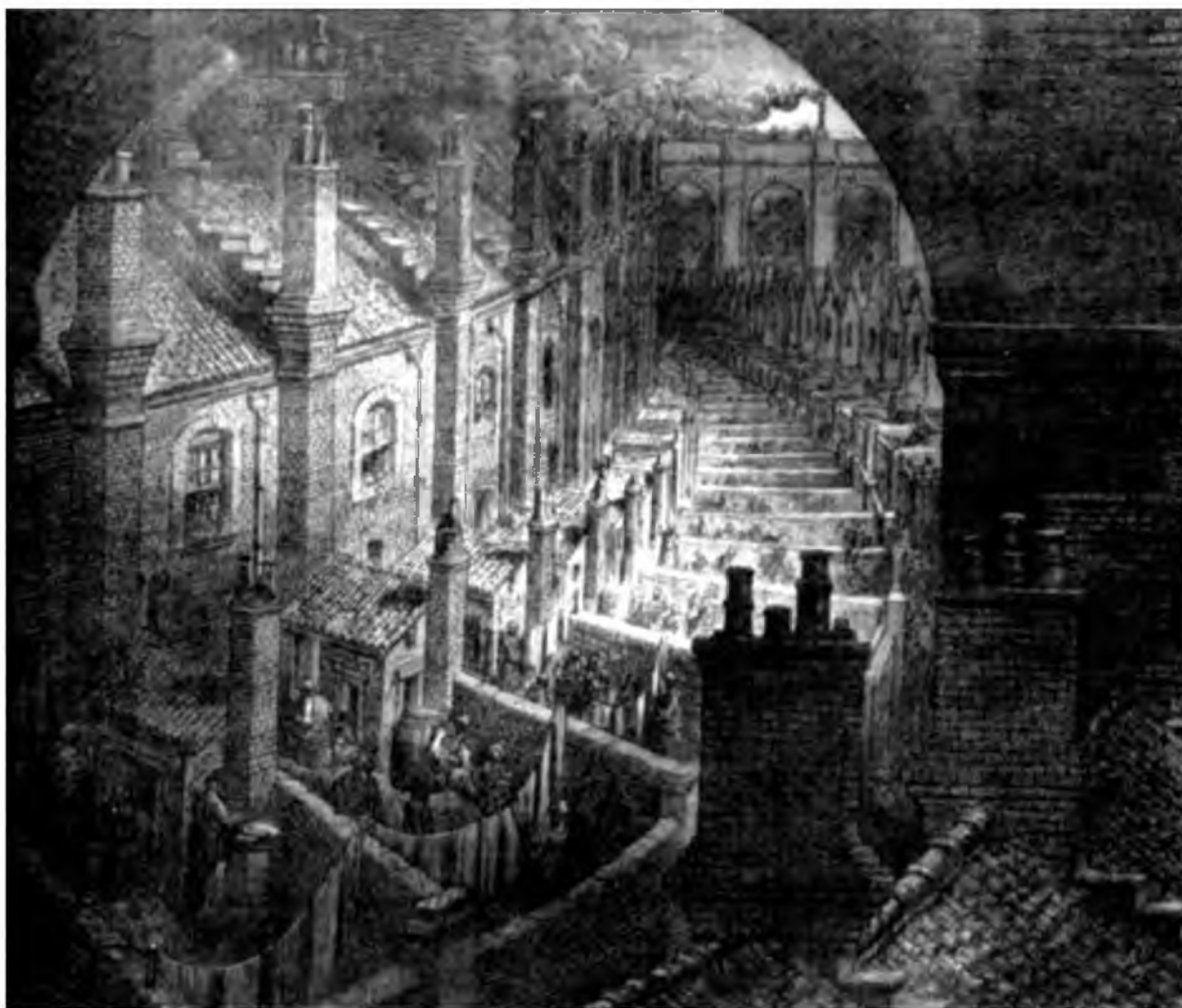
Зловония добавляли и заводы – кожевенные, свечные, цементные, – которые сливали отходы в местные водоемы. Старые кладбища, до краев полные гниющими телами, тоже терзали обоняние, и журналисты, морщась, называли их «освященными выгребными ямами». На погостах, вроде Св. Олафа в лондонском районе Бермондси, черепа валялись прямо на земле, так что реквизитом для постановок «Гамлета» могли бы быть обеспечены все лондонские трупы, включая учебные. Но особый ужас англичанам внушала нерешенная проблема канализации.

Унитазы, похожие на современные, начали появляться в 1850-х годах. До тех времен пользовались или ночным горшком, или отхожим местом на заднем дворе, или же земляным туалетом, где для слива вместо воды в ход шла земля. Ночной горшок хранился под кроватью или в отдельном помещении, а во время утренней уборки обязанностью служанки было его опорожнять. Многие хозяйки настаивали на том, чтобы на этаже, где находится детская, не было раковин, дабы у прислуги не возникал соблазн выливать содержимое горшка туда, не донося его до подвала.

В XIX веке многие зажиточные горожане переезжали на свежий воздух в пригороды, а свои дома в центре превращали в доходные, сдавая их сразу нескольким семьям. Таким образом, в доме, рассчитанном на одну семью, проживали десятки семей – такая коммунальная квартира по-викториански. И все они ходили в одну уборную, которая быстро переполнялась. Но что же делать с ее содержимым? В этом-то и заключалась проблема.

Те, кому хватало совести не выплескивать горшки из окна, сливали их в выгребные ямы, которые располагались в подвалах домов или на заднем дворе. К примеру, в 1870-х в городке Стокпорте возле Манчестера жилища рабочих были окружены зловонными болотами, по которым местные жители плавали на досках и отломанных дверях. Города буквально утопали в озерах нечистот. В середине XIX века выгребных ям в Лондоне было более 200 тысяч. Их чисткой занимались золотари, но поскольку услуги стоили денег, ни

квартирные хозяева, ни сами жильцы не спешили их нанимать. Результатом были запредельные грязь и вонь. В 1832 году, опасаясь холеры, городские власти Лидса раскошелились и заплатили за чистку выгребных ям. Потребовалось 75 телег, чтобы вывезти содержимое всего лишь одной ямы!

Задние двory в лондонских трущобах. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Как мы уже сказали, от вони страдали не только бедняки, но и сливки общества. В подвалах Виндзорского замка, резиденции английских королей, в 1850-х находились 53 выгребные ямы, и все переполненные до краев. Альтернативой ямам были навозные кучи, но если первые загрязняли почву, вторые отравляли воздух. Предприимчивые англичане извлекали выгоду из своих бед и продавали нечистоты фермерам на навоз (некоторые города даже устраивали аукционы нечистот). Но отходов было столько, что фермеры не успевали их скупать.

В середине века англичане вздохнули с облегчением – в обиход начали входить туалеты со смывом. В 1860–1870-х годах наиболее популярны были унитазы, произведенные компанией Томаса Краппера, человека с фамилией, удивительно соответствующей роду его занятий.³ В начале своей карьеры унитазы прятались в деревянном футляре, но, начиная с конца 1870-х, наступила мода на унитазы всех форм и расцветок, в стиле ампир и ренессанс,

³ Тем не менее, глагол *to crap* – «испражняться» – появился гораздо раньше и никак не связан с изобретателем. Вероятнее всего, его фамилия происходит от слова *scorper* – старинное обозначение фермера.

расписных и богато украшенных лепниной. Несмотря на то, что внешний вид унитазов поражал воображение, с туалетной бумагой обращались по старинке – для этих нужд годилась любая бумага, например, старые конверты или пакеты.

Поскольку в туалетах уже не витали омерзительные запахи, их не нужно было устанавливать в дальних комнатах. Самым популярным месторасположением туалета стал чуланчик под лестницей, поближе к гостиной и зале. Тем не менее, при смыве унитаз издавал такой громкий звук, что его было слышно в гостиной, и это смущало помешанных на приличиях викторианцев. Вот что писала Агата Кристи в своей автобиографии: *«В те дни мы были чрезвычайно стеснительны во всем, что касалось уборной. Немыслимо было даже представить себе, чтобы кто-то заметил, как вы входите или выходите оттуда, – разве что близкий член семьи. В нашем доме это вызывало большие затруднения, так как туалет находился ровно на полпути между этажами, у всех на виду. Самым ужасным было, конечно, оказаться внутри и слышать доносящиеся извне голоса. Выйти – невыносимо. Приходилось сидеть взаперти в четырех стенах и ждать, пока расчистится путь»* [8].

Помимо домашних туалетов в обиход вошли общественные уборные. Во время Всемирной выставки 1851 года посетители могли пользоваться уборными, где были установлены туалеты со сливом. В том же году общественная уборная для мужчин появилась на Флит-стрит. Год спустя была открыта первая женская уборная. Женские уборные были менее распространены, чем мужские – горожан беспокоило, что там будут собираться проститутки. Забавно, но как раз мужские уборные зачастую и становились местом встречи гомосексуалистов. Отсюда и пошло английское сленговое выражение «cottaging», обозначающее анонимный, ни к чему не обязывающий секс в общественной уборной. Дело в том, что первые уборные действительно напоминали уютные сельские коттеджи.

Как ни парадоксально, унитазы лишь прибавили городам проблем. Их сливали во все те же выгребные ямы, которые из-за воды наполнялись гораздо быстрее, или же в примитивную лондонскую канализацию. Наследие ушедших веков, канализация вообще не была предназначена для сбора нечистот, лишь для дренажа дождевой воды, которая по сточным трубам попадала в подземные каналы, а оттуда в Темзу. До 1815 года домовладельцам было запрещено соединять свои выгребные ямы со сточными трубами или сливать в них бытовые отходы. Когда-то в прозрачной Темзе резвились лососи. Но в 1815 году идилии наступил конец, и в реку хлынули нечистоты. Когда пятью годами позже на своей коронации Георг IV захотел полакомиться лососем из Темзы, то даже за 30 шиллингов не смог купить рыбку – лососи покинули реку.

Майкл Фарадей вручает свою визитку Грязнуле Темзе. Карикатура из журнала «Панч». 1855

Загрязнение продолжалось годами и десятилетиями. В 1855 году физик Майкл Фарадей отправился покататься на пароходе по Темзе, но вместо воды увидел «мутную, буроватую жижу». Его современник капитан Мэнглз заявил на заседании Палаты общин: *«Бог даровал нам прекраснейшую из рек, мы же превратили ее в мерзейшую клоаку»* [9]. Но «Великая Вонь» 1858 года дала лондонцам понять, что дальше так жить невозможно. В том же году было принято решение о строительстве новой канализации, а главным инженером проектов был назначен Джозеф Базелгетт. Он с энтузиазмом взялся за дело. Между 1859 и 1875 годами было построено 134 км подземных кирпичных коллекторов и 800 км уличных стоков. Кроме того, Базелгетту лондонцы обязаны двумя новыми набережными, Челси и Виктория, проложенными на берегах Темзы, куда прежде попадали нечистоты из сточных труб.

Лондонская канализация была запущена в 1864 году. На торжественном открытии присутствовал принц Уэльский, знать и власти города, а простые лондонцы ликовали, узнав, что вскоре после ее запуска в Темзу вернулись лососи. Казалось бы, на этом в истории Великой Вонь можно поставить точку. Но въедливый читатель задастся вопросом: «А куда же все-таки девались нечистоты, попадавшие в канализацию?» Увы, во всю ту же страдалицу Темзу (хотя правильнее будет называть ее «страдальцем», ведь англичане обращались к реке «батюшка Темза»). Сточные воды по трубам неслись к насосным станциям, а через них попадали в реку, правда, уже далеко от Лондона. Насосные станции («Эбби Миллз», «Кросснесс», «Бектон») были построены в малонаселенных районах, но тамошние жители начали жаловаться на вонь почти сразу же.

Чтобы привлечь внимание властей, потребовалась еще одна катастрофа. Лунной ночью

3 сентября 1878 года колесный пароходик «Принцесса Алиса» возвращался из Грейвсенда в Лондон. Лондонцы любили катания по Темзе, от желающих заплатить 2 шиллинга за билет не было отбоя. А тут еще такая прекрасная ночь! На палубе было не протолкнуться от туристов. Но радостная болтовня сменилась воплями ужаса, когда пассажиры заметили, что прямо на них идет грузовое судно «Байуэлл Кэстл». Оба капитана допустили ошибку, и 900-тонное судно столкнулось с пароходом. «Принцесса Алиса» дала трещину и затонула в считанные минуты, Ночь погрузилась в хаос.

В довершение всех бед, за час до крушения насосные станции «Баркинг» и «Кросснесс» вылили в Темзу ежедневный поток нечистот, и утопающие барахтались в зловонной жиже. Они бы погибли и так: спасательных жилетов не было, плавать почти никто не умел, громоздкие платья намокали и тянули женщин ко дну. Экипаж «Байуэлл Кэстла» швырял утопающим стулья и бочки, чтобы было за что ухватиться, спускал веревки, но из 900 пассажиров спасти удалось около 130. Пролежавшие в нечистотах тела были в таком состоянии, что родственники не могли их опознать и 120 неопознанных жертв пришлось похоронить в общей могиле. Тут-то общественность и вспомнила про злополучные насосные станции. Тогда в 1880-х годах Базелгетт изменил принцип их работы: сточные воды проходили очистку, а твердые отходы вывозили в Северное море. Исконному лондонскому смраду наступил конец.

Холера – чума XIX века

Чума, опустошавшая Англию в XVII веке, во время королевы Виктории казалась страшной сказкой. В память о ней остались «чумные камни», на которые жители зараженных деревень клали сполоснутые уксусом деньги в обмен на товары. Но, как оказалось, не все беды остались позади для викторианцев. В XIX веке из Азии в Европу пришла новая напасть – холера. Но страшнее всего было то, что борьба с эпидемиями едва ли продвинулась дальше все тех же «чумных камней». Люди умирали тысячами. Во время своего первого визита в 1831–1832 гг. холера унесла 32 тыс. жизней, и ее последующие атаки были не менее разрушительными: 62 тыс. в 1848–1849, 20 тыс. в 1853–1854, 14 тыс. в 1866–1867. Пострадали не только Лондон, но и Ливерпуль, Манчестер, Бирмингем, Бристоль, Лидс, Глазго, Эдинбург и немало других городов Англии и Шотландии.

Симптомы экзотической хвори вызывали трепет: несколько дней больной страдал от болей в животе, рвоты, поноса, его конечности леденели, кожа высыхала, и смерть вселяла уже не страх, а надежду на избавление от мук. Поговаривали, что больные впадают в кому, поэтому хоронят их еще живыми. Никто в точности не знал, чем вызвана болезнь и как ее лечить, а неведение, как известно, только подхлестывает панику. Как и в России в 1830-х, в Англии начались холерные бунты, впрочем, менее кровопролитные. Досталось, как обычно, и врачам, которые якобы добивают жертв холеры, чтобы затем изучать анатомию по их трупам. Страну охватила «холерофобия».

В своем монументальном труде по домоводству Изабелла Битон писала: *«Самые верные средства для борьбы с холерой – это чистоплотность, трезвость и своевременное проветривание помещений. Там, где есть грязь, найдется место и для холеры; туда, где наглухо закрывают двери, холера все равно отыщет лазейку; а те, кто тревоугодничают в жаркие осенние дни, на самом деле заигрывают со смертью»* [10].

Вы уже догадались, чего не хватает в разумных советах миссис Битон? Правильно, упоминания воды. А ведь заражение холерой происходит при питье воды или употреблении пищи, инфицированной холерным вибрионом. Холерный вибрион попадает в воду через экскременты, а если учесть, как печально обстояли дела с выгребными ямами, можно лишь удивляться, что жертв эпидемии было так мало. Наибольшие шансы на выживание были у любителей спиртных напитков и горячего чая, для которого, по крайней мере, кипятили воду. Напротив, стакан воды из уличного насоса был страшнее чаши с цикутой.

Со всех сторон на англичан сыпались советы, столь же разнообразные, сколь

бесполезные. Духовенство призывало каяться и поститься. Эскулапы советовали отказываться от жирного мяса в пользу ростбифа, вареной картошки и сухого хлеба, запивая все это вином. Правда, вино следовало разбавить водой, а про кипячение опять же никто не упоминал. В ход шли и проверенные веками средства: пиявки, теплые ванны, смесь касторки и опийной настойки и горчичники с горячим скипидаром. А медицинский журнал «Ланцет» в 1831 году с воодушевлением сообщал, что евреи из Восточной Европы в качестве профилактики натираются смесью вина, уксуса, камфорного порошка, горчицы, толченого перца, чеснока и шпанской мушки.

Главная проблема заключалась в том, что источник болезни по-прежнему оставался загадкой. В медицине безраздельно царила «теория миазмов», согласно которой заражение происходит через зловонный запах. Теория была хотя и неверной, но очень полезной. Благодаря ей появилась необходимость убирать мусор с улиц и решать проблему канализации – любое зловоние считалось опасным. Увы, многих горожан вполне устраивал и вкус, и запах воды из зараженных колодцев. А когда нашелся человек, приоткрывший завесу тайны над источником заразы, теория миазмов сыграла с ним злую шутку.

Талантливого исследователя звали доктор Джон Сноу. Еще в 1849 году он пришел к выводу, что холера распространяется через воду, а в 1854 году распознал источник заболевания в лондонском районе Сохо. Источником оказался обычный уличный насос, откуда брали воду все 500 жертв болезни. После того как доктор Сноу уговорил местные власти сломать у насоса ручку, заражение прекратилось. В 1855 году он представил свои данные на суд коллегам, но те досадливо отмахнулись. Теория Сноу пришлась не ко двору, так как противоречила домыслам о миазмах. Если болезнь действительно переносится через воду, а запах здесь ни при чем, так зачем вообще убирать с улиц грязь? Получается, что Сноу даже вредил делу общественного здоровья. Его выводы проигнорировали. Но открытия Пастера в 1860-х и Коха в 1880-х доказали его правоту, а имя догадливого доктора вошло в анналы медицинской истории. Хотя он бы, вероятно, предпочел, чтобы англичане просто не пили грязную воду, а не хвалили его постфактум.

Дети играют у городского насоса. Рисунок из журнала «Панч». 1860

После 1848 года, когда усилиями Эдвина Чадуика был принят Закон об общественном здоровье, в области здравоохранения были проведены реформы. В городах прокладывали канализацию и открывали общественные уборные, санитарные инспектора уделяли большее внимание качеству воды, закрывались старые кладбища, а новые строились за городской чертой. Борьба велась и с эпидемиями тифа, скарлатины, дифтерии. В 1853 году вакцинация от оспы стала бесплатной и принудительной, и еще одна болезнь, уродовавшая англичан, канула в прошлое.

Новые меры борьбы с болезнями порождали новые профессии. Если больные инфекционными заболеваниями находились на карантине в домашних условиях, после выздоровления или, гораздо вероятнее, смерти больного его комнату посещала команда дезинфекторов, облаченных в белые штаны и куртки. Дезинфекторы собирали личные вещи и любые предметы, где могла угнестись зараза. Вещи складывали в тележку и отвозили к дезинфекционной печи, где их подвергали термической обработке. Фотограф Джон Томпсон приводит леденящую душу историю о девочке, умершей от скарлатины. После нее осталась восковая кукла в шерстяном платье. Родители не отдали куклу для дезинфекции, потому что воск расплавился бы в печи, а 3 года спустя разрешили своей племяннице с ней поиграть. Получив роковой подарок, та скончалась через неделю.

С картошки на чай: меню простых англичан

Печально, но факт: в XIX веке английские рабочие перебивались с хлеба на воду. Точнее – с картошки на чай. Из-за Хлебных законов, которые с 1815 по 1846 годы поддерживали высокую стоимость английского зерна, хлеб был дорог. Конечно, не настолько, чтобы рабочие не могли его себе позволить, но картофель все равно оставался его серьезным конкурентом. Скудная диета городских рабочих сказывалась на здоровье. Из-за нехватки витаминов С и Д у детей развивался рахит. Рахитичные девочки вырастали в женщин с искривленными костями и слишком узким тазом, что в свою очередь приводило к тяжелым родам – еще одна причина, по которой материнская смертность была высока. Историк Энтони Уол утверждает, что обычная старшеклассница из современной Англии была бы на голову выше викторианского рабочего.

А теперь перенесемся в сельскую местность. Уж здесь-то нас ожидает щедрое угощение – и зеленый салат прямо с грядки, и аппетитные побеги спаржи, и золотистые яблоки, не говоря уже о пудингах и мясных пирожках. Увы, дары природы оседали на столах зажиточных горожан, а крестьяне в большинстве своем довольствовались все тем же хлебом, картофелем, сыром, чаем, пивом и беконом. В 1820-х годах путешественник Уильям Коббетт негодовал: *«На одной только ферме я увидел в четыре раза больше еды, чем требуется для жителей всего прихода... но, в то время как эти несчастные выращивают пшеницу и ячмень, делают сыр, производят говядину и баранину, им самим приходится жить на одном лишь картофеле»* [11]. Вареные коровьи щеки и баранья требуха считались за деликатес. Впрочем, собственный огород все же был неплохим подспорьем, а на подоконниках сельских коттеджей зеленел розмарин, придававший пикантный вкус топленому салу.

Масло, как и молоко, было дорого, так что на хлеб его намазывали прозрачным слоем. Настоящим спасением стал маргарин. Поначалу рабочие ворчали, что приходится есть «колесную смазку», но со временем вошли во вкус, тем более что маргарин был восхитительно дешев. В 1890-х годах женщина-кузнец – да-да, бывали и такие! – рассказала на интервью, что дальше маргарина ее мечты не устремляются, да и то, когда есть работа. Масло казалось чем-то сказочным и запредельным даже для тех, кто весь день стучал по наковальне.

Хотя в целом диета рабочих и крестьян была унылой, нельзя сказать, что простые труженики по всей стране питались одним и тем же. Южане могли побаловать семью пшеничным хлебом, тогда как жители суровой Шотландии налегали на овсяные лепешки. Сказывались на рационе и времена года. С приходом зимы замедлялась жизнь не только фермеров, но и тех, кто перебивался сезонными заработками, например, каменщиков. Им приходилось потуже затянуть пояс. Генри Мэйхью рассказывает о девочке, покупавшей летом самые отборные и дорогие отбивные – «Папа за ценой не постоит, он же каменщик». Но зимой та же малышка согласна была на любой кусок мяса, лишь бы подешевле – «У папы нет работы, он же каменщик». Вполне вероятно, что заботливая дочка даже летом пробовала мясо в лучшем случае по воскресеньям. До тех пор, пока подросшие дети не начинали зарабатывать, родители не баловали их обильными обедами. Не из жадности: все жиры и белки по праву доставались отцу, который работал по 12–15 часов в день. Накормив мужа, жена наливала себе и детям чай и отрезала тоненький ломтик хлеба.

Мясо больно било по карману. Батраки из Саффолка ставили силки на воробьев, ощипывали пташек, а тщедушные тушки варили или запекали в пироге – все что угодно, лишь бы ощутить вкус мяса. Городская беднота вкушала такие спорные деликатесы, как мертворожденные телята или мясо больных овец. Вряд ли эти вкусы прибавляли кому-то здоровья. Если же мясо в мясницкой лавке выглядело настолько неаппетитно, что на него не покусились бы даже бедняки, у них все равно оставался шанс его отведать, но уже в виде колбасы: мясники сбывали лежалый товар в колбасные цеха.

Голодающие горожане могли попытать счастья в бесплатной столовой. Филантропы открывали суповые кухни, правда, кашу пришлось бы заедать проповедями и молитвами. В

1870-х годах появились бесплатные школьные обеды для детей из малоимущих семей. В то же время голодные смерти были отнюдь не редкостью. В 1880-х около 45 лондонцев ежегодно умирало от голода: кто-то падал от истощения на улице и уже не мог подняться, кто-то тихо угасал за закрытой дверью, стыдясь позвать на помощь. В 1886 году от голодной смерти скончалась 46-летняя лондонка София Нэйшн, обедневшая леди, ставшая кружевницей. Когда обессиленную женщину привезли в лечебницу при рабочем доме «Бентал Грин», было уже слишком поздно. Стыд и страх перед рабочим домом пересилили гложущий голод.

В наши дни принято жаловаться на вредные пищевые добавки, всевозможные загустители, усилители вкуса, ароматизаторы. «Зато в благословенном прошлом еда была экологически чистой», – порою вздыхаем мы. Но если разогнать дымку ностальгии, станет ясно – тогда, как и сейчас, покупатели с подозрением присматривались к еде. Почему это огурцы такие зеленые, что просто вырви глаз? Не иначе как ядовитый краситель добавили. А хлеб с какой стати белый и плотный? Ну, конечно, в муку подмешали алюминиевые квасцы. Да и сахар подозрительно хрустит на зубах. Явно подсыпан обычный песок! В общем, скучать кухаркам не приходилось, знай только лови за руку недобросовестных торговцев.

Подобным образом пекари и пивовары развлекались еще в Средние века, то недовешивая хлеб, то разбавляя пиво. В 1327 году несколько лондонских пекарей придумали новый вид мошенничества, воспользовавшись тем, что печи в домах были редкостью, и горожане приносили свое тесто в пекарню по соседству. Мошенники клали тесто в особую форму с дырками на днище, через которые удавалось его хоть немного, но уворовать. Злодеев приговорили к стоянию у позорного столба, причем для пущей нравоучительности на шеи им повесили тесто. Но в викторианскую эпоху жуликов уже не наказывали так красочно, а, благодаря новым технологиям, мошенничества с продуктами приняли катастрофические масштабы. В большом обезличенном городе было довольно просто сбывать подпорченный товар.

Разговор в бакалейной: «Пожалуйста, сэр, дайте четверть фунта вашего лучшего чая, чтобы мама отравила крыс, и унцию шоколада от тараканов». Карикатура на пищевые добавки. Журнал «Панч», 1858

Разбавляли все, что только можно. В муку для объема добавляли не только картофельный крахмал и толченый горох, но также мел и гипс. Спитую заварку скупали по дешевке, сушили, подкрашивали и продавали заново. В индийских и китайских сортах чая можно было обнаружить английскую растительность, например истолченные листья ясеня или бузины. Что ж, так даже патриотично! Но зачем же разбавлять кофе? Хорошо, если только цикорием, и гораздо хуже, если кормовой свеклой, желудями или землей. Красный свинец придавал аппетитный вид корочке глостерского сыра, медь – изысканный цвет коньяку.

В середине века около 74 % молока по всей Англии разбавляли водой, причем содержание воды варьировало от скромных 10 до 50 %. Вряд ли воду кипятили, но и само молоко было рассадником заразы. Помимо мух, в нем встречалось и кое-что похуже, в частности туберкулезные бактерии. Между 1896 и 1907 годами ими была заражена десятая часть молока, продаваемого в Манчестере. Во второй половине века продуктовые лавки англичан пополнились мороженым, которым в одном только Лондоне торговали две тысячи итальянцев. Но санитарные инспектора пришли в ужас, когда обнаружили в образцах мороженого кишечные палочки, бациллы, хлопковые волокна, вшей, клопов, блох, солому, человеческие и собачьи волосы.

Некоторые англичане закрывали глаза на фальсификацию продуктов. Журналист

Дж. А. Сала возмущался: *«Еда – это дар небес, так зачем же заглядывать дареному коню в зубы? Они могут оказаться фальшивыми. Мы все, конечно, должны благодарить тех беспристрастных ученых мужей, что сбились в санитарную комиссию и теперь изучают наши обеды под микроскопом, находя, что это наполовину яд, наполовину мусор. Что же касается меня, то я предпочитаю, чтобы анчоусы были красными, а соленые огурцы – зелеными»* [12]. Другие же боролись с зарвавшимися жуликами. В 1872 году, после докладов, опубликованных в медицинском журнале «Ланцет», парламент принял Акт о фальсификации продуктов, ужесточивший контроль над качеством еды.

Уличная еда Лондона

Чтобы отыскать хоть какое-то разнообразие в меню, давайте покинем провинцию и вновь устремимся в столицу. Уличная еда в Лондоне, как и в других больших городах, пользовалась огромным спросом. Она была сытной, разнообразной и, что самое главное, незаменимой. Все дело в том, что в тесных квартирках попросту не было кухонных плит. Готовить приходилось прямо в камине на открытом огне: так можно подрумянить тост или запечь картофелину, но варить похлебку было бы делом долгим и дорогим, учитывая стоимость топлива. Не проще ли перекусить на улице? Если удавалось заработать лишний пенни, его тратили не на одежду и не на уголь, а сразу бежали покупать еду.

Где жители викторианского Лондона брали продукты? Прихватив корзину, они отправлялись на рынок, к мяснику и зеленщику, в бакалейную лавку. Не менее часто еду продавали прямо на городских улицах или приносили на дом. Давайте рассмотрим два последних варианта, поскольку нам они покажутся наиболее экзотическими.

Мясо лондонцы покупали на рынках или в лавках мясников. Тем не менее, уличная торговля мясом тоже велась. Таким образом продавали как домашнюю птицу, так и дичь. До 1831 года уличная торговля дичью была запрещена. Подразумевалось, что торговцы добывают своих бекасов или кроликов несправедливым путем, браконьерствуя в чужих лесах. Законный же владелец леса охотится в свое удовольствие и уж точно не станет связываться с презренной торговлей. Браконьеров суровые законы не останавливали, хотя сбывать добычу приходилось в условиях строжайшей секретности. Постоянными клиентами браконьеров были трактирщики и зажиточные купцы, желавшие полакомиться пищей аристократов.

С 1830-х стало возможным получить лицензию, позволяющую продавать дичь. За сертификатами обращались к лесникам, и вопросы по ловле и продаже дичи можно было урегулировать с хозяином леса. Так что торговля дичью, которая прежде велась из-под полы, стала более оживленной. Впрочем, торговцы опасались продавать свой товар в Вест-Энде. А то постучишься в какой-нибудь особняк и наткнешься на судью, а уж он-то сразу потребует предъявить сертификат (которого может и не быть!).

Торговцев дичью можно было опознать по просторным холщовым рубахам с большими карманами, в которые удобно засовывать тушки кроликов. Свой товар они привязывали к шестам и носили на плече. На шестах болталась самая разнообразная дичь: тетерева, куропатки, фазаны, бекасы, дикие утки. Иногда точно так же по домам разносили домашнюю птицу – гусей, кур, индеек, даже голубей, которые отлично годились для пирога. Очень доходной была торговля кроликами. Торговцы свеживали их, мясо продавали кухаркам, а шкурки – скорнякам.

Лондонцы покупали мясо не только для себя, но и для своих домашних любимцев. Мясо для кошек и собак пользовалось огромным спросом и приносило уличным разносчикам немалый доход. Этим мясом была конина с живодерни. Конину отваривали несколько часов и разрезали на куски, затем ее покупали разносчики и отправлялись по лондонским дворикам. Продавали мясо как на вес (2,5 пенни за фунт), так и мелкими кусочками, которые нанизывали на шпажки на манер шашлыка.

Конкуренция была отчаянной. Заприметив, в какие дома их соперники поставляют мясо, торговцы стучались в те же самые двери и предлагали товар по сниженной цене.

Среди клиентов попадались эксцентричные личности. В середине века одна женщина каждый день тратила 16 пенсов на мясо, после чего забиралась на крышу дома и швыряла угощение дворовым кошкам. К ее дому стекались полчища уличных кошек, их вопли ужасно досаждали соседям. Чтобы отгонять голодных бродяжек, соседи обзаводились собаками, а торговцы только радовались – ведь собакам тоже требуется мясо!

Мясо с живодерни для себя не брали даже бедняки, зато они могли полакомиться другим бюджетным деликатесом – овечьими лытками (т.е. овечьими копытцами, отрезанными ниже голени). В начале XIX века из них варили клей, но впоследствии для его изготовления начали применять иные, более дешевые материалы. Выбрасывать лытки было жалко, поэтому их продавали. Лытки ошпаривали кипятком, отделяли копыта, соскребали шерсть, но аккуратно, чтобы не повредить кожу, варили около четырех часов и отправляли на продажу. За большую и сочную ножку можно было выручить пенни, менее привлекательные кости стоили дешевле.

Благодаря развитию железных дорог, доставлять рыбу в столицу Британской империи стало гораздо проще. Уже в середине XIX века как зажиточные лондонцы, так и бедняки могли полакомиться рыбкой. Более того, запах жареной рыбы, особенно селедки, прочно ассоциировался с жилищами городской бедноты. Казалось, что он пропитывает стены и мебель, и сколько потом ни проветривай помещение, никуда он не денется.

Рыбу доставляли в Лондон бесперебойно, вне зависимости от сезона – если не было селедки, везли палтуса, скумбрию, камбалу. Центром рыбной торговли стал рынок в Биллингсгейте. Наряду с рыбой, торговали морепродуктами. Полпинты (около 250 г) креветок стоили один пенни. Впрочем, креветки все же были излишеством, потому что тот же самый пенни можно было потратить на хлеб. На улице покупали устриц, правда, невысокого качества, ведь дорогие устрицы трудно сбыть в Ист-Энде. В наши дни устрицы считаются деликатесом, но в викторианской Англии они были популярной едой бедняков. Как говаривал Сэм Уэллер из «Посмертных записок Пиквикского клуба», *«бедность и устрицы всегда идут как будто рука об руку»* [13]. Купленные устрицы уносили домой, чтобы насладиться ими в кругу семьи, или же лакомились ими, не отходя от прилавка. Устрицы заедали хлебом, который густо мазали маслом. За хлеб приходилось платить дополнительно, зато перец и уксус предлагали в качестве бесплатного приложения.

Раз уж речь зашла об устрицах, поговорим и о других деликатесах из раковины. Большим спросом пользовались береговые улитки (*Littorina littorea*). По-английски они называются «periwinkle», но торговцы-кокни сокращали их до «winks» (стоит упомянуть, что английское название спаржи «asparagus» в их устах звучало как «sparrowgrass» – «воробьиная трава»). Сезон береговых улиток длился с марта по октябрь. Особенно бойко торговля улитками шла летом, когда недельная выручка торговцев составляла 12 шиллингов чистого дохода. Среди любителей улиток был торговый люд и служанки – и те, и другие считали улиток хорошим дополнением к чаю. Кроме того, угостить свою подружку улитками было трогательным проявлением любви среди молодых жителей Ист-Энда.

Торговец устрицами. Рисунок из книги Генри Мэйхью «Рабочие и бедняки Лондона». 1861–1862

Хотя «fish and chips» (жареная рыба с картошкой) у многих сейчас ассоциируется с английской едой, продавать этот фастфуд на улицах начали только во второй половине XIX века. В середине столетия, когда Генри Мэйхью писал свои заметки о лондонских работах, к жареной рыбе подавали не картошку, а хлеб. О приближении разносчика рыбы можно было узнать по протяжному крику – «Рыба и хлеб, всего пенни!» Жарили, как водится, селедку, скумбрию, пикшу, камбалу. Для жарки брали рапсовое масло, причем некоторые торговцы подмешивали к нему ламповое масло. Что и говорить, вкус у жареной рыбы был специфический, но в промозглую погоду она отлично утоляла голод.

Некий разносчик рыбы поведал Генри Мэйхью об опасностях, подстерегающих в этом нелегком ремесле. Лучше всего жареная рыба расходилась в пабах, в качестве закуски к пиву, но там приходилось держать ухо востро. Несколько раз у него из рук выбивали лоток, рыба разлеталась по полу, а проворные пьянчуги тут же ее хватали и съедали. В результате бедняга оставался без прибыли. Как-то раз в лицо ему бросили порошок графита, которым начищали каминные решетки. Пока торговец тер фартуком глаза, завсегдатаи паба увели его лоток. Домой торговец вернулся на ощупь, и еще несколько дней его лицо страшно чесалось. Но ничего не поделаешь – пришлось обзавестись новым лотком и продолжать торговлю.

На столичных улицах, среди засилья рыбы и вареных овечьих ножек, вегетарианец тоже нашел бы, чем поживиться. Уличные разносчики торговали капустой, обычной и

цветной, репой, морковью, картофелем, луком, сельдереем, салатом, спаржей и т. д. Маленькие девочки покупали на рынках водяной кресс, а затем ходили от дома к дому, пытаясь продать его подороже. В покупке зелени главенствовал принцип «доверяй, но проверяй». В конце рыночного дня дельцы скупали нераспроданную зелень, уже увядшую и пожелтевшую. Салат и капустные листья тщательно сортировали и вымачивали в грязной водичке. Восстановив таким образом товарный вид зелени, ее сбывали по дешевке. Стоит ли удивляться, что холера была частой гостьей в столице?

Если в промозглую погоду лондонцам не хотелось сырых овощей, можно было согреть желудок супом – гороховым или рыбным. Горячие угри стоили полпенни за 5–7 кусочков плюс бульон, гороховый суп – полпенни за полпинты. Суп разливали по мискам, которые торговцы носили с собой. Хотя простой люд не брезговал есть из такой тары, к угрям многие относились подозрительно. Сами же уличные торговцы утверждали, что рыбаки продают дохлую, несвежую рыбу вместо еще живой. Впрочем, они допускали, что в таком виде угрей едят и аристократы (но аристократам ведь какую гадость ни подсунь, они все равно съедят).

В начале XIX века на улицах в больших количествах продавали печеные яблоки, но печеный картофель вытеснил их с рынка. Неудивительно, ведь картофелиной насытиться проще, чем яблоком. Торговцы запекали картофель в булочной и развозили по городу в металлических контейнерах, оснащенных мини-бойлером, благодаря чему картофель оставался горячим. Контейнеры полировали до блеска или красили в ярко-красный цвет. Перед тем как съесть картофелину, озябшие работяги держали ее в руках, чтобы согреться. Через перчатку по ладоням разливалось приятное тепло, а уже потом горячий рассыпчатый картофель согревал едоков изнутри. Даже прилично одетые джентльмены уносили картофелины в карманах, чтобы поужинать дома. Но, само собой разумеется, основными покупателями были рабочие и мастеровые. Мальчишки и девчонки, день-деньской трудившиеся на улице, тоже тратили полпенни на картофелину. Ирландцы так просто обожали привычный с детства продукт, однако, по словам торговцев, именно они были наихудшими покупателями – старались выбрать картофелину покрупнее!

Торговец печеным картофелем. Рисунок из книги Генри Мэйхью «Рабочие и бедняки Лондона». 1861–1862

Наряду с овощами можно было полакомиться орехами, а также печеными каштанами, которые готовили прямо на улице. Генри Мэйхью взял интервью у маленькой девочки, разносившей орехи по кабакам – орехи хорошо шли под пиво. О том, чтобы самой погрызть орешки, не могло быть и речи. Если девочка не приносила матери 6 пенсов, ее ожидала взбучка. Питались в ее семье хлебом и картофелем, хотя, время от времени, могли позволить роскошь – селедку или чай. Мэйхью подчеркивал, что мамаша этой девочки напивалась «всего лишь» раз в неделю, поэтому столь скудный рацион не вызывает удивления.

Летом уличные торговцы продавали свежие фрукты, а когда их не было в наличии, то сухофрукты. Выбор фруктов и ягод был достаточно велик – клубника, малина, вишня, крыжовник, апельсины, абрикосы, сливы, яблоки, груши и ананасы. Как и овощи, фрукты покупали на рынках Ковент Гарден, Фаррингтон или Спиталфилдс, а затем перепродавали на улицах. Уличной торговлей фруктами, особенно апельсинами, часто занимались ирландцы, к которым лондонцы – как простой люд, так и журналисты, – относились с презрением.

В первой половине XIX века в широкой продаже появились ананасы и произвели фурор. Пользуясь ажиотажем, уличные торговцы скупали дешевые ананасы, подпорченные морской водой в трюме, и продавали их втридорога. За ананас, купленный всего за 4 пенни, можно было выручить шиллинг, а то и полтора. Те, кто не мог потратить целый шиллинг, покупали ломтик за один пенни. Торговцы ананасами зарабатывали баснословные деньги –

22 шиллинга в день! Покупали их в основном люди из среднего класса, чтобы побаловать детей дома, хотя извозчики, трубочисты и мусорщики тоже не прочь были отведать ломтик за пенни, чтобы узнать, из-за чего сыр-бор.

Хитроумные торговцы фруктов, как и другие продавцы, не упускали возможность одурачить простофилю. Можно было отварить мелкие апельсины, чтобы они разбухли, а затем продать их неопытным перекупщикам. Очень скоро товар, такой красивый, чернел и скукоживался. Другие жулики прокалывали апельсины и частично выдавливали из них сок, который затем продавали отдельно. Плутовать с яблоками было сложнее, но тоже можно. Дешевые кислые яблочки натирали шерстяной тряпицей, чтобы они заблестели и стали более мягкими на ощупь. После их смешивали с яблоками лучшего качества и продавали доверчивым особам.

Хлебом на улицах Лондона середины XIX века торговали мало. Да и зачем? Не проще ли пойти в булочную и купить буханку с хрустящей корочкой и мякишем, тающим во рту? Однако такая роскошь была не всем по карману. Некоторые бедняки могли позволить себе разве что краюху черствого хлеба – как раз им на улицах и торговали. В конце рабочего дня в булочные наведывались лоточники и скупали по дешевке всю не раскупленную выпечку. Пекари были только рады от нее избавиться, а торговцы уже на следующий день разносили ее по Уайтчапелу. Одни таскали на голове корзины, до краев наполненные подсохшими, но вполне съедобными булочками. Другие толкали перед собой тачку, сиплым голосом нахваливая свой товар – если кричать день-деньской, можно охрипнуть, а то и вовсе голос потерять! Куртки и брюки торговцев были припорошены мукой, из-за чего казались пыльными.

У дверей театров дежурили продавцы бутербродов с ветчиной. В зависимости от размера, сэндвичи стоили пенни или полпенни. Но бутерброды – это не черствый хлеб, который уже ничем не испортишь. Даже если плесенью покроется, бедняки съедят и не подавятся, лишь бы подешевле. Театральная же публика отличалась утонченным вкусом. Ей и хлеб подавай свежий, и ветчину без зеленых пятен. Так что торговцам бутербродами приходилось туго. Нужно было в точности рассчитать, сколько бутербродов раскупят этим вечером, и сбыть их все до единого, потому что на следующие сутки их уже никто не возьмет. Всем продавцам выпечки вредила сырая погода, которая в Лондоне отнюдь не редкость. В дождь хлеб быстро размокал, так что всучить его прохожим не представлялось возможным.

Хотя меню лондонцев из Ист-Энда не изобиловало деликатесами, даже люмпены время от времени тешили вкусовые рецепторы. Кто же откажется разнообразить рацион, состоящий в основном из картошки с селедкой? Лишний пенни можно потратить на пирог. На улицах продавались мясные и рыбные пироги, вареные пудинги с жиром и почками, а также сладкая выпечка всех сортов – открытые пирожки с начинкой из ревеня, смородины, крыжовника, вишен, яблок или клюквы, пудинги с сухофруктами, пышки и кексы, булочки «Из Челси» (Chelsea buns) с корицей, лимонной цедрой и изюмом, имбирные пряники и прочая, и прочая.

Поскольку пирожниками становились пекари, оставшиеся без работы, выпечкой занимались или они сами, или же их домочадцы. Фарш для мясных пирогов готовили из говядины или баранины, для рыбных годился уторь. Нужно ли говорить, что мясо было не лучшего качества? Для начинки брали не целый кусок мяса, а ошметки, на которые приличный человек даже не позарится. С другой стороны, нужно быть мазохистом, чтобы пристально изучать начинку пирожка за один пенни. Большим спросом пользовались традиционные пирожки mince-pies. Сейчас они ассоциируются с рождественским сезоном, но в XIX веке горожане вкушали их каждый день. Пирожки начиняли смесью из мясного фарша, сала, яблок, сахара, патоки, изюма и специй. С собой пирожники носили масленку с подливой. Покупатель протыкал пальцем корочку пирога и заливал в его недра подливу, покуда корочка не вздымалась. Опытные торговцы уверяли, что благодаря подливе можно сбавить пирог даже четырехдневной давности!

Известный мюзикл о цирюльнике-маньяке и пирожках из человечины возник не на пустом месте. В Лондоне ходили байки о цирюльнике Суинни Тодде, который резал своих клиентов, а его любовница миссис Лаветт пускала их на фарш. Завидев пирожника, остряки начинали мяукать и гавкать, но к таким шуткам продавцы привыкли. Впрочем, лондонцы пирожников не обижали и часто играли с ними в орлянку. Да-да, за пирог не всегда нужно было платить. Многие полагались на удачу и пытались пирожок... выиграть! «Орлянка с пирожником» была настолько популярной забавой, что иные лондонцы, особенно молодежь, наотрез отказывались покупать выпечку, не подбросив предварительно монету. Если выигрывал торговец, то забирал себе пенни, не отдавая взамен пирог. Если везло покупателю, он получал пирог бесплатно.

Осенью наступал сезон вареных мясных пудингов, длившийся всю зиму, когда ничто так не греет душу, как лакомство на основе прогорклого жира. На улицах часто встречалась такая картина – мальчишки покупали горячий пудинг и, ойкая, перекидывали его из руки в руку, разрываясь между желанием съесть его сразу и опасением обжечь язык. Другим фаворитом ребятни был пудинг «plum dough». В кулинарной книге 1897 года приводится следующий рецепт этого лакомства: смешать стакан масла, полтора стакана сахара, стакан молока, три стакана муки, стакан изюма, три яйца и две чайные ложки пекарского порошка. Получившуюся массу три часа готовить на пару. Попадались и оригинальные сласти – например, так называемые «Coventry godcakes». Родиной треугольных слоев с джемом считается город Ковентри. По традиции, крестные дарили их своим крестникам на Новый год или Пасху. На каждом пирожке делали три надреза, символизировавшие Троицу. В XIX веке региональное лакомство добралось и до Лондона.

На Страстную пятницу в Англии традиционно выпекали «cross buns» – булочки, украшенные знаком креста. Народная медицина предписывала хранить такую булочку целый год вплоть до следующей Страстной пятницы. Крестовая булочка, пусть и зачерствевшая, считалась универсальным средством от любой болезни, включая желудочно-кишечные расстройства. А если она паутиной покроется... что ж, паутина отлично заживляет порезы и останавливает кровь! Тоже в хозяйстве пригодится. Каждую Страстную пятницу городские улицы оглашались воплями: «Крестовые булочки, две за пенни!» Торговля шла очень бойко, в стороне оставались разве что ирландцы, ведь католикам в Страстную пятницу предписан строгий пост.

Как и их российские сверстники, английские ребятишки любили пряники. Имбирным пряникам придавали самые разнообразные формы – лошадей, овец, собак и т. д. Повсеместно продавали «петуха в брюках» – штаны на внушительного вида пряничной птице были из сусального золота, а после коронации Георга IV английские ребятишки грызли «короля Джорджа на скакуне».

Еще в XVIII веке по лондонским улицам деловито сновали молочницы, зачастую, уроженки Уэльса. На плечах молочница придерживала коромысло, с которого свисали подойники, полные молока. Таскать ведра весь день напролет – занятие не из легких, так что молоком торговали дюжие тетки. Каждый день они посещали дома постоянных клиентов, а при случае могли и прохожему налить кружку. Первого мая молочницы участвовали в параде и лихо отплясывали, держа на голове подойники, увешанные начищенным столовым серебром. Но в середине XIX века за продажу молока рьяно взялись мужчины. «Молоко-о-о! Полпинты за полпенни!» – выкрикивали они.

Самые щепетильные особы предпочитали парное молоко, прямо из-под коровы. Главным пунктом торговли свежайшим молоком был Сент-Джеймский парк. И зимой, и летом там обреталось несколько коров, которых доили по первой же просьбе покупателей. Прерывистая дойка приводила к тому, что парковые коровы давали меньше молока, но молочниц это не останавливало. Молоко покупали солдаты, няньки, выводившие на прогулку своих воспитанников, а также субтильные девицы, которым прописывали его для укрепления здоровья.

Такая молочница-ворчунья пожаловалась Генри Мэйхью на избалованную публику.

Вот ведь какие привереды – повадились приходить со своими кружками, да еще и фарфоровыми. Ее кружками, видите ли, брезгуют! И служанкам нечего шляться в выходной день по парку и молоко там хлестать. Их бы всех под замок, чтоб не транжирили деньги да с солдатами не перемигивались! И куда только хозяева глядят? Удивительно, как у такой склочной старушки не кисло молоко. Впрочем, ее тоже можно понять – если проводить каждый день, с утра до вечера, в компании унылой коровы, то озлобиться недолго.

Молочница. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Помимо сырого молока, лондонцы любили подслащенный творог, который продавали в кружках, а также рисовое молоко. Чтобы приготовить этот напиток, четыре литра молока целый час кипятили с полкило риса, предварительно отваренного. Рис разбухал, так что вожаделенного напитка становилось еще больше. По просьбе сластен, в кружку с рисовым молоком добавляли сахар, правда, в умеренных количествах, ибо сахара на всех не напасешься.

Как же обстояло дело с другим жизненно важным напитком? Но что касается уличной торговли, алкоголю здесь не место. Чтобы залить глаза, придется отправиться в паб или во «дворец джина» – тот же паб, только с обстановкой поприличнее. Впрочем, спиртное на

улицах все же продавали, но это скорее была дань традициям. Зимой торговали горячим вином из бузины. Согласно народным поверьям, бузина отпугивает нечистую силу, так что пить вино не только приятно, но и душевспасительно. Некоторые хитрецы торговали мятным лимонадом, причем с собой носили два бочонка. В одном была подслащенная и приправленная мятой водица, в другой – спиртное. Запах перечной мяты перебивал запах алкоголя, так что можно было торговать прямо на глазах у полиции.

Но если уличные торговцы воздерживались от продажи спиртного, на реке их собратья продавали его вовсю. Предпринимателей, рассекавших Темзу на своих утлых лодках, называли «purl sellers». В стародавние времена в Англии варили «purl» – эль из полыни. Викторианцы утратили к этому горячительному всякий интерес, тем более что появился совершенно божественный напиток – абсент. Однако слово сохранилось. Так стали именовать горячее пиво с джином, сахаром и имбирем. Пуншем согревались моряки и рабочие на грузовых судах, ходивших по Темзе. Чтобы заняться этой торговлей, требовалось в первую очередь получить лицензию, а затем обзавестись лодкой, оборудованием для изготовления коктейлей и внушительных размеров колоколом. В тумане речному торговцу легко было затеряться, поэтому он звонил в колокол, сообщая морякам о своем приближении. Если экипаж желал согреться, в ответ раздавались приветственные крики и торговец подплывал поближе.

Уличные напитки, как и уличная еда, в XIX веке быстро эволюционировали. Старые фавориты сменялись новыми. Взять, хотя бы, сбитень-салуп, скрашивавший существование лондонцев в XVIII веке. Его готовили из молока с добавлением сахара, пряностей и коры орхидеи *Orchis mascula* или же сассафраса (встречаются упоминания об обоих растениях). В 1820-х годах эссеист Чарльз Лэм сочинил целый панегирик любимому напитку юных трубочистов:

«Существует некая смесь, основой которой, как я понял, является сладковатое дерево, „рекомое сассафрасом“. Его древесина, разваренная до подобия чая и одобренная добавлением молока и сахара, на вкус некоторых, несомненно, изысканнее роскошного дара Китая. Не знаю, в силу каких особенностей в строении рта юного трубочиста так получается, но я всегда замечал, что данное яство поразительным образом ублажает его небо – то ли потому, что частицы масла (сассафрас слегка маслянист) разрыхляют и растворяют затвердевшие скопления сажи, которые, как иногда обнаруживали (при вскрытиях), прилипают к своду ротовой полости этих еще неоперившихся тружеников, то ли потому, что природа, чувствуя, что она примешила слишком много горечи к доле этих незакаленных жертв, распорядилась, чтобы из земли в качестве сладкого утешения вырос сассафрас, – но так или иначе, нет другого вкуса или запаха, который вызвал бы у юного трубочиста такое изысканное волнение чувств, как эта смесь» [14].

Но к 1840-му салуп исчез с лондонских улиц и уже казался чем-то экзотичным. На смену ему пришел лимонад, газированная вода и «имбирное пиво», т. е. шипучий имбирный лимонад. Продавцы имбирного пива готовили его сами, смешивая воду, имбирь, лимонную кислоту, гвоздичную эссенцию, дрожжи и сахар. Лимонад разливали по бутылкам или, особенно в летнюю жару, продавали из сифона в газированном виде. Ходили слухи, что недобросовестные торговцы подмешивают в лимонад серную кислоту, чтобы сэкономить на лимонном соке.

Напоследок поговорим о кофе. Кофейни появились в Лондоне еще в конце XVII века, но порою бывает, что расслаживаться в кофейне просто нет времени. В таких случаях лондонцы полагались на уличные ларьки. В 1820-х снизились пошлины на кофе, цены упали и, как следствие, обороты торговли возросли. Кофе на улицах был низкого качества, с примесью цикория и сушеной моркови. Впрочем, и покупали его отнюдь не гурманы.

Передвижная кофейня представляла собой тележку, иногда с брезентовым навесом. На тележке стояли 3–4 жестяные канистры с чаем, кофе, какао и горячим молоком. Под ними ставили горелки, чтобы содержимое не остывало. Вместе с напитками продавали хлеб с маслом, кексы, бутерброды с ветчиной, водяной кресс и вареные яйца. Кофе разливали в

кружки, которые затем мыли в лохани, стоявшей под телегой (вода, как водится, была из ближайшего насоса). Кружка кофе, чая или какао в середине века стоила пенни, кусок хлеба с маслом или кекса – полпенни, бутерброд – 2 пенса, вареное яйцо – пенни, пучок кресса – полпенни.

Доходы всецело зависели от месторасположения ларька. Чем оживленнее улица, тем больше спрос на кофе. Лакомым кусочком считался угол Дюк-стрит и Оксфорд-стрит. Там стояла большая четырехколесная телега, покрашенная в ярко-зеленый цвет. Ее удачливый владелец, по словам Генри Мэйхью, ежедневно зарабатывал не менее 30 шиллингов! Самый оживленный период торговли выпадал на утро, когда клерки и рабочие отправлялись на службу. Многие ларьки работали по ночам, но обслуживали уже другой контингент – проституток и их клиентов.

Уличная кофейня. Рисунок из книги Генри Мэйхью «Рабочие и бедняки Лондона». 1861–1862

Глава II

Профессии былых времен

В викторианской Англии, как и сейчас, существовали более или менее престижные сферы деятельности – торговля и юриспруденция, инженерное дело и медицина, – но

доступны они были среднему классу и только мужчинам. А если вам не повезло и вы родились в рабочей семье, или в деревне посреди вересковых пустошей, или в лондонских трущобах? На какие профессии можно рассчитывать в этом случае? Давайте познакомимся с занятиями былых времен, которые могут показаться тяжелыми и неприятными, но зачастую весьма оригинальными.

Мир под лестницей: английские слуги

В 1851 году более миллиона англичан были в услужении, а в 1891 году, уже на закате викторианской эпохи, мы получим и более точные цифры – 1 386 167 женщин и 58 527 мужчин. Даже самые небогатые семьи старались нанять хотя бы одну служанку – так называемую *maid of all works*, которой приходилось и стряпать, и заниматься уборкой. Поднимаясь выше по общественной лестнице, мы встретим большее число слуг, не говоря уже об аристократических домах, где слуги исчислялись сотнями. Например, в конце XIX века шестой герцог Портленд держал 320 слуг мужского и женского пола.

В услужение шли выходцы из низов, в основном из сельской местности. С развитием железных дорог провинциальные хозяйки негодовали, что теперь днем с огнем не сыщешь хороших горничных – все крестьянки подались в Лондон, где платили получше и где был шанс встретить достойного мужа.

Нанимали прислугу несколькими способами. В провинции в течение столетий работники и хозяева встречались на особых ярмарках, причем работники захватывали с собой какой-либо предмет, обозначающий их профессию: кровельщики держали в руках солому, служанки – метлу. Чтобы закрепить договор о найме, требовались всего-навсего рукопожатие и выплата небольшой суммы авансом.

Но в городах затеи милой старины уже не пользовались спросом, так что слуг принято было искать через биржи труда или агентства по занятости, а то и через знакомых. Перед наймом соискатель места показывал рекомендательные письма, и горе тому, кто решился бы их подделать – это было дело подсудное. Вьедливые хозяйки обращались к предыдущим хозяевам какой-нибудь Мэри или Нэнси, чтобы выяснить, чистоплотная ли она, действительно ли хорошо выполняет свои обязанности, не водится ли за ней склонность к воровству.

В 1844 году сатирический журнал «Панч» опубликовал пародию на такой запрос:

«Сударыня! Поскольку Бриджет Дастер желает получить место единственной горничной в моем доме, я прошу Вас, ее бывшую хозяйку, сообщить, подходит ли она для выполнения столь серьезных обязательств. В прошлом я настрадалась от дерзости и подлости слуг (которые, по моему мнению, посланы исключительно для того, чтобы терзать приличных людей), и посему прошу вас не сердиться на некоторую скрупулезность моих расспросов... Признаться, я довольна внешностью Бриджет. Еще никогда не доводилось мне видеть таких глубоких оспин... А чем невзрачнее прислуга на вид, тем лучше. Неказистая внешность это что-то вроде дешевой униформы для горничных, предназначенной им самой природой: указывает им их место и отвращает от всяких глупостей. Пока что Бриджет кажется достойной кандидатурой...»

Я надеюсь, она трезвого образа жизни. А то ведь когда служанки настолько некрасивые, они порою прикладываются к бутылке, дабы отомстить природе. Тут уж как ни затирай бренди, все равно от них не убережешь. А посуду Бриджет не бьет ли? Я всегда взыскиваю деньги за разбитую посуду, но за мои нервы кто заплатит? Кроме того, слуги могут перебить столько посуды, что и жалованья не хватит. Честна ли Бриджет? Тут, сударыня, извольте отвечать поточнее, ведь я уже столько раз обманывалась в людях. Однажды наняла служанку с отличными рекомендациями, а буквально неделю спустя увидела, как она отдает три холодные картофелины какому-то шарманщику с белыми мышами. Разве это честность? Вежлива ли Бриджет? Хорошо ли она переносит заслуженный выговор?.. Может ли Бриджет вставать рано, независимо от того, в какое

время легла спать? Хорошая горничная подобна иголке – всегда стит с одним открытым глазком. Есть ли у Бриджет ухажеры? Таких негодниц я не потерплю. Горничная должна быть как монахиня, она оставляет позади все мирское, как только перешагнет порог дома» [15].

Рекомендательные письма показывают, насколько зависимым было положение слуг. Хотя хозяев убедительно просили не клеветать на бывших работников, равно как и не хвалить их незаслуженно, многие не отказывали себе в удовольствии испортить прислуге жизнь. Доказать клевету было практически невозможно. Мнение, высказанное в рекомендации, считалось субъективным, а людям свойственно ошибаться, не так ли? Разве это преступление?

Иногда слуги, совсем отчаявшись, подавали в суд на хозяев, отнявших у них шанс на работу. Так поступила служанка, чья госпожа в письме назвала ее «наглой и дерзкой девицей, которая подолгу залеживается в постели, но вместе с тем отличается чистоплотностью и хорошо справляется с работой» [16]. Судья не увидел в словах хозяйки злого умысла и закрыл дело, истица же осталась без работы и, вероятнее всего, с подмоченной репутацией – кто наймет сутяжницу? Можно представить, сколько жизней было сломано из-за нескольких несправедливых слов. Среди слуг тоже существовало «сарафанное радио»: встречаясь в течение дня, служанки сплетничали о своих хозяевах и могли посоветовать товарке подходящее место или же отговорить от плохого.

Если нанять служанку мог даже мелкий банковский клерк, слуга считался символом престижа. С 1777 года каждый наниматель должен был платить налог в размере 1 гиней за слугу мужского пола – таким образом правительство надеялось покрыть расходы в войне с американскими колониями. Ничего удивительного, что именно мужчины главенствовали в мире под лестницей.

Горничные. Рисунок из журнала «Панч». 1869

Мужской прислугой командовал дворецкий (butler). Иногда он занимался чисткой столового серебра, которое простой прислуге не доверишь, но в целом был выше

физического труда. В его ведении находились все ключи, а также винный погреб, что служило дворецкому немалым преимуществом – он заключал сделки с торговцами вином и получал от них комиссионные. Дворецкий объявлял гостей и следил за тем, чтобы блюда за торжественным обедом подавались вовремя, мог приглядывать и за гардеробом хозяина, но не помогал ему одеваться – это обязанность камердинера (valet).

Личный слуга хозяина, камердинер, готовил ему ванну поутру и одежду на выход, собирал багаж для путешествий, заряжал его ружья, прислуживал за столом. Идеальный камердинер, «джентльмен джентльмена», это, разумеется, Дживс, герой рассказов П. Г. Вудхауза – даже в XX веке он блюдет викторианские ценности. Услугами камердинера пользовались холостяки или же престарелые джентльмены, которым требовался постоянный присмотр. Уж не поэтому ли Дживс так ревностно отгонял потенциальных невест от своего хозяина Берти Вустера? Женитьба означала бы расставание.

Визитной карточкой лакея (footman) была его представительная внешность. На эту должность брали мужчин высоких, статных и обязательно с красивыми ногами, чтобы икры хорошо смотрелись в обтягивающих чулках. Облаченный в ливрею, лакей прислуживал за столом и своим видом придавал торжественность моменту. Кроме того, лакеи разносили письма, открывали гостям дверь, приносили подносы из кухни и поднимали прочие тяжести (хотя карикатуры изображают, как лакей несет поднос со стопкой писем, в то время как горничная, надрываясь, тащит ведро с углем). Когда госпожа отправлялась по магазинам, лакей почтительно следовал за ней и нес покупки.

Владения мужской прислуги простирались и за пределами дома. Огромную роль в поместье играли садовники (gardener), создававшие настоящие шедевры в английских парках. В городских домах садовник был приходящим, он навещался раз в неделю, чтобы подстричь лужайку и привести в порядок палисад. В работу на конюшне были вовлечены такие слуги, как кучер, конюх, грум, мальчики на побегушках и т. д. Согласно стереотипам, кучера были необразованными, плохо подготовленными к такой работе, жестокими с лошадьми, ленивыми пьянчугами, еще и вороватыми в придачу. Но поскольку викторианцы сурово относились к любой прислуге, ничего удивительного, что и о кучерах они были невысокого мнения.

К кучеру (coachman) предъявлялись следующие требования: он должен был отлично управляться с лошадьми, отличаться трезвым образом жизни, аккуратностью, пунктуальностью, хладнокровием во всех обстоятельствах. Для городского кучера умение хорошо водить карету было насущной необходимостью, поскольку лавировать по улицам было не так уж просто. В идеале городские кучера должны были проходить тренировку, т. е. служить подмастерьем у другого кучера. Для сельского кучера столь тщательной подготовки не требовалось. Его могли взять, что называется, от сохи. Если главным недостатком городского кучера было то, что рано или поздно он начинал кичиться своим положением, сельские кучера были по большей части ленивы – лошади заражались их апатией и еле ползли по дороге. По крайней мере, именно такими тупыми лентяями они зачастую предстают в английских пособиях по обустройству конюшни. Обязанности кучера заключались в том, чтобы вести карету, ухаживать за лошадьми, содержать в порядке упряжь и саму карету. Иногда ему приходилось чистить седла. Если в конюшне содержалось больше трех лошадей, в помощь кучеру нанимали подходящего мальчишку.

Семьи побогаче могли позволить себе еще и грума (groom). Его жалованье в 1870-х начиналось от 60 фунтов в год и могло достигать 200–300 фунтов. Хороший грум с детства находился при лошадях и учился полезным навыкам у старших по рангу слуг. Хотя слово «грум» зачастую применяют к любым слугам, занятым в конюшне, в первую очередь оно означает работника, нанятого специально, чтобы содержать лошадей в наилучшей форме. Грум надзирал за чисткой лошадей, их рационом, прогулками и т. д.

Грум также сопровождал хозяев на конной прогулке, но скакал чуть поодаль, позади господ. Справочник по этикету 1866 года советует джентльменам захватывать с собой грума, если во время поездки будут присутствовать дамы. Дамам не советовали скакать в

одиночестве, за исключением разве что сельской местности. Что касается незамужних особ, им следовало отправляться на прогулку не только в сопровождении грума, но еще и какого-нибудь джентльмена, находящегося в доверии у их семей. Наверное, чтобы они приглядывали друг за другом – а не допустит ли кто из них какой-нибудь вольности?

Работой большой конюшни руководил старший конюх (head-ostler, foreman). Слабохарактерные люди на этой работе не задерживались. Чтобы держать штат в ежовых рукавицах, старшему конюху надлежало быть настоящим тираном, но вместе с тем человеком трезвым, ответственным и справедливым. Среди всего прочего, он закупал корм и следил за его качеством, мог договариваться с торговцами, приглашать рабочих для починки конюшни или вызывать ветеринара. Впрочем, не все старшие конюхи немедленно вызывали ветеринара в случае необходимости. Некоторые гордились тем, что и сами могут лечить лошадей, в одиночку или, на худой конец, позвав кузнеца на подмогу. Результаты такой самостоятельности зачастую были печальными.

Что касается женской прислуги, самой высокопоставленной должностью являлась гувернантка (governess), принадлежавшая к среднему классу. Но именно гувернантка и выбивалась из иерархии, потому что сами викторианцы не знали, куда ее отнести – к хозяевам или к слугам. Настоящей начальницей белых фартуков и чепцов являлась экономка (housekeeper), коллега, а порою и соперница дворецкого. Нанимать и рассчитывать горничных, закупать продукты, присматривать за работой по дому – вот лишь некоторые из ее обязанностей. Опытная экономка с легкостью отличала молодую баранину от старой, готовила вкуснейшие варенья и соленья, знала, как сохранить яблоки в течение зимы и мастерски нарезала окорок. Ее интересы простирались дальше буфета: среди всего прочего, экономка присматривала за поведением горничных, которым только дай завести кавалера! Английская литература сохранила немало образов экономок: тут и приветливая миссис Фэйрфакс, так радушно принявшая Джен Эйр, и недалекая миссис Гроуз из романа Генри Джеймса «Поворот Винта», и глубоко трагичный персонаж миссис Денверс из романа Дафны дю Морье «Ребекка». Но самый яркий тандем дворецкого и экономки, безусловно, запечатлен в романе японца Катцуо Исигуро «Остатки дня» – история невысказанной любви и утраченных возможностей на фоне огромного старинного поместья.

Хозяйка и горничная. Рисунок из журнала «Кэсселс». 1887

Личная горничная, или камеристка (lady's maid), была женским эквивалентом камердинера. На эту работу претендовали особы миловидные, с покладистым нравом и грамотные. Камеристка помогала хозяйке причесываться и одеваться, чистила ее платья и стирала кружева и белье, заправляла ее постель, сопровождала во время путешествий. До массового производства кремов и шампуней все эти средства готовились в домашних условиях, зачастую камеристками. Пособия для слуг предлагают рецепты лосьонов от веснушек, бальзамов от прыщей, зубных паст (например, на основе меда и толченого угля). Очень часто камеристкам доставались поношенные платья хозяйки, так что и одевались они гораздо лучше остальной прислуги. По меркам XIX века, это была весьма престижная профессия.

Как утверждает «Руководство для слуг» 1831 года, «кулинария – это, строго говоря, наука, а кухарка – профессор» [17]. Действительно, приготовить обед в середине XIX века было настоящим подвигом, поскольку обеды состояли из нескольких блюд, включая пару десертов, а кухонное оборудование было весьма примитивным. По крайней мере, о такой роскоши, как духовка с температурным режимом, можно было лишь мечтать. Кухарка (cook) сама решала, как довести огонь в духовке (а то и в открытом очаге) до нужной температуры и не только не сжечь блюдо, но и угодить взыскательным вкусам хозяев. Работа была очень ответственная, учитывая, что к еде англичане относились со всей серьезностью. Добавить сюда нехватку эффективных моющих средств (в ход шла сода, зола, песок), отсутствие холодильников и миллиона современных приспособлений, муссирование тревожных слухов о вредных добавках, и становится ясно – работать на кухне было сложнее, чем в иной лаборатории.

От кухарки требовалась чистота, обширные познания в кулинарии и быстрая реакция.

В зажиточных домах к кухарке приставляли помощницу, которая отвечала за уборку кухни, крошила овощи и стряпала несложные блюда. Незавидная обязанность мыть тарелки, сковородки и кастрюли доставалась судомойке (scullery maid). Халатность судомойки могла стоить жизни всей семье! По крайней мере, именно так вещали пособия по домоводству, предупреждавшие об опасности медных кастрюль, на которых выступает ядовитая патина, если их как следует не просушить.

В городских семьях среднего класса принято было держать как минимум трех служанок: кухарку, горничную и няню. Горничные (housemaids, parlourmaids) занимались работой по дому, причем рабочий день мог растянуться на 18 часов. Почти весь год он начинался и заканчивался при свечах, с 5–6 утра до тех пор, пока семья не отправлялась спать. Горячая пора наступала во время сезона, длившегося с середины мая до середины августа. Это была пора развлечений, обедов, приемов и балов, во время которых родители подыскивали выгодных женихов для дочек. Для слуг же сезон оборачивался кошмаром, поскольку они отправлялись спать за полночь, лишь с уходом последних гостей. А просыпаться приходилось в обычное время, спозаранку.

Труд горничных был тяжелым и нудным. В их распоряжении не было ни пылесосов, ни стиральных машин, ни прочей бытовой техники. Более того, когда достижения прогресса появились в Англии, хозяева не стремились их покупать. Зачем тратить на машину, если ту же самую работу может выполнить человек? Коридоры в старинных усадьбах тянулись чуть ли не на милю, и их требовалось скрести вручную, стоя на коленях. Этой работой занимались горничные самого низшего звена, зачастую девочки 10–15 лет, так называемые tweenies. Поскольку работать приходилось рано утром, в темноте, они зажигали свечу и толкали ее перед собой по мере продвижения по коридору. И, разумеется, воду для них никто не грел. От постоянного стояния на коленях развивалось гнойное воспаление околосуставной слизистой сумки. Недаром это заболевание называется housemaid's knee – «колено горничной».

Ханна Каллвик, горничная и одна из известнейших мемуаристок XIX века, так описывала свой типичный рабочий день 14 июля 1860 года: *«Открыла ставни и зажгла огонь на кухне. Вытряхнула золу со своих вещей в мусорную яму, туда же выбросила всю золу. Подмела и вытерла пыль во всех комнатах и в зале. Разожгла огонь и отнесла наверх завтрак. Почистила две пары ботинок. Заправила постели и вынесла ночные горшки. Убрала со стола после завтрака. Помыла посуду, столовое серебро и ножи. Отнесла обед. Снова прибралась. Привела в порядок кухню, распаковала корзину с покупками. Двух цыплят отнесла миссис Брюэрс, передала хозяйке ее ответ. Испекла пирог и выпотрошила двух уток, потом зажарила их. Стоя на коленях, вымыла крыльцо и тротуар перед ним. Натерла графитом скребок перед ступенями, затем вычистила тротуар на улице, тоже стоя на коленях. Вымыла посуду. Прибралась в кладовке, тоже на коленях, и дочиста выскребла столы. Вымыла тротуар возле дома и протерла подоконники. В девять забрала на кухне чай для мистера и миссис Уорвик. Я была в грязной одежде, так что чай наверх отнесла Энн. Вымыла сортир, коридор и пол в судомойне, тоже на коленях. Вымыла собаку, потом вычистила раковины. Принесла ужин, который Энн отнесла наверх – я была слишком грязной и усталой, чтобы самой туда идти. Вымылась в ванне и пошла спать»* [18].

Помимо основных обязанностей, слугам доставались еще и довольно странные задания. От горничных иногда требовалось проглаживать утреннюю газету утюгом и сшивать страницы по центру, чтобы хозяину было удобнее читать. Господа с параноидальными наклонностями любили проверять своих служанок, засовывая под ковер монету. Если девушка забирала деньги, значит, нечиста на руку, если же монета оставалась на месте – значит, плохо мыла полы!

Интересно, что прислугу более высокого ранга – вроде дворецкого или камеристки – называли исключительно по фамилии. Вспомнить, хотя бы, Дживса из рассказов Вудхауза – настоящий реликт викторианской эпохи. Его хозяин, шалопай Берти Вустер, называет его

исключительно по фамилии, и лишь случайно мы узнаем имя неутомимого камердинера – Реджинальд. Экономкам и кухаркам доставался почетный титул «миссис» вдобавок к фамилии, даже если они никогда не были замужем. Служанок попроще звали по именам, и то не всегда.

В некоторых семьях горничной придумывали новое имя, если ее имя уже «застолбила» одна из барышень или же простоты ради. Ведь служанки приходят и уходят, так зачем забивать голову их именами? Проще звать каждую новую Мэри или Сьюзен. Шарлотта Бронте упоминает и собирательное имя горничных – Абигайль.

В середине XIX века горничная среднего звена получала 6–8 фунтов в год, не считая денег на чай, сахар и пиво. Впрочем, журнал «Кэсселс» не советовал платить служанкам традиционные «деньги на пиво». Если горничная пьет пиво, то уж наверняка будет бегать за ним в кабак, источник всяческих неприятностей. Если же не пьет, то зачем развращать ее лишними деньгами? Хотя кухарки считали кости, шкурки кроликов, тряпки и свечные огарки своей законной добычей, «Кэсселс» и тут подставил им подножку. Специалисты по домоводству настаивали, что там, где служанкам позволено забирать себе остатки и ошметки, неминуемо начнется воровство. Лишь хозяйка должна решать, кого чем одаривать. Кухарки ворчали на таких советчиков, ведь продажа шкурок старьевщикам приносила хоть и маленький, но приятный довесок к жалованью.

Личная горничная хозяйки в середине века получала 12–15 фунтов в год плюс деньги на дополнительные расходы, ливрейный лакей – 13–15 фунтов в год, камердинер – 25–50. Кроме того, 26 декабря, в так называемый День подарков (Boxing day), прислуге доставалась одежда или деньги. Помимо жалованья, слуги рассчитывали и на чаевые от гостей. При отъезде гостя вся прислуга выстраивалась в один-два ряда возле двери, так что для людей, стесненных в средствах, раздача чаевых была кошмаром наяву. Иной раз они могли отклонить приглашение только из страха показаться бедняком. Ведь если слуга получал скупую подачку, то при следующем посещении гостя мог игнорировать или переиначивать его приказы – с жадиной незачем церемониться.

Откладывая сбережения, слуги из богатых домов могли накопить значительную сумму, особенно если хозяева не забывали упомянуть их в завещаниях. После выхода на пенсию бывшие слуги нередко подавались в торговлю или открывали свое дело, хотя некоторые пополняли ряды лондонских нищих – тут уж как карта ляжет. Любимые слуги, в частности нянюшки, доживали свой век с хозяевами.

Англичане предпочитали, чтобы слуг можно было отличать по одежде. Когда горничная поступала на службу, в своем жестяном сундучке – непременно атрибуте служанки – у нее обычно лежали три платья: простое платье из хлопчатобумажной ткани, которое надевали по утрам, черное платье с белым чепцом и фартуком, которое носили днем, и выходное платье. Средняя стоимость платья для горничной в 1890-х годах равнялась 3 фунтам – т. е. полугодовому жалованью несовершеннолетней горничной, только начавшей работать. Помимо платьев, горничные покупали себе чулки и туфли, и эта статья расходов была бездонным колодезем, ведь из-за беготни по лестницам обувь снашивалась быстро.

В традиционную униформу лакеев входили брюки до колена и яркий сюртук с фалдами и пуговицами, на которых был изображен фамильный герб, если таковой у семьи имелся. Дворецкий, король прислуги, носил фрак, но более простого покроя, чем фрак хозяина. Особой вычурностью отличалась униформа кучера – начищенные до блеска высокие сапоги, яркий сюртук с серебряными или медными пуговицами и шляпа с кокардой.

Лакей в клубе. Рисунок из журнала «Панч». 1858

Викторианский дом был построен так, чтобы разместить два отличных друг от друга класса под одной крышей. Для вызова прислуги устанавливали систему звонков, со шнурком или кнопкой в каждой комнате и панелью в подвале, на которой было видно, из какой комнаты пришел вызов. Хозяева проживали на первом, втором и иногда третьем этаже. У камердинера и камеристки были комнаты, зачастую смежные со спальней хозяев, кучер и грум жили в помещениях возле конюшни, а у садовников и дворецких могли быть небольшие коттеджи.

Глядя на такую роскошь, слуги нижнего звена наверняка думали: «Везет же некоторым!» Им приходилось спать на чердаке, а работать – в подвале. Когда газ и электричество стали широко использоваться в домах, их редко проводили на чердак – по мнению хозяев, это было непозволительной тратой. Горничные ложились спать при свечах, а холодным зимним утром обнаруживали, что вода в кувшине замерзла и чтобы хорошо умыться, потребуется как минимум молоток. Сами же чердачные помещения не отличались эстетическими изысками – серые стены, голые полы, матрасы с комками, потемневшие зеркала и растрескавшиеся раковины, а также мебель в разной стадии умирания.

От подвала до чердака – большое расстояние, а хозяевам вряд ли понравится, если слуги спуют по дому без веской на то причины. Эта проблема решалась наличием двух

лестниц – парадной и черной. Лестница, этакая граница между мирами, прочно вошла в викторианский фольклор, но для слуг она была настоящим орудием пытки. Им приходилось носиться по ней вверх и вниз, таская тяжелые ведра с углем или с горячей водой для ванны. В то время как господа обедали в столовой, слуги столовались на кухне. Их рацион зависел от доходов семьи и от щедрости хозяев. В некоторых домах обед для слуг включал холодную птицу, овощи, ветчину, в других прислугу держали впроголодь. Особенно это относилось к детям и подросткам, за которых некому было заступиться.

До начала XIX века слугам не полагались выходные. Каждая минута их времени всецело принадлежала хозяевам. Но в XIX веке хозяева стали давать служанкам выходные или разрешать им принимать родственников (но ни в коем случае не ухажеров!). А королева Виктория устраивала ежегодный бал для дворцовых слуг в замке Балморал.

Отношения между хозяевами и слугами зависели от многих факторов – и от общественного положения хозяев, и от их характера. Обычно чем более родовитой была семья, тем лучше в ней относились к прислуге. Аристократам с длинной родословной не требовалось самоутверждения за счет прислуги, они и так знали себе цену. В то же время нувориши, чьи предки относились к «подлому сословию», могли третировать слуг, тем самым подчеркивая свое превосходство. Следуя завету «возлюби ближнего своего», часто господа заботились о слугах, передавали им поношенную одежду и вызывали врача, случись им заболеть, но это вовсе не означало, что прислугу считали равной себе. Барьеры между классами поддерживались даже в церкви – в то время как господа занимали передние скамьи, их горничные и лакеи садились на задних рядах.

Общественный транспорт и профессия кучера

До эпохи поездов наиболее популярным средством передвижения из города в город были дилижансы (stagecoach). В Англии такой вид транспорта получил распространение в XVI веке и пользовался популярностью вплоть до начала XX века. Дилижанс представлял собой четырехколесную карету, запряженную четверкой лошадей. Рамы вокруг окон и колеса красили в ярко-красный цвет, по бокам большими буквами были наклеены место отправления и место назначения. Пассажирские места размещались как внутри, так и снаружи. Те, что снаружи, располагались на крыше или на выступе позади кареты. Дилижансы путешествовали от одной станции к другой, на которых меняли лошадей, и путешествие из города в город могло растянуться на несколько дней. Скрипя, карета ползла по дороге со скоростью приблизительно 4 мили (6 км) в час. Если дорога была в гору, пассажиров могли попросить выйти из кареты, чтобы лошади не надорвались, взбираясь по холму.

В 1784 году в Англии появился еще один вид дилижанса – почтовая карета (в Ирландии – с 1799 года). Почтовые кареты продержались до 1850-х годов, когда их окончательно вытеснили поезда. Фактически, это был дилижанс, который, помимо перевозки пассажиров, развозил еще и почту. Прежде почту доставляли конные почтальоны, но так как они путешествовали в одиночку, то часто становились жертвами разбойных нападений. В этом плане почтовые кареты, сопровождаемые вооруженным охранником, были надежнее. К месту назначения они прибывали быстрее.

По контракту с Почтовым ведомством работали частные компании, но с начала XIX века Почтовое ведомство обзавелось собственными каретами. Сопровождавшие их охранники носили черные шляпы и алые ливреи с синими лацканами и золотыми галунами. Они были хорошо вооружены – двумя пистолетами и мушкетом. В случае поломки кареты охранники обязывались самолично доставить почту, хотя бы и пешком. На протяжении поездки могло смениться несколько кучеров, но охранник сопровождал почту от начала и до конца. Ему выдавали часы, чтобы он точно следовал расписанию, и горн, чтобы предупреждать местных почтальонов о приближении кареты. Услышав горн, привратники на заставах, где взималась пошлина, немедленно распахивали ворота – если почтовой карете

приходилось останавливаться, их могли оштрафовать. Остальные кареты обязаны были уступать дорогу почтовым, так что горн служил предупреждением и им.

В общем и целом путешествие на почтовой карете было если не комфортным, то относительно безопасным. Впрочем, случались и курьезы. Так, в 1816 году почтовая карета, направлявшаяся из Эксетера в Лондон, уже въезжала на постоянный двор где-то на равнине Солсбери, как на лошадей набросилась... львица! Она сбежала из передвижного зверинца. Прежде чем охранник успел отреагировать, львица переключилась на крутящегося рядом пса, погналась за ним и растерзала его на месте. Выиграв время, перепутанные пассажиры бросились в гостиницу и забаррикадировали двери, опасаясь, как бы львица не добралась и до них. В конце концов хозяин зверинца отыскал ее в одном из сараев и забрал с собой. Можно представить, как долго пассажиры вспоминали это происшествие!

Популярным городским транспортом были омнибусы и кэбы. Основоположником системы омнибусов стал Джордж Шиллибер в 1829 году. Первый лондонский маршрут начинался в пригороде Пэддингтона, проходил через Риджентс-парк и заканчивался в Сити. Все путешествие длиной в 5 миль занимало 1 час.

Места в омнибусе располагались как внутри, так и снаружи. Чтобы добраться до мест на крыше, нужно было вскарабкаться по железной лестнице, придерживаясь за ремень или за поручень. Возле кучера находились 2 или 4 места, которые обычно занимали постоянные клиенты.

Внутри омнибус был обит бархатом. Сиденья располагались с двух сторон, на каждом могло поместиться 5 человек. Воздух проникал внутрь лишь когда открывали дверь, а крохотные оконца едва пропускали свет. На полу лежала солома, чтобы у пассажиров не мерзли ноги, но она быстро пачкалась и намокала. Согласно рассказам современников, внутри было довольно противно, особенно если набьется сразу много народа. Кто-нибудь отдавит вам пальцы, ткнет в бок зонтиком в качестве просьбы открыть дверь, под ухом разорется младенец, а сосед слева непременно окажется карманником. Кроме того, в некоторых омнибусах гнездились блохи. Неудивительно, что мужчины предпочитали путешествовать снаружи, щедро оставляя внутренние сиденья дамам.

Уличное движение в Лондоне. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Омнибусы начинали работу в 8 утра. К этому времени мелкие служащие уже должны были находиться на рабочих местах, так что на омнибусах путешествовал преимущественно средний класс. Если пассажир, желавший прокатиться на омнибусе, выглядел недостаточно солидно, то кучер вполне мог проехать мимо или же просто замедлить ход, предлагая запрыгнуть на ходу.

Кондуктор стоял на ступеньке слева от дверей. В его обязанности входило зазывать – или отсеивать – пассажиров, брать плату за проезд, а в эпоху кринолинов еще и придерживать дамскую юбку, чтобы она не задралась, пока ее владелица пытается протиснуться в салон. Поначалу в омнибусах не было билетов – кондуктор просил столько, сколько считал нужным. А когда билеты все же ввели, кондукторы устроили забастовку, которая, разумеется, прошла впустую, потому что никому не нравится произвол.

Пассажиры жаловались на грубость и жадность кондукторов, старавшихся набить в салон побольше народа, сами же кучера и кондукторы стонали от суровых требований владельцев компаний. Зарабатывали они неплохо: водитель в середине века получал от 20 до 34 шиллингов в неделю, не считая чаевых за сиденья на облучке, кондуктор – около 20 шиллингов. Но на эти деньги нужно было содержать семью, детей и неработающую жену. Следуя «духу времени», простые работяги, как и представители средних классов, стремились к тому, чтобы их жены не работали вне дома. Только в таком случае можно было претендовать на респектабельность.

Рабочий день начинался около восьми утра, а заканчивался в полночь, так что почти весь день извозчик и кондуктор тряслись в омнибусе, каждый на своем месте. Перехватить

обед на постоялом дворе, во время пятнадцатиминутной остановки, было большой удачей, и многие извозчики обедали, не сходя с облучка. Выходные им тоже не полагались. Как сокрушался один кондуктор: «Я никогда не посещаю общественные места, ни церкви, ни театры. Разве что получу отпуск, но это раз в два года... Зимой я вижу своих троих детей только по ночам, когда они уже спят... Если они разревутся, мне это не мешает – после пятнадцатичасового дня под открытым небом меня уже ничем не разбудишь» [19]. К тяжким условиям труда добавлялось недоверие со стороны начальства. Хозяева опасались, что подчиненные могут обсчитать их, провезти больше пассажиров и сдать меньше выручки, поэтому устраивали проверки – например, нанимали даму респектабельного вида, которая подсчитывала число пассажиров и прикидывала, кто из них платит за долгое путешествие, а кто – за короткое.

Извозчик. Рисунок из журнала «Панч». 1870

Соперниками омнибусов были кэбы, пришедшие на смену наемным каретам. В XVIII и начале XIX века снять наемную карету можно было на постоялом дворе, причем за немалую сумму. В своей прошлой жизни наемные кареты были вышедшими на пенсию экипажами аристократов, и неудивительно, что они ползли еле-еле. Да и куда им было спешить при отсутствии конкуренции? Но уже в 1820-х из Парижа в Лондон добралась мода на кабриолеты, или «кэбы», – легкие экипажи, лихо разъезжавшие по улицам в поисках клиентов. Хэнсом, двухместный двухколесный экипаж, в котором сиденье кучера, хорошо приподнятое, располагалось сзади, стал одним из главных символов викторианского Лондона.

Извозчики были группой разношерстной, среди них встречались бывшие торговцы, клерки, плотники, лакеи, бакалейщики, даже взломщики и карманники. Некоторые покупали карету и лошадь, другие же арендовали их у компаний. Чтобы хватило денег и с компанией расплатиться, и домой унести, приходилось работать в поте лица. У извозчиков было несколько смен, самая долгая длилась около 20 часов, начинаясь в 10 утра и заканчиваясь уже следующим утром. Когда кэбби так устал, что едва не валился с облучка, он просил

доработать смену кого-нибудь из нелегальных кучеров, которые бродили поблизости. Утратив лицензию за какой-то проступок, они могли разве что полировать медь на экипажах или, с оглядкой, заменять более удачливых товарищей. Участь разжалованного кэбби была незавидной, так что извозчики держались за свои места.

Санитары улиц

«Жалкие привратники и метельщики сметают в канавы ключья газет и прочие жалкие отбросы, а отбросы человеческие, еще более жалкие, наклоняются над этим мусором, роются, шарят там, в поисках чего-нибудь еще годного на продажу» [20], – так в романе «Наш общий друг» Диккенс описывает лондонские улицы. Английский классик едва ли преувеличивал. Конский навоз, солома, гнилые овощи на рыночных площадях, кости, устричные раковины и лавины золы из бесчисленных каминов – все это создавало несусветную грязь. Нужно отдать лондонцам должное, они признавали проблему и пытались с ней бороться, в результате чего и возникали причудливые профессии, которые сегодня внушают ужас.

Бичами городских улиц были зола и навоз. По официальным данным, в 1840-х годах лондонское семейство среднего класса сжигало около 11 тонн угля в год. Дома победнее обходились двумя тоннами, но цифра все равно значительная. Куда же девалось столько золы?

Несознательные горожане вытряхивали ее на улицы или оставляли груды золы во дворе. Их более уважаемые соплеменники прибегали к услугам мусорщиков, которых нанимали от лица всего прихода. В назначенные дни мусорщики приезжали со своими телегами и лопатами, грузили золу и прочие отходы и увозили подальше. Нередко те же мусорщики выступали в роли золотарей, чистивших по ночам выгребные ямы, но в этом случае каждый домовладелец договаривался с ними отдельно – регулярная чистка выгребных ям была скорее роскошью, чем необходимостью. Мусорщиков отличали по брюкам до колен и сероватым от золы курткам. Несмотря на то, что они изо дня в день вдыхали пыль, мусорщики были дюжими парнями, высокими и широкоплечими – другие бы на такой работе не задержались.

Наравне с золой мусорщики сметали с улиц навоз и любые другие отбросы – кости, тряпки, гвозди. Ничего не пропадало, все шло в дело. Высушенный навоз пересевали, более мелкую пыль продавали на кирпичные заводы для изготовления кирпичей, более крупную – фермерам на удобрения. Кости и тряпки забирали старьевщики, раковины и треснувшие кирпичи – строители, старую обувь – изготовители берлинской лазури.⁴ Даже современным европейцам, помешанным на повторных переработках, трудно представить, до какой степени их предки тряслись над мусором.

Наполнив телеги доверху, мусорщики свозили свои сокровища на свалку, где и происходила сортировка. Свалки располагались в пригородах, среди пустырей или же прямо возле домов бедняков, чье здоровье мало кого волновало. Журналист Генри Мэйхью так описывал свой визит на одну из таких свалок: *«В центре высится гора мелкой навозной пыли, рядом с ней груды поменьше из пыли вперемежку с мусором, подготовленным к сортировке. Среди этих груд, вооружившись железными ситами, суетятся женщины и старики и отсеивают крупную пыль от мелкой. На другом конце двора расположилась гора из угольков и золы, готовых к отправке на кирпичные заводы. Вся свалка бурлит жизнью: кто сеет, кто выгребают мусор, время от времени телеги сваливают свой груз и отправляются за новым. В горах мусора барахтаются куры, а многочисленные свиньи роются в требухе и отходах, собранных с кухонь и рынков»* [21].

⁴ Из отслужившей свой век кожаной обуви получали ферроцианид калия, применявшийся для изготовления пигментов, в том числе и темно-синего.

Свалки принадлежали частным владельцам, которые наживали капиталы на перепродаже мусора. Вспомнить хотя бы мистера Хармона или его преемника, «Золотого Мусорщика» Боффина из романа «Наш общий друг». В свою очередь, хозяева свалок нанимали работников, получавших за свой труд 1 шиллинг в день. Дети зарабатывали и того меньше – 3–4 пенса. Как показывает Диккенс, в горах мусора можно было найти вещи и поинтереснее костей – например, пропавшее завешание. Но если работники находили деньги или драгоценности, по условиям найма они обязаны были сдать сокровища хозяину. За попытку припрятать добро им грозило увольнение.

Не все городские отходы оседали на свалках. По улицам сновали собиратели окурков, клочков бумаги, костей, но самая неаппетитная профессия была у *pure finders*. «Собирателями чистоты» называли тех, кто занимался собиранием собачьих экскрементов. Этот эвфемизм возник в связи с тем, что собачий кал, наравне с птичьим пометом, использовали для очищения шкур в кожевенных мастерских. Вдобавок, «собиратель чистоты» звучит гораздо внушительнее, чем «собиратель нечистот».

По подсчетам Генри Мэйхью, в середине века в Лондоне работало около 240 «собирателей чистоты». Большинство составляли нищие старики и старухи, неспособные заниматься иным трудом. Разницу между собирателями обычного мусора и собирателями помета можно было определить на глаз. У первых за плечами был мешок, а в руках остроконечная палка, которой они ворошили груды мусора. Их встречали в темных переулках, куда выливали помой и выносили сор. В отличие от своих коллег, «собиратели чистоты» ходили повсюду, ведь собакам закон не писан и место для туалета они выбирают произвольно. С собой «собиратели чистоты» носили объемистую корзину с крышкой, чтобы не оскорблять прохожих ее содержимым. Иногда на правую руку они натягивали кожаную перчатку, но гораздо чаще обходились без оной. Вымыть руку проще, чем возиться со стиркой.

Преуспевающий искатель экскрементов в день мог насобирать полное ведро, которое затем продавал в кожевенную мастерскую. Ведро стоило от 8 пенни до шиллинга в зависимости от качества продукта. Да-да, в этом ремесле тоже были свои критерии. Кожевенники сообщали поставщикам, помет какого цвета и консистенции они предпочитают. Но, как и в любой профессии, здесь не обходилось без мошенничества. Нечистые на руку собиратели отколупывали строительный раствор со стен домов и смешивали его с собачьим пометом для большего веса или лучшей консистенции. Процветал также блат: можно было договориться с владельцами питомников и, не тратя особых усилий, выгребать оттуда собачий кал. Впрочем, не все кожевенники принимали такой товар. Собак в питомниках кормили всякой гадостью, а это в свою очередь отражалось на продуктах их жизнедеятельности.

Из-за высокого содержания щелочей помет применялся в дубильном процессе. Сначала его втирали в шкуру, снаружи и изнутри. Это делалось для того, чтобы «очистить» шкурку. Затем последнюю подвешивали сушиться, а экскременты помогали вытягивать из нее влагу. После просушки кал соскребали. Таким образом очищали кожу, которая шла на изготовление обуви, перчаток, книжных переплетов и т. д. Выдубленная кожа была невысокого качества и сохраняла неприятный запах, так что изделия из нее ценились недорого. Тем не менее бизнес процветал.

Столь же неаппетитной была профессия «тошера» – собирателя мусора вдоль берегов Темзы и в лондонских клоаках, открытых сточных трубах, которые в середине XIX века сменила централизованная система канализации. Тошеры искали в первую очередь деньги, но сгодились бы и любые другие металлические предметы – англичане все пускали в ход. За незаконное проникновение в сточную трубу можно было поплатиться штрафом в 5 фунтов, но это не останавливало храбрецов. Не пугали их и другие опасности, таившиеся в зловонных трубах, как-то: обрушение стен и потолков, груды склизких кирпичей, через которые приходилось перелезать в потемках, внезапные потоки нечистот, и, конечно, полчища крыс. К своим вылазкам тошеры готовились тщательно: захватывали фонарь,

холщовый мешок, чтобы складывать добычу, и длинный шест с изогнутым металлическим наконечником. Шестом шарили в лужах, а случись тошеру увязнуть в трясине, им можно было зацепиться за что-нибудь поблизости.

Тошер в канализации. Рисунок из книги Генри Мэйхью «Рабочие и бедняки Лондона». 1861–1862

Несмотря на обилие мусорщиков всех мастей, в Лондоне середины XIX века было грязно: усилий уборщиков было явно недостаточно, чтобы вычистить эти авгиевы конюшни. Хотя кэбы и omnibuses не досаждали горожанам выхлопными газами, лошади производили навоз, регулярно и в больших количествах. По подсчетам Генри Мэйхью, на лондонских улицах ежедневно находилось около 24 214 лошадей. В год они оставляли на улицах 36 662 тонны навоза. Учитывая, что на городские рынки также перегоняли скот, навоза было еще больше. Летом он высыхал и превращался в едкую пыль, зимой смешивался со снегом до состояния вонючей бурой массы. В начальных строках «Холодного дома» Чарльз Диккенс так описывает столичную грязь: *«Несносная ноябрьская погода. На улицах такая слякоть, словно воды потопа только что схлынули с лица земли, и, появившись на Холборн-Хилле мегалозавр длиной футов в сорок, плетущийся, как слоноподобная ящерица, никто бы не удивился. Дым стелется, едва поднявшись из труб, он словно мелкая черная изморось, и чудится, что хлопья сажки – это крупные снежные хлопья, надевшие траур по умершему солнцу. Собаки так вымазались в грязь, что их и не разглядишь. Лошади едва ли лучше – они забрызганы по самые наглазники»* [22].

Однако некоторым лондонцам невообразимая грязь давала возможность заработать. Это были так называемые crossing-sweepers – подметальщики перекрестков. В ненастную погоду они ловко орудовали метлами, расчищая дорогу прохожим, которые шли по тротуару

или пересекали улицу. Таким образом, дамы могли перемещаться в пространстве, почти не замавав кромку платья.

Подметание перекрестков было занятием хотя и не слишком приятным, но довольно простым – нужно лишь время от времени менять метлу. Как и многие другие занятия городской бедноты, включая продажу спичек или пение песен, это также был удобный предлог для попрошайничества. Вместе с тем, метельщики могли с чистой совестью заявить, что не просто кланчат у прохожих деньги, но занимаются общественно полезным делом! Поскольку они зачастую работали на одном и том же участке, иногда десятилетиями, жители окрестных домов подкармливали их, а порою давали еженедельное вспомоществование.

Подметанием перекрестков занимались как мужчины, так и женщины, как взрослые, так и дети. Среди взрослых попадались бывшие слуги, потерявшие место из-за болезни, немощные старики и калеки. Одним из таких калек был чернокожий моряк, потерявший обе ноги до колена во время пожара на судне. Он предпочитал работать зимой, потому что тогда его культы замерзали и передвигаться на них было проще. В остальное время он просил милостыню.

Гораздо чаще взрослых подметанием перекрестков занимались дети. Наиболее известным малолетним метельщиком является Джо из «Холодного дома», который не выучился даже элементарной грамоте и был вынужден бессмысленно скитаться от места к месту:

«Зовут – Джо. Так и зовут, а больше никак. Что все имеют имя и фамилию, он не знает. Никогда и не слыхивал. Не знает, что „Джо“ – уменьшительное от какого-то длинного имени. С него и короткого хватит. А чем оно плохо? Сказать по буквам, как оно пишется? Нет. Он по буквам сказать не может. Отца нет, матери нет, друзей нет. В школу не ходил. Местожительство? А что это такое? Вот метла она и есть метла, а врать нехорошо, это он знает. Не помнит, кто ему говорил насчет метлы и вранья, но так оно и есть» [23].

Мальчик – подметальщик перекрестков. Рисунок из журнала «Панч». 1853

Тем не менее, опрошенные Мэйхью мальчишки-метельщики кажутся гораздо сметливее Джо. Не рассчитывая заработать только подметанием, они развлекали прохожих акробатическими трюками. Почти все умели ходить колесом или стоять на голове. Когда на улице останавливался омнибус, к нему подбегал метельщик и начинал кувыркаться на потеху пассажирам. А поскольку в городской пробке омнибус мог простоять довольно долго, мальчишка успевал получить несколько пенсов.

Метельщики не чуждались и изящных искусств. Один паренек, капитан уличной шайки по прозвищу Гусак, рисовал узоры из грязи. Начал он с того, что изобразил между лужами якорь, что очень позабавило прохожих. На следующий день он написал в слякоти – «Боже, храни королеву». Не самая подходящая техника, чтобы славить монарха, но и это понравилось лондонцам – мальчишка отлично заработал. Однако эстетический порыв вышел бедняге боком. Прохожим так нравились орнаменты, которые он регулярно чертил на мостовой, что посмотреть на них собиралась толпа. Однажды полицейский, совершенно безразличный к прекрасному, счел это помехой дорожному движению и прогнал мальчишку с бойкого места.

Последние новости: газетчики и торговцы бумажным товаром

От разнообразия товаров, которые продавали на лондонских улицах, захватывает дух – цветы и фрукты, инструменты и посуда, часы и игрушки, собачьи ошейники и породистые собаки, похищенные у владельцев. Среди разношерстных торговцев Лондона продавцов печатных изданий можно выделить в отдельную категорию. Это были и газетчики, и торговцы бульварными балладами и жизнеописаниями великих висельников, и те, кто

разносил по домам открытки, записные книжки, альманахи, канцелярские принадлежности, а также конверты. Иными словами, все, кто так или иначе имел дело с бумагой.

Иногда в этой братии попадались образованные и воспитанные люди, впавшие в крайнюю нужду. Генри Мэйхью имел обстоятельную беседу с женщиной, совсем недавно начавшей торговать конвертами. Она происходила из благополучной семьи, но после смерти отца, армейского офицера, была вынуждена сама зарабатывать на жизнь. Поначалу она давала уроки музыки, но после тяжелой болезни вынуждена была оставить это поприще. Долгое время она скиталась по больницам и исчерпала все свои сбережения. Знакомый посоветовал ей торговать конвертами «от двери к двери». Обнищавшая учительница призналась, что каждый раз дрожит, прежде чем постучать в дверь – вдруг на нее накричат. О том, чтобы продавать конверты своим бывшим ученикам, она и думать не могла – стыдно!

В большинстве своем торговцы бумагой были менее щепетильны и более деловиты. Надо ведь привлечь внимание публики, а порою и перекричать конкурентов, которые тоже норовят сбыть брошюрку про свеженькое смертоубийство. В ход шли любые средства, не только громкий голос, но и аляповатые плакаты. На них огромными буквами было написано, какие именно ужасы прохожие смогут прочесть в этой книжице или балладе. Заглавия были очень сочными, например, «Дьявольские опыты доктора *** над пациентами в состоянии месмеризма» или «Тайные делишки в Белом Доме, Сохо». Огромной популярностью пользовались так называемые broadsides – тексты, отпечатанные на одной стороне бумажного листа. То были лондонские «скандалы, интриги, расследования». Листовки живописали убийства, громкие судебные процессы, откровения преступников, особо впечатляющие пожары и прочее, и прочее. Жители удаленных деревушек, куда даже коробейники (Коробейники – торговцы-разносчики дешевого галантерейного товара. – *Ред.*) не заходят, собирали пенни в складчину, чтобы купить отчет о недавних казнях.

В середине XIX века расхожим товаром были баллады, как старинные, так и совсем новые, сложенные наспех, чтобы увековечить очередное преступление. Лондонцы любили почитать, а то и промурлыкать песенку о матери, ослепившей родное дитя с помощью двух тараканов, или о хозяевах, моривших голодом служанку, или о девятилетнем мальчишке, зарубившем крошку-сестру. Если баллады не отличались качеством, продавцы брали количеством. Песни печатали на широких листах и продавали... по ярду! Называлась это «торговля длинными песнями». Полосы бумаги прикреплялись к шесту и колыхались на ветру, пока торговец вышагивал по улочкам, вопя: «Новые песни! Чудные песни! Три ярда за пенни! Кому песни? Три ярда песен!» (Что ж, некоторую литературу можно только рулонами и продавать.)

Некоторые продавцы полагались исключительно на свои ноги и голосовые связки, другие же устанавливали книжные киоски на оживленных улицах. В таких киосках можно было купить как penny dreadfuls – дешевые детективы и ужастики, так и английскую классику. Книжки были на любой вкус. Ближе к середине XIX века зародилась торговля путеводителями и каталогами различных музеев. Приторговывали ими возле Национальной галереи, Британского музея, Вестминстерского аббатства и прочих достопримечательностей. Музейных работников не радовал этот бизнес, поскольку музеи сами печатали брошюры и каталоги. К вящей досаде торговцев, у входов в галереи довольно скоро появились объявления о том, что официальные каталоги можно купить только в вестибюле.

Торговлю печатными изданиями также регулировали железнодорожные компании. Право торговать книгами и газетами на железнодорожных станциях и в метро получали по тендеру, и за это право нужно было платить. Отхватив лакомый кусочек, бизнесмен нанимал продавцов, как взрослых, так и мальчишек. Работа была хлебной – взрослые зарабатывали 20–30 шиллингов в неделю, мальчишки от 6 до 10 шиллингов. Серьезные романы в метро не котиrowались, продавали исключительно легкое чтivo стоимостью до одного шиллинга за книгу.

Продавец «длинных песен». Рисунок из книги Генри Мэйхью «Рабочие и бедняки Лондона». 1861–1862

Самыми ушлыми из лондонских книготорговцев были, безусловно, «торговцы соломой». Казалось бы, какое отношение солома имеет к печати? Оказывается, самое прямое. Держа в руках пучок соломы, торговец многозначительно подмигивал прохожим. Стоило ему привлечь внимание, он сразу же заводил речь: «Пожалуй, многие решат, что это абсурдная идея – продавать соломинку за полпенни, раз солома и так повсюду валяется. Но все дело в том, что власти запрещают мне торговать вот этими листками. Посему я продаю солому, а листки даю в придачу. Джентльмены найдут здесь множество интересных изображений – и у кровати, и на кровати, и под кроватью!»

Ни дать ни взять, настоящий диссидент. Таким образом сбывали не только порнографию, но также политические и антирелигиозные памфлеты. Да что памфлеты! Не пощадили саму королеву, пробрались в святая святых – ее семейную жизнь! В середине XIX столетия в Лондоне продавали документ, предназначенный для «холостяков и дев, мужей и жен».

«ПИСЬМО

Отправлено из герцогства Кобург

Моя дражайшая Виктория!

[Неразборчивый текст].

*Твой пламенный обожатель,
Альберт, герцог Кобургский» [24].*

С таинственными улыбками торговцы сообщали, что это, дескать, тайная переписка юной Виктории с женихом. А почему абракадабра вместо текста? Так ведь секретный код! Его можно расшифровать с помощью зеркала, свечи и подробных инструкций продавца.

Но писать всю эту тарабарщину, как ни крути, слишком хлопотно. Гораздо проще остановиться на улице прыщавого юнца и показать ему из-под полы пухлый пакет, завернутый в разноцветную бумагу и запечатанный красным сургучом. Ничего, что сверху наклеен религиозный трактат или обрывок старой газеты. Так надо. Для конспирации. Потому что внутри там такое, ну такое! Самый смак. Берите, сэр, не пожалеете. Но когда юноша, задыхаясь от возбуждения, прибежал в свою спальню, захлопывал дверь и дрожащими руками разрывал упаковку, то вместо стопки непристойных гравюр находил всего лишь обрезки бумаги. А торговца уже как ветром сдуло!

Профессиональные нищие

Наравне с торговлей и уборкой мусора, популярным уличным ремеслом было попрошайничество. Лондон кишел нищими всех мастей, и отношение к ним было двойственным.

С одной стороны, лондонцы знали, сколь хрупкой была грань между достатком и беспросветной нищетой. Даже семьи среднего класса не зарекались «от тюрьмы и от сумы» – что уж говорить о простых рабочих? Кровельщик упал с лестницы и сломал обе руки. Закрылась фирма, и пожилой служащий остался не у дел. Старушки зарабатывали на жизнь изготовлением резиновых мячей, но куда им тягаться с массовым производством резины? После смерти мужа вдова перебралась к сыну, но не ужилась с невесткой и оказалась на улице. Швея трудилась от зари до темна, чтобы прокормить маленьких детей, а потом зрение начало сдавать... Таким историям несть числа. Никакого социального обеспечения в те годы, разумеется, не было, и бедняки могли рассчитывать разве что на помощь друзей и филантропов. Еще одним вариантом был работный дом, но его боялись, как огня. Лучше уж зябнуть на улице.

С другой же стороны, англичане считали, и вполне справедливо, что среди попрошаек найдется немало жуликов. Как и сейчас, в XIX веке писали об организованных бандах нищих и о профессионалах в рубище, которые в свободное от «работы» едят и пьют в свое удовольствие. И как ни гоняй их, все равно набегут новые.

Консерваторы сетовали, что законы уже не карают побирušек так сурово. Им было с чем сравнивать, ведь в прошедших веках с нищими не церемонились. Если до Реформации нищие и бродяги могли получить миску каши в монастыре, во времена Генриха VIII баловство прекратилось. Монастыри были закрыты, нищим же пришлось кланяться еде и гроши где придется. Но парламент не дремал. Несколько последующих актов запретили не только собирать, но и подавать милостыню: в противном случае сердобольной особе пришлось бы заплатить в казну всю сумму поданной милостыни, но в десятикратном размере! Это, конечно, отрезвляет.

Таким образом, парламент хотел направить благотворительность в другое русло. Пожертвования собирались в приходской фонд, откуда черпали средства на содержание стариков и калек и на обеспечение работой трудоспособных бедняков. Иными словами, всякий, кто мог работать, должен был работать. Тунеядцам же приходилось несладко: после первой поимки бродяге грозила порка, после второй – отрезание уха, после третьей – конопляная петля. При Эдуарде VI, государе мягкосердечном, участь бродяг по-прежнему была незавидной. Нищих, отвергавших предложенную работу, клеймили и на два года отдавали в рабство любому, кто польстится на такого раба.

Нельзя сказать, что все англичане были довольны такой системой. Правильно, конечно, что лентяев секут и клеймят, но от обеспеченных прихожан настойчиво требовали

пожертвования в приходской фонд. Несогласные платить рисковали предстать перед судьей, а то и оказаться в тюрьме.

Приходской налог на бедных окончательно закрепился в правление Елизаветы I.

Слепой нищий. Рисунок из журнала «Панч». 1888

Викторианцы уже не тешили взор публичной поркой бродяг, но все равно требовали для них наказания. Им грозило тюремное заключение или же пребывание в работном доме, что, по сути своей, было немногим лучше. Вместе с тем, создавались благотворительные общества, где бедняков могли накормить и обогреть. Одним из них было Общество по искоренению попрошайничества, основанное в 1820 году. Методы общества отвечали его грозному названию: благодетели сотрудничали с полицией и доносили, по кому из нищих плачет тюрьма. Этакое добро с кулаками. Подписчики общества получали талоны, которые затем раздавали достойным, по их мнению, попрошайкам. Те обращались в контору, где с ними проводили интервью с целью выяснить, заслуживают ли они помощи. Если бедняк отвечал всем требованиям, выглядел достаточно голодным и несчастным, но вместе с тем трезвым, его кормили и давали денег на ночлежку. В Общество можно было обратиться и еще раз, но кормить бедняков регулярно задарма никто не собирался. За каждый обед отработывали три часа – мужчины кололи дрова или дробили камни, женщины щипали

пеньку. Словом, заведение напоминало работный дом, только добровольный и без забора. Не все нищие принимали такую благотворительность, тем более что горожане все равно подавали сырым и убогим.

Журналисты викторианской эпохи хором уверяют, что профессия нищего была более чем выгодной. В 1838 году Джеймс Грант писал о парнишке, который зарабатывал 10–14 шиллингов в день, сидя на ступенях и держа в руках табличку с надписью «Я – бедный сирота». Более 50 раз он оказывался в тюрьме, но опять возвращался на насиженное место. Упоминает Грант и одноглазого негра, который после смерти оставил несколько сотен фунтов дочерям олдермена (члена городского управления). Почему именно им? Оказывается, барышни часто подавали ему пенни, и не просто так, а с доброй улыбкой. Милосердие принесло дивиденды.

Какими же методами пользовались попрошайки, чтобы разжалобить прохожих? Их было немало. Не будем забывать, что нищие XIX века отличались от своих суровых предшественников, известных нам, например, по роману «Принц и нищий» Марка Твена, где приводится такой способ изготовления язвы: «...*приготавливали тесто из негашеной извести, мыла и ржавчины, накладывали эту смесь на ремень и крепко обвязывали ремнем ногу. От этого кожа очень быстро слезала, и вид обнаженного мяса был ужасен; затем ногу натирали кровью, которая, высохнув, принимала отвратительный темно-бурый цвет. Больное место перевязывали грязными тряпками, но так, чтобы ужасная язва была видна и вызывала сострадание прохожих*» [25]. В викторианском Лондоне обстоятельства отчасти изменились. Язвы казались негигиеничными, распухшие конечности не нравились барышням, и уродство уже не котирировалось. А те, кто действовал по старинке, не хотели себя калечить. Проще облепить ногу толстым слоем мыла и сбрызнуть уксусом, чтобы оно запузырилось. Если прохожим не понравится, стереть такую язву можно в два счета.

Впрочем, калек на улицах тоже хватало. Слепые работали в паре с собакой-поводырем, которая так жалостливо подвывала, так умилительно заглядывала в глаза прохожим, что невозможно было не бросить пенни в ведерко, которое она держала в пасти. В числе калек были и ловкие мошенники, которые носили повязку на глазах, приволакивали ногу или же валились на тротуар, содрогаясь в припадке. Появление полицейского производило чудотворный эффект – слепцы дружно прозревали и бросались наутек, а к припадочным возвращалось сознание.

Внешний вид нищих тоже со временем изменился. Как и сотни лет назад, многие одевались в лохмотья. В зимнюю стужу вид полуголых побирušек, особенно детей, производил желанный эффект. Прохожие не только одаривали их деньгами, но приносили обувь и чулки, которые потом можно было загнать старьевщику. Однако появился и новый тип нищих, вполне респектабельных на вид. Они попрошайничали семьями: печальный отец вел за руку карапузов, рядом шла мать с младенцем на руках, за ней следовали остальные дети. Вся семья была одета в ветхие, но аккуратно заплатанные и безупречно чистые платья, да и дети были не чумазыми, а чистенькими, только уж очень грустными. В глазах несчастного семейства так и читалось: «Посмотрите, как мы бедны, но в то же время порядочны! Посмотрите! Мы стремимся к респектабельности, и добились бы ее, если б только смогли. Мы не какие-нибудь там заурядные, вульгарные побирušки или бродяги. Мы люди приличные, но и нас постигло несчастье. Бедность это не наша вина, это наша беда!» Как уверяли журналисты, это была еще одна уловка, чтобы умиловать прохожих.

Семья попрошайек. Рисунок из журнала «Панч». 1869

Другие попрошайки тоже били на жалость. Взять хотя бы серийных самоубийц. Они регулярно топились в Темзе или в озере Серпентайн, что в Гайд-парке. Напарник нырял за «самоубийцей» и откачивал его, между делом сообщая прохожим о невзгодах, заставивших беднягу взять на душу такой грех. Добрые христиане совали руку в карман. Еще бы, как не спасти заблудшую душу. А самоубийца, как следует просохнув, шел топиться по новой. За одну попытку можно было собрать несколько фунтов, жаль только – заработок был сезонным, ведь зимой зябко прыгать в воду. Христорадничали и «жертвы» всевозможных катастроф – погорельцы, потерпевшие крушение моряки, шахтеры, пережившие взрыв, ветераны военных кампаний. В большинстве своем они дурачили горожан. Лжеморяки, к примеру, украшали руки татуировками, учились моряцкому говору и походке, а солдаты тщательно изучали военную историю – вдруг какой-нибудь зануда начнет допытываться, в каком полку они служили, где он был расквартирован в таком-то году, как звали капитана. Попадались среди них и настоящие матросы и солдаты, но с ними нужно было держать ухо востро, а то как бы не ограбили в темном переулке.

Жалость вперемешку с неловкостью вызывали иностранцы, изъяснявшиеся на ломаном английском. Были здесь и французские ремесленники, и польские эмигранты, которые на поверку оказывались или русскими, или немцами, но никак не аристократами в изгнании. На волне сочувствия к неграм улицы Лондона запестрели чернокожими попрошайками. Правда, если как следует отмыть их, взору явился бы белый пройдоха – жулики пускались на любые уловки, лишь бы заработать лишний пенни.

Охотнее всего подавали старикам и детям, поэтому нищенки брали детей напрокат на «фермах младенцев».⁵ За неимением младенца в ход шел мешок тряпок, кое-как замотанный

⁵ «Ферма младенцев» (baby farm) – это подобие детского сада, куда матери сдавали своих малышей за минимальную плату и чаще всего с расчетом никогда больше их не видеть. Подробнее о фермах младенцев и связанных с ними скандалах можно прочесть в книге Е. Коути и Н. Харса «Суеверия викторианской Англии» (М.: Центрполиграф, 2011).

в пеленку – в темноте все равно не разглядишь. Как и андерсеновская девочка со спичками, английские ребяташки сновали по городу с лотками, на которых лежали спички, цветы, шнурки, пуговицы, ленты, но товары были, скорее, для отвода глаз. Они стоили так дешево, что прокормиться выручкой от них было невозможно, зато с маленьких продавцов снимались все подозрения в попрошайничестве. Качая головой, прохожие бросали оборвышу несколько монет, но ничего не брали с лотка.

Некоторые попрошайки действовали иначе, более хитро. Какой-нибудь джентльмен замечал на улице девочку, которая горько плакала над корзиной с разбитыми яйцами. Девочка объясняла, что торгует яйцами, но нечаянно уронила корзину. Теперь она боится идти домой, ведь родители зададут ей трепку. Добрый джентльмен платил за все яйца сразу, а когда уходил, девочка аккуратно собирала разбитые яйца и уходила плакать на другую улицу.

Очень часто торговцы-попрошайки наведывались в кабаки, где к ним благоволили проститутки. Вот что об этом пишет Генри Мэйхью: *«Попрошайки заходят в питейные дома, увидев за стойкой женщин, которые могут им помочь. Когда они предлагают свой нехитрый товар какому-нибудь джентльмену, женщины просят: „Дайте что-нибудь бедолаге“ или „Купите нам букетик“. Если же предлагают шнурки или пуговицы, говорят: „Не берите ничего у старушки, просто дайте денег“. Желая прихвастнуть щедростью, джентльмены уступают их просьбам, тогда как без заступничества своих разбитных спутниц они бы обругали торговку и послали прочь. Однажды я видел, как старуха, переполненная благодарностью, поцеловала руку размазанной кошке. Пожалуй, мне еще не доводилось видеть столь трогательного зрелища. Пару минут назад девица прохаживалась по кабаку с развязностью, присущей ее классу, но поступок нищенки до того ее растрогал, что слеза медленно скатилась по нахмуренной щеке, оставляя за собой белую полосу. В следующий же миг девица смахнула слезу и вновь начала кривляться и петь»* [26].

Существовал, наконец, и более «интеллигентный» подвид попрошаек – авторы жалобных писем с просьбами о помощи. Адресатами становились аристократы, дамы-благотворительницы, меценаты, священники и все те, у кого можно выклянчить пару фунтов, не опасаясь, что они проверят изложенные в письме факты. Журналист Джеймс Грант приводит выдержки из дневника одного афериста:

«29 июня – написал герцогу Ричмонду под именем Джона Смита. Ампутация ноги, полгода без работы, жена и семеро детей голодают. Результат – 2 фунта. Неплохо, но, надеюсь, в следующий раз больше повезет.

25 июля – написал епископу Лондонскому под именем Уильяма Андерсона. Англиканский священник, без работы четыре года, жена скончалась три недели назад, пятеро детей остались без материнской заботы. Результат – ни полпенни, это стреляный воробей. Еще раз попробую на следующей неделе.

28 июля – написал сэру Питеру Лори. Работающий шотландец, оставшийся без работы, восемь дней перебивался с хлеба на воду, но вот уже три дня ни крошки во рту. Зовут Джон Лори. Результат – послал меня в Общество по искоренению попрошайничества. Ох, и ушлые эти шотландцы, их так просто не проведешь» [27].

Перед тем как закинуть удочку, аферисты узнавали всю подноготную своего «клиента» и подгоняли под него историю: епископам писали обнищавшие священники, адмиралам – моряки, якобы служившие под их началом, аристократкам – многодетные матери. И как бы ни гневались на них адресаты, находчивость мошенников иной раз вызывала вздох восхищения. Ничего не скажешь, индивидуальный подход к каждому клиенту!

Уличные актеры

В развлечениях лондонцы не знали нужды. Городские улицы были запружены не

только торговцами всех мастей, но также певцами, акробатами, глотателями змей, шотландскими музыкантами, игравшими на волынке, художниками, которые за пенни вырезали из черной бумаги профиль заказчика, безрукими каллиграфами и слепыми чтецами. Охочие до зрелищ горожане не только глазели на карликов или бородатых женщин, но и знакомились с достижениями науки. Например, за небольшую плату можно было заглянуть в микроскоп. На выбор предлагались следующие объекты: блохи, сырные клещи, простейшие в капле воды, человеческий волос, поперечный срез трости, которой учителя лупили мальчишек по рукам, и кусочек дубовой коры. Последний экспонат сопровождался патриотической лекцией о красоте английского дуба, которая затмевает узоры на индийских шалах.

Лондонцы любили живность и покрупнее – например, танцующих собак или канареек в пестрых костюмах. В середине XIX века в столице появился новый тип зверинца под названием «счастливое семейство». Дело в том, что некоторые христиане были слишком нетерпеливы, дожидаясь наступления нового мира, обещанного Библией, когда волк будет пастись вместе с ягнёнком. Может, стоит немного помочь естественному ходу истории? Да и интересно очень. Суть нового зверинца была в том, чтобы засунуть в одну клетку тех животных, которые в природе охотятся друг на друга, и приучить их к мирному сосуществованию.

Виды животных и птиц, составлявших «счастливое семейство», зависели от мастерства дрессировщика. У дрессировщика, давшего интервью Мэйхью, в одной огромной клетке обретались 3 кошки, 2 собаки (спаниель и терьер), 2 обезьяны, 2 сороки, 2 галки, 2 сойки, 10 скворцов, 6 голубей, 2 ястреба, 2 домашние птицы (вероятно, гуси или утки), 1 филин, 5 обычных крыс, 5 белых крыс, 8 морских свинок, 2 кролика, еж и черепаха. По его мнению, труднее всего дрессуре поддавались ястребы и крысы, которые периодически норовили напасть на своих сокамерников... то есть на остальных членов большой и дружной семьи. Из птиц проще всего было дрессировать голубей, из животных – обезьян. Напротив, его конкурент заявлял, что дрессировать обезьян очень сложно, ведь во время игры они пускают в ход зубы и могут запросто поднять крысу за хвост.

Оба дрессировщика клялись, что добиваются желаемого результата исключительно терпением и лаской, никогда не опаивают животных опиумом, не бьют их и не выдирают им зубы. Впрочем, похваляясь своими животными, один дрессировщик добавил, что как-то раз оставил их без еды на 36 часов, но даже тогда они не покусились друг на друга! Такой эксперимент он провел в Кембридже по просьбе какого-то ученого господина, хотя перед началом испытания все же накормил животных как следует.

Среди городской детворы особой любовью пользовались представления кукольных театров. Их главным героем был мистер Панч, задира и грубиян, любитель приложиться к бутылке, а на досуге поколотить свою женушку Джуди. Английский кукольный театр берет начало в Италии XIV века, когда Панч был одним из персонажей Коммедиа дел Арте и звался Пульчинелла. Во Франции он сменил имя на Полишенеля, а в XVII веке добрался до берегов Британии и обрел английское имя. Его сварливую жену поначалу звали «Джоанна», но в XIX веке она стала известна как Джуди. Деревянные куклы были грубо размалеваны и одеты в яркое тряпье – разноцветный колпак у Панча, в придачу к крючковатому носу и внушительному брюшку, старомодный чепец у его жены. Помимо счастливой четы, в кукольном театре встречались и другие персонажи – констебль, бидль, доктор, клоун, палач, призрак, появлялся и сам дьявол. Перед ширмой, над которой проходило представление, сажали пса Тоби в шляпе и гофрированном воротнике.

Кукольные спектакли разыгрывали на улицах и ярмарках. Если до XIX века представления были рассчитаны скорее на взрослых, которым импонировали грязные шутки и сцены насилия, в викторианскую эпоху поклонниками Панча стали дети. Однако драки и ругань сохранились.

Представление Панча и Джуди. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Типичный сценарий начинается с того, что Джуди просит Панча присмотреть за их малышом, пока она готовит, но Панчу не по плечу роль воспитателя:

«Панч качает младенца, а когда тот продолжает кричать, берет его на руки, приговаривая: „Какой несносный ребенок! Терпеть таких не могу!“ Он трясет младенца, бьет его головой о стену и швыряет из окна. Возвращается Джуди.

Джуди: Где наши малыши?

Панч (меланхолично): С ним вышел несчастный случай, он так громко орал, что я выбросил его в окошко.

Джуди истерически оплакивает ребенка, после чего уходит за дубинкой и бьет Панча по голове.

Панч: Не злись так, милая, я же не нарочно.

Джуди: Ты мне за все заплатишь!

Она продолжает бить его по голове, но Панч вырывает у нее дубинку и избивает Джуди» [28].

Далее Панч забьет Джуди насмерть, в результате чего к нему явится ее призрак, но нематериальная субстанция тоже отведает дубинки. Попытки призвать убийцу к ответу не увенчаются успехом: он поколотит и бидля, и констебля, а когда его все же уволочут на эшафот, достанется и палачу. В конце концов, Панч одолеет Сатану, который неблагоразумно пришел по его душу, и закончит спектакль триумфальным поклоном.

Дети смотрели представления, то приоткрыв рот, то взрываясь смехом. Какому

сорванцу не понравится, как мистер Панч охаживает палкой констебля или насмехается над судьей? Вот бы и в жизни так! Что касается битья жен, для завсегдатаев представлений оно давно уже стало частью повседневной жизни и никого не шокировало, тем более что на деревянных лицах не проступали синяки. Насилие на сцене помогало выпускать пар и справляться с бытовыми невзгодами.

От шума на улицах Лондона у чужака начиналась мигрень. Ржание лошадей, перестук колес по булыжным мостовым, зычные крики уличных торговцев и нытье нищих, громкий гогот из питейных заведений. Важной составляющей городского гама была музыка. Точнее то, что могло сойти за музыку. Не все уличные певцы и музыканты были профессионалами, зато надрывались они от души – еще бы, не шутка перекричать такой базар!

Кто мог, играл на музыкальных инструментах – барабанах, скрипках, банджо, тарелках и, конечно же, шарманке. В 1860-х годах на лондонских улицах насчитывалось около тысячи шарманщиков! Вокруг шарманщика прыгали и пританцовывали его клиенты, уличные мальчишки. Им нравились простенькие мелодии, ужимки обезьян, верных спутниц шарманщиков, и особенно то, что им самим разрешалось покрутить ручку инструмента. Относились к шарманщикам по-разному – кто сочувственно, а кто с раздражением. Шарманки кряхтели, визжали и тарахтели так, что извлекаемые из них звуки вряд ли назовешь бальзамом для ушей. Кроме того, в шарманщики подавались иностранцы, французы, немцы и итальянцы, что тоже не украшало их в глазах викторианцев – политкорректность была им несвойственна. Зато шотландцы охотно бросали пенни своим землякам, игравшим на волынке. Как признавался один парнишка-музыкант, герцог Аргайл даже распорядился, чтобы его всегда угощали обедом во дворце.

Шарманщик и горничная. Рисунок из журнала «Панч». 1853

Лондонцы жалели слепых музыкантов, которые, по общему мнению, отличались смирением и набожностью. Генри Мэйхью с теплотой отзывался о старушке Саре, игравшей на колесной лире. История нищенки достаточно типична. Сара родилась в конце XVIII века, ее отец был шляпником, мать делала искусственные цветы. Сразу после рождения у девочки воспалились глаза, как она считала, из-за сквозняка. Нянька нашла оригинальный способ лечения, намазав ей глаза смесью масла, воска, оксида цинка и оксида железа. Так Сара окончательно лишилась зрения. После смерти родителей ее передали в школу для слепых, где девочек учили шить и прясть, но рукоделие Саре не давалось. Решено было обучить ее игре на музыкальном инструменте, что и стало для нее основным источником пропитания. Вместе с поводырем она ходила по улицам, играя на колесной лире и собирая подаяние. Увы, столичные улицы были опасны и для зрячих, не говоря уже о слепых старушках. Сару и ее провожатую сбил кэб, внезапно вывернувший из-за угла. Провожатая скончалась на месте, Сара отделалась переломами, но так повредила руки, что уже не смогла играть. Через несколько месяцев она умерла в нищете.

Детские профессии

В наши дни детей и подростков принято оберегать от тяжелого физического труда. А вот маленьким англичанам, проживавшим в Лондоне XIX века, приходилось самим зарабатывать на жизнь, а порою и обеспечивать безработных родителей. Тяжкий труд был уделом далеко не всех детей. От юных лордов и леди порою не требовалось даже заправлять постель, ведь все работы выполняла прислуга. Однако ребятишки из семей рабочих и мелких торговцев с малолетства помогали старшим. В некоторых случаях заниматься тяжелым и неприятным трудом детей вынуждала беда. Если в многодетной рабочей семье умирал отец, главный добытчик, то семейство оставалось без средств к существованию. Матери, которая прежде вела домашнее хозяйство, приходилось в спешке искать работу уборщицы, прачки или швеи. А дети, от мала до велика, старались заработать хотя бы несколько грошей.

На лондонских улицах, и без того шумных, наполненных в том числе криками вечных мальчишек-газетчиков, то и дело можно было услышать: «Сэр, хотите, я присмотрю за вашей лошадью?» или «Мэм, давайте я донесу ваш сверток!»

Дети занимались и куда более неприятным трудом. Взять, к примеру, собирание мусора по берегам реки Темзы во время отливов. Ребятишек, которые зарабатывали именно так, называли «mud-larks» – «жаворонки из грязи». Такова жизнь – одни жаворонки парят в небесах, а вот другим приходится копошиться в грязи. «Жаворонки» проживали в домах неподалеку от реки. Дождавшись отлива, они спешили к берегам и, закатав штаны по колено, забирались в холодную грязь. Задача заключалась в том, чтобы собрать как можно больше мусора, который оставался после кораблей. Это были угольки, обрывки веревок, кости и медные гвозди, иногда ржавые ножи и молотки. Свои находки мальчишки продавали старьевщикам, которые перерабатывали мусор – например, варили клей из костей. А угольки можно было унести домой для растопки камина.

Работа была хотя и не сложной, но изнурительной и опасной, ведь в любое время года, и летом, и зимой, мальчишки работали босиком, одетые лишь в рванье. В таких условиях легко было простудиться. Очень часто «жаворонки» наступали на стекло или ржавые гвозди. Тогда мальчишки ковыляли домой, чтобы перевязать рану, но тут же возвращались на реку – если ничего не собрать сегодня, будешь голодать до следующего отлива! По словам Генри Мэйхью, один из опрошенных им «жаворонков» как-то раз загремел в исправительный дом, где ему очень понравилось. Там мальчишке выдали одежду и обувь, а кормежка была хоть скудной, зато не приходилось идти спать на голодный желудок. Просто идеальное место, чтобы провести зиму, когда холодная грязь так и обжигает босые ноги.

Маленькая цветочница. Рисунок из книги Генри Мэйхью «Рабочие и бедняки Лондона». 1861–1862

В XIX веке женщины и дети нередко работали в шахтах, по 12 и более часов. В некоторых шахтах от них требовалось поднимать на поверхность корзины с углем, в других – тянуть за собой вагонетку, груженную углем, которую привязывали цепью к талии. Передвигаться приходилось на четвереньках. Дети тянули вагонетки наравне со взрослыми или же открывали затворку, чтобы вагонетки могли проехать.

В 1842 году в шахтах работали 2350 женщин, одна треть из них в Ланкашире, хотя работа женщин под землей уже была законодательно запрещена. Кроме того, владельцы шахт больше не имели права нанимать на работу детей младше десяти лет. А десятью годами ранее, в 1833 году, были определены часы работы для несовершеннолетних – дети младше 13 лет не могли трудиться больше 8 часов в день, подростки до 18 лет – только 12 часов в день. Кроме того, детям запрещено было работать по ночам. Тем не менее законодательные препоны можно было обойти с помощью махинаций. Родители прибавляли детям пару лет, чтобы они могли работать дольше, а следовательно, и зарабатывать больше. Во второй половине XIX века женщины и девочки трудились на поверхности, занимаясь сортировкой угля.

Самой известной детской профессией XIX века была профессия трубочиста. Когда топливо в каминах сгорало, выделялась копоть, которая частично оседала на стенках трубы. Чтобы камин не дымили, трубы приходилось время от времени чистить. Поскольку

каминные трубы были узкими, чистить их могли только дети.

В подмастерья к трубочистам отдавали мальчиков-сирот в возрасте от 4-х лет. Работа состояла в том, чтобы залезть в трубу и почистить ее скребком или щеткой. На первых порах мальчишки боялись лезть вверх по трубе, вдруг еще застрянут. Тогда в камине зажигали немного соломы, и трубочист, боясь обжечься, волей-неволей карабкался вверх. В романе Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста» маленького Оливера чуть было не отдали в ученики трубочисту мистеру Гэмфилду. А он как раз практиковал именно такую методику: *«Мальчишки – народ очень упрямый и очень ленивый, джентльмены, и ничего нет лучше славного горячего огонька, чтобы заставить их быстрехонько спуститься. К тому же это доброе дело, джентльмены, потому как, если они застрянут в дымоходе, а им начнешь поджаривать пятки, они из всех сил стараются высвободиться»* [29]. К счастью для Оливера, он все же не стал учеником извращенца Гэмфилда. Другим ребятишкам везло гораздо меньше. Иногда они застревали в трубах, срывались вниз или гибли прямо в трубе, задохнувшись от пыли.

Хозяева не заботились о благополучии маленьких подмастерьев. Дети спали в подвалах и на чердаках. Кормили мальчишек плохо, ведь чем тоньше трубочист, тем больше от него пользы. Трубочисты редко мылись, поэтому год за годом на их теле накапливались слои сажи, что приводило к раковым заболеваниям.

Во второй половине XIX века в сфере детского труда произошли изменения. Еще в 1804, 1817 и 1819 годах предпринимались попытки запретить наем детей до 10 лет, но все законопроекты результата не приносили. Лишь в 1840 году английский парламент запретил забираться в трубы лицам до 21 года. К сожалению, штрафы были так малы, что этот закон мало кого останавливал. Но в 1864 году штраф повысили до 10 фунтов – значительная сумма по тем временам. Новая мера получила как юридическую, так и общественную поддержку, и эксплуатация маленьких трубочистов пошла на спад.

У ребятишек, работавших на улице, появилась возможность выбиться в люди. В 1840-х годах только 20 % маленьких лондонцев ходили в школу или обучались на дому. В 1860-х годах эта цифра возросла, и уже половина всех детей в возрасте от 5 до 15 лет посещала школу. Чаще всего дети улиц ходили в так называемые «ragged schools» – «школы для оборвышей», в которых они получали бесплатное начальное образование, а иногда и тарелку супа в придачу. С 1880 года начальное образование для детей до 10 лет стало обязательным.

По мере того как благосостояние нации возрастало, а условия жизни улучшались, в детском труде отпала необходимость.

От некроза до профсоюза: девушки со спичками

О том, каким тяжким, опасным и унижительным был труд рабочих в XIX веке, многие из нас еще помнят по трудам Маркса и Энгельса, прочитанным на курсе по истории КПСС. Поэтому оставим в стороне профсоюзы и рост сознательности среди пролетариата и поговорим о болезнях. Точнее, о профессиональных заболеваниях. Впрочем, нет. Вспомнить историю борьбы рабочего класса нам все же придется, поскольку именно некроз челюсти привел к одной из наиболее известных и успешных забастовок XIX века. Повлияли на нее и другие причины, но некроз челюсти был, конечно, самой живописной из них.

В XIX веке Великобритания стала индустриальным гигантом. В Шеффилде, Бирмингеме, Вулвергампtone, Абергавенне расположились металлургические заводы, в Уэльсе добывали уголь и железо, в Стоке-на-Трентоне выпускали фарфор и керамику, Лестер и Ноттингэм славились текстилем, а на севере, в Лидсе, Бадфорде, Манчестере, жужжали станки на хлопкопрядильных заводах. По сравнению с цветущим югом, север Англии был более индустриализированным, здесь находился «Черный край», укрытый траурным полотном из заводского дыма.

Вполне понятна реакция Маргарет Хейл, героини романа «Север и Юг» Гаскелл, впервые увидевшей унылый промышленный город: *«За несколько миль до Милтона они*

увидели свинцовую тучу, нависшую над горизонтом. Она казалась особенно темной в контрасте с бледно-голубым зимним небом Хестона, – у побережья уже начались утренние заморозки. Ближе к городу в воздухе чувствовался слабый запах дыма, возможно, особенно ощутимый из-за отсутствия запаха трав и деревьев... То здесь, то там, как курица среди цыплят, возвышалась огромная, длинная фабрика с множеством окон, выпуская черный „непарламентский“ дым. Этот дым стягивался в висевшую над городом тучу, которую Маргарет поначалу приняла за дождевую» [30].

Как на севере, так и на юге, участь рабочих была незавидной. Они просыпались в тесных комнатенках, душных летом и промозглых зимой, и пешком шли на фабрику, порою под снегом или дождем. На работе их поджидали полутемные, плохо проветриваемые помещения, где им предстояло провести 12, 14, а то и 16 часов. О технике безопасности в те годы не задумывались, хозяевам едва ли хотелось тратить на ремонт помещений, защитную одежду или душ для рабочих. Пусть радуются, что их вообще наняли. А если вздумают роптать, их можно заменить ирландцами, которые будут работать за любые гроши. Законодательство постепенно менялось – например, в 1864 году был принят Фабричный акт, делавший упор на вентиляцию помещений. Но законы легко было игнорировать, и на фабрике хозяева были в своей власти.

Учитывая ужасающие условия труда, а также неудобное жилье и недостаток пищи, становится понятно, почему профессиональные заболевания были так распространены. Шахтеры страдали от астмы, прозванной в их среде «черные плевки», трубочисты – от рака, работники на бумажных и линолеумных заводах – от отравления свинцом, их коллеги на хлопкопрядильных фабриках – от туберкулеза. В романе «Север и Юг» фабричная работница Бесси так объясняет свою болезнь: *«Я начала работать в чесальном цехе, пух попал в мои легкие и отравил меня... Маленькие волокна хлопка, когда его расчесывают, они летают в воздухе, будто мелкая белая пыль. Говорят, он оседает на легких и сжимает их. Почти все, кто работает в чесальном цехе, чахнут, кашляют и плюют кровью, потому что они отравлены пухом» [31].*

Рабочие на газовом заводе в Ламбете, Лондон. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

После того как в 1840-х на север Англии начали завозить альпаку, верблюжью шерсть и мохер, среди работников ковровых заводов разразилась эпидемия сибирской язвы, и вспышки продолжались вплоть до 1890-х. В первый день больной жаловался на затрудненное дыхание, головокружение, озноб, боль в горле, рвоту и сонливость, на второй лежал пластом, а к третьему успевал умереть.

Еще более распространенным было отравление мышьяком. От мышьяка страдали не только неверные мужья или богатые тетушки, но и рабочие на фабриках, поскольку мышьяком, дававшим красивый зеленый цвет, подкрашивали все, что угодно: обои и абажуры для ламп, шторы и обивку для мебели, открытки и игральные карты, фантики для леденцов и сами леденцы, детские книги и игрушки, искусственные цветы и восковые елочные украшения. Постоянный контакт с мышьяком приводил к кожным заболеваниям, включая рак, не говоря уж о заурадной сыпи и нарывах вокруг гениталий.

Но больше всего викторианцев пугал некроз челюсти – профессиональный недуг работниц спичечных заводов. Спички изготавливали как в цехах, так и на дому. По данным Армии спасения, христианской благотворительной организации, даже в 1890-х процветало надомное изготовление спичек. В одном случае мать и двое ее детей, которым не исполнилось и девяти лет, работали по 16 часов в день и набивали спичками тысячу коробков, получая за это всего 1 шиллинг 4 пенса, притом что фосфорную массу приходилось покупать самим!

О фосфоре разговор особый – как раз он и становился причиной страшной болезни. На

смену огниву и серным спичкам пришли спички из фосфора, изобретенные в 1830 году французом Шарлем Сория. Французский химик использовал белый фосфор, который отлично горел, но был опасен для здоровья. В 1850-х вошли в употребление спички на основе аморфного красного фосфора, безопасного в изготовлении, тогда как белый был запрещен по всей Европе. Исключением стала Англия. Здесь продолжали делать спички из белого, более дешевого фосфора, а среди их изготовителей процветал некроз челюсти.

Изготовление спичек на дому. Рисунок из «Английского иллюстрированного журнала».
1892

Рабочие вдыхали фосфор, ели, склонившись над фосфорной массой, наспех мыли руки, а при зубной боли натирали десны все той же фосфорной спичкой. Результатом было отравление, которое доктора описывали в цветистых подробностях. Сначала пациент жаловался на зубную боль и нарывы на деснах. Из нарывов сочился гной, выпадали зубы, постепенно обнажались кости челюсти, начинался некроз. Через несколько лет пациент умирал, а если все же излечивался, до конца дней на нем оставалась печать уродства.

Любители всего сенсационного и сентиментального, викторианцы сочувствовали работницам спичечных заводов, как и другим работающим женщинам, например швеям. В июне 1888 года в Лондоне состоялось очередное собрание социалистов-фабианцев (Фабианцы – приверженцы философско-экономического течения, исповедовавшие медленное и постепенное преобразование капитализма в социализм. – *Ред.*), на котором Клементина Блэк, подруга Элеоноры Маркс, зачитала доклад о женском труде в Лондоне.

Среди ее слушателей была другая феминистка, Энни Безант. Шокированная услышанным, Безант отправилась на спичечный завод «Брайант и Мэй», где условия труда были особенно неприглядными. Даме из среднего класса трудно было разговаривать с простых работниц, но когда они втянулись в беседу, то рассказали ей о своем житье-бытье вполне откровенно.

За шестнадцатичасовой рабочий день они получали 1 шиллинг 4 пенса. Все бы ничего, но на заводе были установлены суровые штрафы. Штрафовали за все – за опоздание, за разговоры на рабочем месте, за отлучку в туалет, за уроненную коробку спичек, за грязную обувь. Из крошечной зарплаты вычитали от нескольких пенсов до шиллинга, а ведь это была разница между хрупким благополучием и голодом. Время от времени от работниц требовали вклад в благотворительность – например, шиллинг на возведение памятника премьеру Гладстону (впрочем, такого рода поборы знакомы и современному читателю). Начальники цеха кричали на работниц и раздавали тумаки, станки были опасны в употреблении, помещения были душными и зловонными.

Здоровье работниц тоже оставляло желать лучшего, ведь на заводе использовали ядовитый белый фосфор. Отдельной столовой не было, работницам приходилось есть хлеб, принесенный из дома, прямо в цехе, где на нем оседали частицы фосфора. Опасаясь увольнения, женщины до последнего скрывали зубную боль и опухшие десны. Носильщицам приходилось таскать тяжелые коробки на голове, так что уже к пятнадцати годам девушка могла обзавестись плешью.

23 июня 1888 года Безант опубликовала в социалистическом журнале «Линк» статью «Белое рабство в Лондоне», предварительно оповестив о ней хозяев завода. Она не боялась, что фабриканты подадут в суд за клевету. Наоборот, на это она и рассчитывала. Громкое разбирательство со свидетельскими показаниями сыграло бы ей на руку. Но директора, опасаясь огласки, потребовали от работниц подписать заявление о том, что они довольны и заработками, и условиями труда.

Несколько женщин наотрез отказались подписывать бумагу. Как они потом рассказали Безант: «Вы за нас заступились, так и мы вас не подведем». Бунтовщицы были тут же уволены, а директора вздохнули с облегчением – уж теперь-то остальные испугаются. Кому охота оказаться на улице? Но они просчитались. На следующий день завод опустел. 1400 работниц завода «Брайант и Мэй» устроили забастовку. Возможно, таким образом они выражали классовую сознательность, или же им просто опостытели штрафы и поборы. У любого терпения есть предел.

Забастовка длилась три недели и получила широкое освещение в прессе. Бастующих поддерживал драматург Джордж Бернард Шоу и журналист Уильям Стэд, с которым вы еще познакомитесь поближе. Общественное мнение раскололось: с одной стороны, британцы сочувствовали работницам, с другой, многих раздражала социалистическая подоплека забастовки – женщины организовали профсоюз, который возглавила Энни Безант. Поначалу директора гнули свою линию, но в конце концов сдались и приняли условия бастующих. Уволенные были восстановлены на рабочем месте, а система штрафов канула в прошлое. Торжествующие женщины вернулись в цех, показав своим товаркам с других заводов, что в единстве сила.

А что же некроз челюсти?

Увы, с ним все было не так радужно. Несмотря на усилия Энни Безант и христианской организации «Армия спасения», «Брайант и Мэй», как и другие заводы по всей Англии, пользовался белым фосфором вплоть до начала XX века. Лишь в 1910 году парламент запретил делать спички из белого фосфора и фосфорный некроз присоединился к другим полузабытым болезням недобрых старых времен.

Глава III

Дела семейные

В этой главе мы на время покинем трущобы и заглянем в уважаемые (по крайней мере, с виду) дома среднего класса. За опрятными фасадами порою творились неблагоприятные дела. Цепи Гименея превращались в настоящие кандалы, а домашние тираны, пользуясь безнаказанностью, создавали свою собственную версию «недоброй старой Англии». Жестокость – это явление вневременное, однако в совокупности с несправедливыми законами она принимает особенно уродливые формы. Тем больше уважения заслуживают люди, которые не только не сломались, но сумели отстоять свои права.

Суровое английское воспитание

Оправдывая применение телесных наказаний в отношении детей и преступников, англичане XIX века ссылались на Библию. Разумеется, не на те эпизоды, где Христос проповедовал любовь к ближнему и просил апостолов пустить к нему детей. Гораздо больше сторонникам порки нравились притчи Соломона. Помимо всего прочего, там содержатся и следующие сентенции:

«Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его (23:24).

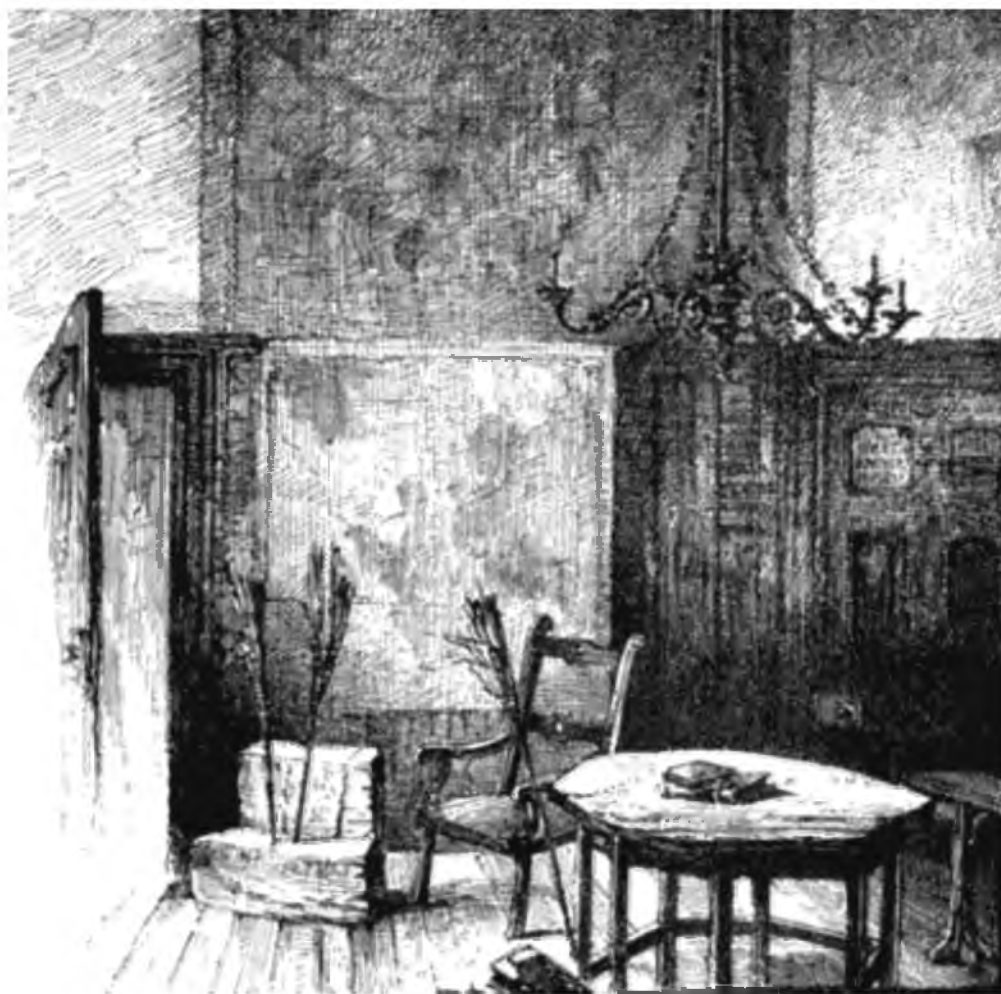
Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его (19:18).

Не оставляй юноши без наказания: если накажешь его розгою, он не умрет; ты накажешь его розгою и спасешь душу его от преисподней (23: 13–14).

Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит ее от него (22:15)».

Все доводы о том, что притчи Соломона не стоит воспринимать так уж буквально, а упоминаемая там розга – это, возможно, метафора, а не пучок прутьев, сторонники телесных наказаний игнорировали. В 1904 году вице-адмирал Пенроуз Фитцджеральд вступил в полемику с драматургом Джорджем Бернардом Шоу, яростным противником подобных унижений. Предметом спора стали карательные меры во флоте. Адмирал закидал Шоу цитатами из Соломона. На это Шоу отвечал, что как следует изучил биографию мудреца, а также отношения в его семье. Картина вырисовывалась невеселая: к концу жизни Соломон впал в идолопоклонство, а его хорошо выпоротый сын так и не сумел сохранить отцовские земли. По мнению Шоу, пример Соломона как раз и является лучшим аргументом против воплощения его принципов воспитания в жизнь.

Помимо притч, у сторонников порки была еще одна любимая поговорка – «Spare the rod and spoil the child» («Пожалеешь розгу – испортишь ребенка»). Мало кто знал, откуда она вообще появилась. Считалось, что тоже откуда-то из Библии. Там же много всего написано, наверняка и эта поговорка затесалась. Где-нибудь. На самом же деле, это цитата из сатирической поэмы Сэмюэля Батлера «Гудибрас», опубликованной в 1664 году. В одном из эпизодов дама требует от рыцаря, чтобы он принял порку в качестве испытания любви. После уговоров, она сообщает рыцарю следующее: «Love is a boy, by poets styled/ Then spare the rod and spoil the child» (Любовь – это мальчишка, созданный поэтами/ Пожалеешь розгу – испортишь дитя). В данном контексте упоминание порки скорее связано с эротическими играми и, вероятно, с пародией на религиозных флагеллантов, т. е. любителей самобичевания. По крайней мере, сама идея преподносится в насмешливом ключе. Кто бы мог подумать, что суровые мужья от образования будут цитировать шуточные вирши?

Розги в Итоне. Рисунок из «Английского иллюстрированного журнала». 1885

У себя дома эти господа, не колеблясь, следовали указаниям Соломона в том виде, в котором их понимали. Если в рабочих семьях родители попросту кидались на ребенка с кулаками, детишек из среднего класса чинно секли розгами. В качестве орудия наказания могли применяться и трости, щетки для волос, тапки и так далее в зависимости от родительской изобретательности. Детишкам доставалось и от нянек с гувернантками. Далеко не в каждом доме гувернанткам позволяли бить своих воспитанников – некоторые в таких случаях призывали на помощь папаш, но там, где позволяли, они лютовали по-настоящему. Например, некая леди Энн Хилл так вспоминала свою первую няньку: «Один из моих братьев до сих пор помнит, как она уложила меня к себе на колени, когда я еще носила длинную рубашку (тогда мне было от силы 8 месяцев) и со всей силы била меня по задку щеткой для волос. Это продолжалось и когда я стала старше». Няня лорда Джорджа Кёрзона была настоящей садисткой: однажды она приказала мальчику написать письмо дворецкому с просьбой подготовить для него розги, а потом попросила дворецкого зачитать это письмо перед всеми слугами в людской.

В 1889 году разразился скандал, связанный с жестокостью гувернантки. В английских газетах нередко встречались объявления вроде: «Холостяк с двумя сыновьями ищет строгую гувернантку, которая не погнушается поркой» и дальше в том же развеселом духе. По большей части так развлекались садомазохисты в эпоху, когда не было еще ни чатов, ни форумов специфической направленности. Каково же было удивление читателей «Таймс», когда одно из этих объявлений оказалось подлинным!

Некая миссис Уолтер из Клифтона предлагала свои услуги в воспитании и обучении неуправляемых девочек. Предоставляла она и брошюры по воспитанию молодежи, по

шиллингу за штуку. Редактор «Таймс», где и было опубликовано объявление, уговорил свою знакомую связаться с загадочной миссис Уолтер. Интересно было разузнать, как именно она воспитывает молодежь. Находчивая леди написала, что ее малолетняя дочь совсем от рук отбилась, и попросила совета. Воспитательница поверила. Сообщив свое полное имя, миссис Уолтер Смит, она предложила взять девочку к себе в школу за 100 фунтов в год и как следует ее там обработать. Более того, она готова была показать рекомендательные письма от духовенства, аристократов, высоких военных чинов. Вместе с ответом миссис Смит прислала и брошюру, где описывала свой метод воздействия на неуправляемых девиц. Так красочно описывала, что, за неимением другого дохода, она могла бы писать садомазохистские романы. Как жаль, что именно эта идея не постучалась ей в голову!

Журналистка решила встретиться с ней лично. Во время интервью, миссис Смит, высокая и крепкая дама, сообщила, что в ее академии есть и двадцатилетние девицы, причем одной из них пару недель назад она нанесла 15 ударов розгой. При необходимости воспитательница могла приехать и на дом. Например, к тем особам, которые нуждались в дозе английского воспитания, а матери-ехидны никак не могли организовать им порку своими силами. Будучи дамой пунктуальной, все свои встречи она заносила в записную книжку. За прием брала 2 гинеи, как настоящий профессионал (оплату в гинеях требовали врачи и адвокаты, тогда как народ попроще получал фунты и шиллинги). Судя по всему, среди ее клиентов было немало мазохистов.

Как только интервью с миссис Смит было опубликовано, в редакцию хлынул поток писем. Громче всех надрывались те дамы и господа, которых добрая гувернантка упомянула среди своих поручителей. Выяснилось, что миссис Смит была вдовой пастора, бывшего директора Школы Всех Святых в Клифтоне. После его смерти миссис Смит открыла школу для девочек и попросила у знакомых рекомендательные письма. Те с радостью согласились. Потом все как один уверяли, что знать не знали и ведать не ведали про воспитательные методы миссис Смит. Открестилась от нее и бакалейщица миссис Клапп, которая, судя по брошюре, поставляла ей розги. Таким образом, хотя многие англичане и поддерживали порку, связываться с такой скандальной и откровенно неприличной историей никому не хотелось. Да и к наказаниям девочек относились с куда меньшим энтузиазмом, чем к наказаниям мальчиков.

Телесные наказания были распространены как дома, так и в школах. Нелегко отыскать средневековую гравюру с изображением школьной тематики, где учитель не держал бы в руках то или иное орудие наказания. Такое впечатление, что весь учебный процесс сводился именно к ним. В XIX веке дела обстояли не многим лучше. Учеников элитных учебных заведений били не в пример сильнее и чаще, чем тех, кто посещал школу в родной деревне. Особый случай – исправительные школы для юных правонарушителей, где условия были просто кошмарными, Комиссии, инспектировавшие такие заведения, а также школы при тюрьмах, упоминали о различных злоупотреблениях, о чересчур тяжелых тростях, а также розгах из терновника.

Одной из самых престижных школ в Англии, если не самой престижной, в XIX веке был Итон – пансион для мальчиков, основанный еще в XV веке. Итонский колледж воплощал суровое английское воспитание. В зависимости от объема знаний учеников определяли в Младшее или Старшее отделение (Lower/Upper School). Если предварительно мальчики занимались с репетитором или прошли подготовительную школу, они попадали в Старшее отделение. В Младшее поступали ученики, еще не достигшие 12 лет, но иногда случалось, что и взрослого парнишку заносило в Младшее отделение, что было особенно унижительно. При поступлении в колледж ученик попадал под опеку наставника (tutor), в апартаментах которого проживал и под началом которого обучался. Наставник был одним из учителей в колледже и надзирал в среднем за 40 учениками. Вопрос об оплате родители решали напрямую с наставником.

Поскольку наставник фактически выступал в роли опекуна по отношению к ученику, он же имел право его наказывать. Для проведения наказаний учителя обращались за

помощью и к старшим ученикам. Так, в 1840-х на 700 учеников в Итоне приходилось всего 17 учителей, так что старосты были просто необходимы. Таким образом, старшие ученики могли официально бить младших. Естественно, санкционированными порками дело не обходилось, имела место и дедовщина. Один из выпускников Итона впоследствии вспоминал, как старшекласник принялся избивать его друга прямо во время ужина, колотил по лицу и голове, в то время как остальные старшекласники, как ни в чем не бывало, продолжали трапезу. Таких происшествий было великое множество.

Имела место и квазифеодальная система под названием *fagging*. Ученик из младших классов поступал в услужение к старшекласнику – приносил ему завтрак и чай, зажигал камин и, если потребуется, мог сбежать в табачную лавку, хотя такие эскапады сурово карались. Этакое сеньор и вассал в миниатюре. В обмен на услуги старшекласник должен был защищать своего подчиненного, но детскую жестокость никто не отменял, так что старшие ученики часто вымещали свои обиды на младших. Тем более что обид накапливалось немало.

Ученик частной школы. На заднем плане его «слуга» готовит ему чай. Карикатура из журнала «Панч». 1858

Жизнь в Итоне была не сахар даже для старшекласников, даже для детей из богатых семей. Подвергнуться порке могли и 18–20-летние юноши, завтрашние выпускники – фактически, молодые мужчины. Для них наказание было особенно унижительным, учитывая его публичный характер. Итонские розги напоминали метелку с ручкой длиною в метр и пучком толстых прутьев на конце. Заготавливал розги директорский слуга, каждое утро

приносивший их в школу целую дюжину. Иногда ему приходилось пополнять запас в течение дня. За обычные провинности ученик получал 6 ударов, за более серьезные проступки их число возрастало. Секли в Итоне всегда по обнаженным ягодицам, и в зависимости от силы удара на коже могла выступать кровь, а следы от порки не проходили неделями. Розга была символом Итона, но в 1911 году директор Литтелтон совершил святотатство – упразднил розгу в Старшем отделении, заменив ее тростью. Бывшие ученики пришли в ужас и наперебой уверяли, что теперь английская система образования покатится в тартарары. Родную школу без розог они просто не могли вообразить!

Как в Младшем, так и в Старшем отделении, экзекуции были публичными. Любой из учеников мог на них присутствовать. В этом, собственно, и заключался эффект наказания – чтобы одним махом напугать как можно больше учеников. Другое дело, что итонцы приходили на порки как на шоу, скорее злорадствовать, чем на ус мотать. Ученики, которых никогда не наказывали дома, трепетали от такого зрелища, но и они вскоре привыкали. Судя по воспоминаниям выпускников, со временем они переставали бояться или даже стыдиться наказания. Выдержать его без криков было своего рода бравадой.

Посылая сыновей в Итон, родители отлично знали, что порки их отпрыскам не избежать. В этом плане интересно происшествие с мистером Морганом Томасом из Сассекса в 1850-х. Когда его сыну, ученику Итона, исполнилось 14 лет, мистер Томас заявил, что отныне он не должен подвергаться телесным наказаниям. Эту радостную новость он сообщил сыну «с глаза на глаз», администрация колледжа ничего не знала об его распоряжениях. Четыре года юный Томас протянул без серьезных нарушений. Но когда 18-летнего юношу заподозрили в курении и приговорили к розгам, тогда-то он и открыл своему наставнику, что отец запретил ему подчиняться итонским правилам. Директор не стал писать отцу ученика и просто исключил юного Томаса за неповиновение. Разозленный мистер Томас затеял кампанию в прессе с целью отмены телесных наказаний в Итоне. Ведь, согласно парламентскому акту от 1847 года, преступников старше 14 лет запрещено было пороть розгами (на протяжении всего XIX века, эти правила менялись, становясь то мягче, то жестче). Но если закон щадил зады юных правонарушителей, почему же можно было сечь 18-летних джентльменов? К сожалению, отец так ничего и не добился.

Время от времени, вспыхивали и другие скандалы, связанные с жестокостью в школах. Например, в 1854 году староста в школе Хэрроу нанес другому ученику 31 удар тростью, вследствие чего мальчику понадобилась медицинская помощь. Об этом происшествии раструбили в «Таймс», но никаких последствий скандал не повлек. В 1874 году преподобный Мосс, директор школы в Шрусберри, нанес ученику 88 ударов розгами. По свидетельству врача, осмотревшего мальчика через 10 дней после происшествия, его тело было покрыто рубцами. Невероятнее всего то, что о жестокости директора читатели «Таймс» узнали из его же письма! Раздосадованный Мосс написал в газету, жалуясь, что отец мальчишки растрезвонил о наказании на всю округу. Как будто что-то серьезное произошло! Обычное же дело. Разумеется, директора с должности не сняли, лишь попросили впредь считаться с общественным мнением и не наказывать учеников столь сурово.

Настоящим адом на земле была школа-интернат Крайстс Хоспитал (Christ's Hospital) в Лондоне. После того как в 1877 году 12-летний ученик Уильям Гиббз повесился, не выдержав издевательств, школа попала в поле зрения парламента. Выяснилось, что с восьми вечера до восьми утра никто из учителей не присматривал за воспитанниками. Власть была сосредоточена в руках старост, а те творили, что хотели. У Уильяма Гиббза был конфликт с одним из старост. Мальчик уже сбегал из школы однажды, но его вернули и жестоко высекли. А когда и повторный побег не увенчался успехом, Уильям предпочел самоубийство еще одному унижению. Вердикт врача – «самоубийство в состоянии временного помешательства». Порядки в школе остались прежними.

Нужно отметить, что телесные наказания в английских государственных школах, а также в частных школах, получающих государственные субсидии, запретили лишь в 1987 (!) году. В оставшихся частных школах телесные наказания отменили еще позже: в 1999 году –

в Англии и Уэльсе, в 2000 году – в Шотландии, и в 2003 – в Северной Ирландии.

Несмотря на заверения порнографов, девочек в английских школах XIX века секли гораздо реже, чем мальчишек. По крайней мере, это относится к девочкам из среднего класса и выше. Несколько иной была ситуация в школах для бедных и в приютах. Судя по отчету 1896 года, в исправительных школах для девочек применяли розги, трость и ремень-тоуз. По большей части девочек били по рукам или плечам.

Хотя девочкам доставалось в школах гораздо меньше, чем мальчишкам, женские пансионы тоже порою ужасали. Любой, кто хоть раз читал роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр», запомнил мрачный приют Ловуд, где над смиренной Элен Бернс издевалась учительница мисс Скетчард. Прототипом Ловуда стала школа для дочерей духовенства в Кован Бридж, Ланкашир, которую посещали сестры Бронте. Школа была рассчитана на дочерей обедневших священников, не имевших возможности нанять дочерям гувернантку или отправить их в пансион подороже. Именно из финансовых соображений Патрик Бронте, отец будущих писательниц, остановил свой выбор на Кован Бридж.

Кован Бридж. Рисунок из книги Дж. Э. Стюарта «Край Бронте». 1888

Ученицам преподавали правописание, арифметику, историю, грамматику, вышивание и домоводство. Обучение каждой девочки, включая проживание и стол, стоило родителям 14 фунтов в год (за рисование, музыку и иностранные языки приходилось доплачивать), однако эта сумма не покрывала все расходы, и оставшийся бюджет добирали у филантропов. Увы, бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и то же самое относится к сыру дешевому. Однако Патрик Бронте счел школу удовлетворительной и в июле 1824 года отправил туда старших дочерей, 11-летнюю Марию и 10-летнюю Элизабет. Осенью того же года к ним присоединились 8-летняя Шарлотта и 7-летняя Эмили.

Школу в Кован Бридж возглавлял богатый священник Уильям Карус Уилсон. Элизабет Гаскелл, биограф Шарлотты Бронте, подчеркивает его благие намерения, обвиняя во всех упущениях недобросовестный персонал. Как бы то ни было, человеколюбивому мистеру Уилсону следовало бы заботиться не только о духовном росте учениц, но и об их питании. Еда в школе была кошмарной: девочки давились подгоревшей овсянкой, прокисшим молоком, гнилым мясом и прогорклым жиром. Рисовые пудинги тоже подкачали, ведь для

варки риса кухарка брала застоявшуюся воду из водосточной бочки. А по субботам учениц ожидало настоящее пиршество – пирог из картофеля и мясных ошметков. Привыкшие к простой, но здоровой пище, девочки выходили из-за стола голодными.

Сестры Бронте едва успели оправиться от кори, но в Кован Бридж их поджидали ледяные каменные полы в спальнях и промозглые классные комнаты. Каждое воскресенье ученицам приходилось идти 3 км до церкви в Тансталле, чтобы послушать проповедь своего благодетеля мистера Уилсона. Летом прогулка была приятной, зато в непогоду она становилась настоящим мучением, особенно для голодных и простуженных детей.

Маленькую Шарлотту на всю жизнь потрясло увиденное в школе Кован Бридж. После смерти матери Мария Бронте взяла на себя заботу о младших братьях и сестрах, но в школе добрую и трудолюбивую девочку невзлюбила одна из учительниц, прообраз мисс Скетчард. Придирам и наказаниям не было конца. Однажды Мария так разболелась, что едва могла подняться с постели, и ученицы пообещали рассказать о ее болезни директрисе – быть может, Марии будет позволено провести день в спальне. Но девочка так боялась гнева учительницы, что начала одеваться, хотя и очень медленно. В этот момент в спальню влетела «мисс Скетчард», сдернула Марию с постели и со всей силы швырнула на пол, продолжая ругать ее за неряшливость и лень. С трудом поднявшись, Мария все же сумела одеться и спустилась в столовую, где ее тут же наказали за опоздание.

Весной 1825 года Мария ослабела настолько, что Патрику Бронте пришлось забрать ее домой, где 6 мая она скончалась от туберкулеза. А когда месяц спустя вслед за ней отправилась и Элизабет, убитый горем отец увез из Кован Бридж Шарлотту с Эмили. Но память о пережитом осталась с ними навсегда.

Тяжелые цепи Гименея

Наравне с детьми, женщины оставались самыми бесправными членами общества. Замужняя дама не имела права заключать контракт от своего лица, распоряжаться имуществом или представлять себя в суде. Подобное бесправие иногда приводило к всевозможным казусам. Например, в 1870 году воришка стянул кошелек у Миллисент Гаррет Фосетт, суфражистки⁶ и жены либерального члена парламента. Когда женщину пригласили в зал суда, она услышала, что вора обвиняют в «краже у Миллисент Фосетт кошелька с 18 фунтами 6 пенсами, являющегося собственностью Генри Фосетта». Как сказала пострадавшая: «Мне казалось, будто меня саму обвиняют в воровстве». Правовая грамотность была настолько низкой, что многие женщины узнавали об отсутствии прав, лишь когда дело доходило до судебных разбирательств. До тех же пор они считали, что уж в их-то жизни все благополучно и беда обойдет их стороной.

За правонарушения представительниц слабого пола порою наказывали строже, чем мужчин. Взять, например, такое преступление, как двоеженство (двоемужие). Бигамия была противозаконной, но встречалась совсем не так редко. Например, в 1845 году рабочего Томаса Холла привлекли в суд по этому обвинению. Его жена сбежала, а поскольку кто-то должен был присматривать за маленькими детьми, Холл женился повторно. Чтобы получить развод, требовалось разрешение парламента – дорогостоящая процедура, на которую у подсудимого не хватило бы денег. Принимая во внимание все смягчающие обстоятельства, суд приговорил его к одному дню заключения. Женщины, обвиненные в двоемужии, не могли отделаться таким легким приговором. В 1863 году перед судом предстала некая Джесси Купер. Первый муж покинул ее, пустив слухи о своей смерти, чтобы обмануть кредиторов. Поверив молве, Джесси снова вышла замуж. Когда ее первого мужа арестовали и обвинили в растрате, он в свою очередь донес на жену. Новый муж Джесси поклялся, что на момент заключения брака считал ее вдовой, поэтому расплачиваться пришлось ей одной.

⁶ Суфражистка (suffragette) – участница борьбы за предоставление женщинам избирательных прав.

Женщину признали виновной и приговорили к нескольким месяцам тюремного заключения.

Как упоминалось выше, бесправие женщины проявлялось еще и в том, что она не могла распоряжаться собственными заработками. Казалось бы, все не так страшно – пускай кладет честно заработанные деньги в общий котел. Но реальность была куда мрачнее. Некая дама, проживавшая на севере Англии, открыла ателье, после того как ее муж потерпел крах в делах. Много лет супруги жили безбедно на доходы от этого заведения, но после смерти мужа предприимчивую портниху ожидал сюрприз: оказывается, покойник завещал всю ее собственность своим незаконнорожденным детям! Женщина осталась прозябать в нищете. В другом случае, женщина, брошенная мужем, открыла собственную прачечную, а заработанные деньги хранила в банке. Прослышав, что у жены дела пошли в гору, изменник отправился в банк и снял с ее счета все до последнего пенса. Он был в своем праве.

Супруг мог отправиться к нанимателю своей жены и потребовать, чтобы ее жалованье выплачивали непосредственно ему. Так поступил муж актрисы Джулии Гловер, который оставил ее вместе с маленькими детьми в 1840 году, но объявился позже, когда она уже блистала на сцене. Поначалу директор театра отказался выполнить его требование, и дело было передано в суд. Выразив сожаление, судья все же вынес решение в пользу мужа, потому что права последнего защищал закон.

Размолвка. Рисунок из журнала «Кэсселс». 1886

Настоящим кошмаром обернулась семейная жизнь Нелли Уитон. После нескольких лет работы гувернанткой она накопила денег и купила дом, приносящий ей годовой доход в размере 75 фунтов. В 1814 году она вышла замуж за Аарона Стока, владельца маленькой

фабрики в Уигане. В 1815-м Нелли родила дочь, но в том же году написала в дневнике: «Мой муж это мой ужас, моя беда. Не сомневаюсь, что он станет и моей смертью». Три года спустя мистер Сток выгнал ее на улицу, когда она пожаловалась на невозможность распоряжаться своим доходом. За этой сценой последовало недолгое примирение, но вскоре мистер Сток добился ареста жены, якобы потому что она посмела поднять на него руку. Если бы не помощь друзей, уплативших залог, Нелли коротала бы дни в исправительном доме. В 1820 году женщина получила разрешение на раздельное проживание. Теперь муж обязан был выплачивать ей 50 фунтов в год – меньше, чем ее доход до брака. В свою очередь, Нелли обязывалась жить не ближе трех миль от Уигана и видеться со своей дочерью лишь три раза в год, потому что опека над ребенком опять-таки доставалась отцу.

Несмотря на вопиющую несправедливость, законодатели защищали такое положение дел: «Зачем жаловаться? Лишь один муж из тысячи злоупотребляет своими полномочиями». Но кто даст гарантию, что одним из тысячи не окажется именно твой муж? Наконец, благодаря стараниям как женщин, так и мужчин – их отцов, в 1870 году парламент принял Акт об имуществе замужних женщин, позволивший женам распоряжаться своими заработками, а также собственностью, полученной в качестве наследства. Все остальное имущество принадлежало мужу. Но была и другая загвоздка – раз уж женщина как бы растворялась в своем супруге, она не отвечала за свои долги. Иными словами, приказчики из модного магазина могли явиться к мужу и вытрясти из него все до последнего гроша. Но в 1882 году еще один парламентский акт даровал женщинам право владения всей собственностью, принадлежавшей им до вступления в брак и приобретенной после замужества. Теперь супруги отвечали за свои долги раздельно. Многие мужья нашли это обстоятельство удобным. Ведь кредиторы мужа теперь не могли потребовать, чтобы жена продала свое имущество и расплатилась с его долгами. Таким образом, состояние жены выступало в роли страховки от возможного финансового краха.

Помимо финансовой, существовала и еще более мучительная зависимость – отсутствие прав на детей. Рожденный в браке ребенок фактически принадлежал своему отцу (в то время как за незаконнорожденного несла ответственность мать). При разводе или раздельном проживании ребенок оставался с отцом или с опекуном, опять же назначенным отцом. Матерям разрешались редкие свидания. Разделению матерей и детей сопутствовали душераздирающие сцены. Так в 1872 году преподобный Генри Ньюэнхэм обратился в суд с ходатайством об опеке над своими дочерьми, которые проживали с их матерью, леди Хеленой Ньюэнхэм, и бабушкой, лордом Маунткэшлом. Поскольку старшая дочь уже достигла 16 лет, она могла принимать самостоятельные решения и предпочла остаться с матерью. Но судья распорядился, чтобы младшую, семилетнюю девочку, передали отцу. Когда судебный исполнитель привел ее в зал, она кричала и вырывалась, повторяя: «Не отсылайте меня. Когда я вновь увижу маму?» Судья заверил, что мама будет видеться с ней очень часто, а когда малышка спросила: «Каждый день?», он ответил утвердительно. Однако лорд Маунткэшл, присутствовавший при этой сцене, заявил: «Учитывая то, что я знаю, вряд ли это получится. Он (т. е. зять) настоящий дьявол». Тем не менее рыдающую девочку передали отцу, который унес ее из зала суда. Статья в газете, посвященная возмутительному делу, растрогала многих матерей, которые даже не подозревали о существовании таких законов.

Чтобы защитить своего ребенка, женщина могла попытаться затеять судебный процесс или же просто сгрести его в охапку и пуститься в бег. Последний путь выбирали чаще, но он был опаснее. В частности, так поступила главная героиня романа Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла». Энн наименее известна из триады Бронте, но, как нам кажется, ее роман ничем не уступает сочинениям старших сестер. «Незнакомку из Уайлдфелл-Холла» зовут Элен Грэхем. В молодости она выходит замуж за очаровательного Артура Хантингтона, который на поверку оказывается алкоголиком, вертопрахом и удивительно аморальной личностью. После рождения их сына Артура мистер Хантингтон начинает ревновать жену к ребенку. С годами конфликт между супругами обостряется. Но

если Элен еще может переносить нескончаемые любовные интрижки мужа, его удивительно неотцовское отношение к маленькому Артуру становится последней каплей. Когда Элен замечает, что Хантингтон не только учит ребенка сквернословить, но и начинает его спаивать, она решается бежать. Поскольку в романах все чуточку благополучнее, чем в жизни, побег ей удастся, но Элен вынуждена скрываться от мужа. В этом ей помогает ее брат, и, кроме того, Элен зарабатывает на жизнь продажей картин. Тем не менее, если бы не помощь брата – а как мы знаем, не все братья столь милосердны – одними картинами она вряд ли бы прокормилась. В конце романа, раскаявшись, муж Элен умирает, а сама женщина обретает любовь и семейное счастье. Она его заслужила.

Увы, в жизни все не так романтично. Реальным примером битвы за детей является случай с Каролиной Нортон. Красавица Каролина в 18 лет вышла замуж за аристократа Джорджа Нортон. Ее муж не только обладал невыносимым характером, но был еще и юристом, так что прекрасно разбирался в своих правах. В течение 9 лет он регулярно избивал ее. Причем в некоторых случаях Каролина убегала в отчий дом, и тогда Нортон умолял о прощении, и ей не оставалось ничего иного, как вновь с ним воссоединиться. На карте стояло благополучие сыновей, которые по закону должны были оставаться с отцом. Мужу постоянно не хватало денег, и миссис Нортон стала неплохо зарабатывать литературной деятельностью – редактировала дамские журналы, писала стихи, пьесы и романы. Все гонорары шли на домашние нужды.

В конце 1835 года, когда избитая Каролина гостила у родственников, Нортон отослал сыновей к своей двоюродной сестре и запретил жене с ними видеться. Затем он подал иск против премьер-министра лорда Мельбурна, обвиняя его в любовной связи с Каролиной. Тем самым он надеялся отсудить хоть сколько-нибудь денег, но, ввиду отсутствия доказательств, дело было закрыто. Супруги разъехались, но Джордж отказался сообщить жене, где находятся их дети. Он уклонился от законов, разрешавших матери хоть изредка навещать детей, уехав в Шотландию, куда не распространялась юрисдикция английского суда.

Каролина не сдалась. Она начала кампанию с целью изменить правила опеки над несовершеннолетними. Отчасти благодаря ее усилиям в 1839 году парламент принял акт, разрешавший женщинам опеку над детьми до семи лет (женщины, виновные в прелюбодеянии, утрачивали эти права). К сожалению, когда закон все же был принят, один из сыновей Каролины Нортон уже умер от столбняка. Мальчик проболел целую неделю, прежде чем Джордж удосужился известить жену. Когда она приехала, то нашла сына уже в гробу. На этом ее беды не кончились. Коварный муж не только присвоил наследство Каролины, но еще и конфисковал у издателей ее гонорары. Каролина тоже не осталась в долгу и отомстила ему по-женски – по уши влезла в долги, выплачивать которые обязан был Джордж. По закону. Можно только представить себе, с каким необыкновенным горьким наслаждением она покупала самые дорогие наряды и драгоценности!

Акт 1839 года позволял женщинам видеться со своими детьми, но в завещании муж имел право назначить опекуна по своему усмотрению. Иными словами, даже после смерти супруга-тирана женщина не могла забрать детей. Как тут не впасть в отчаянье! Только в 1886 году был принят Акт об опеке над несовершеннолетними, принимавший во внимание благополучие ребенка. Отныне у матери появилось право опеки над детьми, а также возможность стать единственным опекуном после кончины мужа.

Помимо психологического и финансового давления, мужья не брезговали и физическим насилием. Колотили своих жен представители разных сословий. Избиение жены считалось делом заурядным, чем-то вроде шутки – вспомнить хотя бы Панча и Джуди, которые гоняются друг за другом с палкой. Кстати, о палках. Широко известно выражение «rule of thumb» («правило большого пальца»), В экономике – это правило принятия решений, исходя из лучшего, имеющегося на данный момент варианта. В других случаях, «правило большого пальца» обозначает упрощенную процедуру или же принятие решений, основанных не на точных, а на приблизительных данных. Считается, что эта фраза восходит к судебному решению сэра Фрэнсиса Буллера. В 1782 году он постановил, что муж имеет

право бить жену, если палка, применяемая для вразумления, не толще большого пальца. Острые языки окрестили Буллера «Судья Большой Палец».

В некоторых случаях родственники жены пытались защитить ее от деспота, но материальные соображения часто превалировали над моральными. В 1850 году лорд Джон Бересфорд так сильно избил свою жену Кристину, что ее братья сочли нужным заступиться. По прибытии в имение Бересфорда они узнали, что его брат, маркиз Уотерфорд, только что сломал шею на охоте, так что титул переходит к Джону. Призадумались братья. Теперь родственник-самодур выглядел куда привлекательнее. В конце концов они развернулись на 180 градусов и убедили сестру терпеть побои в обмен на титул маркизы. Кристина вымещала гнев на детях. Ее сын, лорд Чарльз Бересфорд, клялся, что на ягодицах у него навсегда остался отпечаток от золотой короны, украшавшей мамину щетку для волос.

Частым поводом для побоев была слишком тесная дружба с соседками. Если женщины собираются вместе, жди беды. Наверняка начнут перемывать кости мужчинам да отлынивать от работы. Мужья часто объясняли в суде, что были вынуждены колотить жен, чтобы удержать их от общения с другими женщинами, в частности с их сестрами и матерями.

Хотя английские законы были неласковы к прекрасному полу, кое-какую защиту женщины все же получали. В 1854 году был принят Акт о предотвращении нападений на женщин и детей, благодаря которому мировые судьи могли сами разрешать дела, связанные с избиениями. Прежде подобные дела направлялись в вышестоящий суд. Но помня, что «милые бранятся – только тешатся», судьи со снисходительной улыбкой выслушивали избитых жен. Один судья посоветовал жертве нападения больше не раздражать мужа. Другой отказался выносить приговор, пока не удостоверится, заслужила ли женщина побоев своим брюзжанием или же муж поколотил ее без вины.

Жизнь женщины ценилась невысоко. В 1862 году богатого фермера из Кента, майора Муртона, обвинили в том, что он до смерти забил жену, когда она не позволила ему привести в дом двух проституток. Приговаривая Муртона к 3 годам тюремного заключения, судья сказал: «Я знаю, что это будет суровым наказанием, потому что прежде вы занимали высокое положение в обществе». Муртон был потрясен бесчеловечным приговором. «Но я всегда был так щедр с ней!» – воскликнул он. В 1877 году Томас Харлоу убил жену одним ударом за то, что она отказалась купить ему выпивку на деньги, заработанные уличной торговлей. Судья признал его виновным, но смягчил приговор в силу того, что Харлоу был спровоцирован. С другой стороны, когда на скамье подсудимых оказывалась мужеубийца, на милость она могла не рассчитывать. В 1869 году Сьюзан Палмер зарезала своего мужа, который избивал ее на протяжении 10 лет. Отчаявшись, женщина забрала детей и сбежала в надежде начать жизнь заново. Палмер отыскал беглянку, отнял и перепродал все ее имущество. Тогда она бросилась на него с ножом. Женщину приговорили к длительному тюремному заключению, и никому не пришло в голову, что ее тоже спровоцировали.

Сцена у кабака. Рисунок из «Английского иллюстрированного журнала». 1887

Как можно заметить, жизнь женщин XIX века была далеко не так безоблачна, как можно судить по картинам салонных художников. Быть может, роскошные шелковые платья скрывают следы синяков, а нежные матери, трогательно обнимающие своих детей, через несколько лет будут рыдать в зале суда. Тем не менее они не сдавались и продолжали бороться за свои права – те права, которыми мы пользуемся сейчас.

Расторжение брака

Настрадавшись от жестокости мужей, женщины мечтали о разводе, но в первой половине XIX века их мечтания были тщетными – добиться развода было невероятно сложно. Церковный суд мог санкционировать раздельное проживание супругов, которое позволяло жене покинуть дом мужа, но формально супруги оставались женатыми, и поэтому повторный брак был невозможен.

Несладко приходилось и мужьям. Наверняка читатели романа «Джейн Эйр» задавались вопросом, почему мистер Рочестер не развелся со своей сумасшедшей женой? Однако безумие не считалось достаточным поводом для развода. Муж мог развестись с женой только в случае ее измены, а вот жене пришлось бы искать более весомые причины. Мужской измены было недостаточно, требовались отягчающие обстоятельства, такие как

физическое насилие, многоженство или инцест.

Желающие развестись должны были получить пресловутое разрешение на разъезд в церковном суде. Далее муж подавал иск на любовника жены в суд общего права. При этом он мог потребовать от любовника финансовой компенсации, что порою приводило к забавным происшествиям. В XVIII веке сэр Ричард Уорсли, баронет, женился на богатой наследнице Сеймур Дороти Флеминг. Ричард и Сеймур повенчались в 1775 году, но вскоре в семье начался разлад: леди Уорсли завела целый сонм любовников (по слухам, 27), родила внебрачного ребенка, а в 1781 году и вовсе сбежала от мужа с лихим капитаном Джорджем Биссеттом. Раздосадованный Уорсли подал на капитана в суд. Чтобы добиться развода, муж должен был доказать в суде, что супруга совершила акт прелюбодеяния. Что же касается денежной компенсации, сэр Ричард замахнулся на 20 тысяч фунтов – все-таки ущерб был велик.

Супружеская ссора. Иллюстрация Джона Тенниела к роману Шерли Брукса «Гордые узел». 1860

Процесс получился очень смачным. Лондонцы раскупали брошюрки, живописавшие показания свидетелей, включая врача, который лечил миледи от венерического заболевания. Но решающий удар рогоносцу нанес адвокат Биссетта. Он заявил, что, когда супруги Уорсли отдыхали в Мейдстоне, сэр Ричард показал Биссетту свою жену, пока она мылась в купальне. Да не просто показал, а подставил спину, чтобы тот взобрался повыше и разглядел нагую леди получше. После купания леди Уорсли присоединилась к джентльменам, и веселая

троица отправилась на прогулку. Это был далеко не первый случай, когда сэр Ричард подобным образом развлекал своих знакомых. Учитывая странности сэра Ричарда, о разводе не могло быть и речи – сам виноват. Однако все-таки присяжные пожалели супруга и вынесли вердикт: Биссет обязывался уплатить Уорсли компенсацию... в размере одного шиллинга. После разъезда с мужем леди Уорсли успела побывать в роли содержанки, попутешествовала по Европе, задержавшись в охваченной революцией Франции, похоронила сэра Ричарда, повторно вышла замуж и вообще жила в свое удовольствие.

Если мужу все-таки удавалось доказать преступную связь жены, парламент издавал частный акт о расторжении брака. Так продолжалось до 1857 года, когда был принят закон о бракоразводных процессах. Новый закон отчасти упростил процедуру расторжения брака. Хотя основания для развода остались прежними, для жен была предусмотрена важная уступка: разведенные или покинутые мужьями женщины отныне имели право частично распоряжаться своим имуществом. Тем не менее процедура развода оставалась дорогостоящей (от 40 до 500 фунтов) и была доступна в основном среднему классу и аристократии. Рабочие зачастую бросали своих жен без каких-либо формальных процедур, а в сельской местности изредка встречалась старинная форма развода: муж выводил жену на рыночную площадь и выставлял ее на торги. Купить сварливую супружницу мог любой желающий, хотя юридического веса такие процедуры не имели.

В 1878 году женщинам был позволен развод по причине жестокого обращения мужа, а также опека над малолетними детьми. Но даже в конце XIX века развод губительно сказывался на репутации всех вовлеченных лиц, особенно если они занимали высокое положение в обществе. Об этом свидетельствуют два громких процесса.

Первый уничтожил карьеру сэра Чарльза Дилке, члена либеральной партии, отпочковавшейся от партии вигов (Партия вигов – предшественница либералов в Англии. – *Ред.*). Никто во всей Англии не сомневался в его добропорядочности, а соратники пророчили сэру Чарльзу кресло премьер-министра. В 1886 году разразился скандал. Дональд Кроуфорд, тоже член парламента от либеральной партии, получил несколько анонимок, ставивших под вопрос добродетельность его жены. В конце концов он вызвал супругу на разговор. Хотя Вирджиния Кроуфорд яростно отрицала свою связь с капитаном, указанным в анонимке, она призналась, что несколько лет подряд изменяла мужу с Чарльзом Дилке. Возможно, таким образом она отводила подозрения от своего настоящего любовника. Так или иначе, мистер Кроуфорд подал на развод, а в качестве ответчика указал коллегу. И сэру Чарльзу пришлось присесть на скамью подсудимых.

Как и всегда в таких случаях, судебный зал был набит битком. Охочая до сплетен публика предвкушала пикантные подробности и не ошиблась. По свидетельству миссис Кроуфорд, которую на суд не позвали, Дилке не только навещался к ней в гости, но даже приглашал ее к себе ночевать. Дома политик-либерал познакомил ее со своей горничной Фанни – гулять так гулять! – и они втроем занимались любовью. Вдобавок сэр Чарльз обучил свою родственницу (миссис Кроуфорд была сестрой вдовы его брата) «всем французским порокам» и ласково нашептывал ей на ушко: «Как же ты похожа на свою мать».

Облик политика вырисовывался такой аморальный, что клейма негде ставить. Однако судья не поверил скабрезностям и вынес парадоксальный вердикт – мистер Кроуфорд получил развод на основании супружеской измены, а сэр Чарльз был оправдан. Публика зачесала затылки. Выходит, миссис Кроуфорд согрешила с Дилке, а он с ней нет? Как же так?

Поскольку газетчики продолжали трепать эту историю, сэр Чарльз попытался обелить свою репутацию и вернулся в суд, дабы доказать, что никакой измены не было. Теперь уже давала показания Вирджиния Кроуфорд. В ходе перекрестного допроса выяснилось, что она действительно завела роман с капитаном, но присяжных интересовал другой вопрос – сколько было измен, одна или две? Сэр Чарльз не сумел настроить присяжных в свою пользу. Блестящий оратор бормотал и путался в показаниях и, что хуже всего, едва не

признался, что некогда был почитателем матери миссис Кроуфорд.

Вердикт был вынесен в пользу ответчицы. А карьера сэра Чарльза лежала в дымящихся руинах. В 1880-х годах, когда пуританские настроения были особенно сильны, таких промашек политикам не прощали. Семейная жизнь сэра Чарльза тоже подверглась немалым потрясениям. Почти десять лет Дилке вздыхал по Эмили Паттисон, жене пожилого оксфордского ректора, но их связь была исключительно платонической. После смерти ректора сэр Чарльз наконец-то взял миссис Паттисон в законные жены. Не успел Дилке как следует насладиться семейным счастьем, как его имя смешали с грязью, подозрениями и необходимостью публичных судебных разбирательств.

В 1890 году история Чарльза Дилке уже утратила свежесть, как вдруг на политической арене вспыхнул новый скандал. В его эпицентре оказался не кто иной, как Чарльз Стюарт Парнелл, политический лидер ирландских националистов. Несгибаемый Парнелл боролся за автономию Ирландии при сохранении над островом британского суверенитета. В 1879 году он возглавил Ирландскую Земельную лигу, отстаивавшую интересы бедных арендаторов. Благодаря методам борьбы, исповедовавшимся в Земельной лиге, в английский язык, а затем и в русский, вошло слово «бойкот». Так звали английского управляющего, Чарльза Бойкотта, которого арендаторы подвергли ostracismu.

Чарльз Парнелл. Рисунок из журнала «Иллюстрированные лондонские новости». 1888

Влияние Парнелла было настолько велико, что его окрестили «некоронованным королем Ирландии». Он даже сумел переманить на свою сторону либерального премьера Гладстона. Неудивительно, что Гладстон только лишь морщился, когда ему напоминали об упорных слухах, будто Парнелл уже не первый год состоит в связи с чужой женой. На протяжении 10 лет Парнелл встречался с Кэти О'Шеа, женой своего же коллеги Уильяма

О'Шеа. Муж закрывал глаза на их связь, хотя Кэти родила от любовника троих детей и проживала с ним в Брайтоне. В 1890 году чаша терпения О'Шеа вдруг переполнилась. Он подал на развод, нанеся по ходу сокрушительный удар ирландской освободительной борьбе – в качестве ответчика он назвал Парнелла. За 10 лет доказательств накопилось немало, однако газетчики уцепились за самую «вкусную» деталь. По словам кухарки, однажды мистер О'Шеа едва не застиг любовников врасплох, но в последний момент Парнелл покинул дом по веревочной лестнице через пожарный выход на втором этаже. То был маневр, достойный Казановы. Веревочная лестница еще долго была у всех на устах. В конце концов Гладстон, как и другие союзники в Англии и Ирландии, отрекся от Парнелла. Поражение последнего означало крушение надежд на ирландскую автономию. Хотя Парнелл все-таки женился на Кэти О'Шеа, их союз длился недолго – неприятности подорвали его здоровье и в 1891 году низложенный «король Ирландии» скончался от инфаркта. Ему было 45 лет.

Встретимся в суде! История миссис Уэлдон

Напоследок мы рассмотрим историю, которая немного напоминает фантазии на тему «Джейн Эйр» – с той лишь разницей, что все это произошло на самом деле. Что, если бы безумная жена мистера Рочестера была бы только наполовину безумной, но при этом обладала бы недюжинным упрямством, неистощимой энергией и самобытным чувством юмора вкупе с актерским талантом? Встречайте Джорджину Уэлдон, женщину, которая не позволила запереть себя в сумасшедшем доме и сумела использовать каждое слово своих гонителей против них же.

Джорджина Томас, 1837 года рождения, с детства бредила сценой. К сожалению, дорога в профессиональный театр для нее была закрыта. Родители Джорджины принадлежали к мелкопоместному дворянству-джентри (Джентри – нетитулованные дворяне. – *Ред.*), и ее отец прикладывал все усилия, чтобы попасть в парламент. Тем не менее родители послали девочку на несколько лет во Флоренцию и радовались ее певческим успехам в кругу семьи. Но видеть родную дочь на сцене, среди развратных певичек – нет уж, увольте!

Чтобы вырваться из-под родительского гнета, а заодно и добиться своих целей, Джорджина прибегла к популярной стратегии – выскочила замуж. Расчет ее был таким, что муж не станет подавлять ее так, как строгий отец. Дальновидная девушка не полагалась на авось, а прописала все условия в брачном контракте. В 1860 году вопреки родительской воле Джорджина обвенчалась с лейтенантом Генри Уэлдоном, после чего отец лишил ее наследства. Доход мистера Уэлдона был весьма скромным, но Джорджину это не пугало. Она намеревалась стать великой сопрано и заработать своим талантом целое состояние.

После свадьбы Джорджину поджидало разочарование. Несмотря на добрые обещания, мистер Уэлдон наотрез отказался пускать жену на сцену. Пускай выступает на благотворительных концертах, но петь в опере – фу, как неприлично! Если бы он знал, что жена найдет себе другую отдушину, такую, где хорошо поставленный голос тоже пригодится, то не стал бы ей препятствовать. Но откуда же ему было знать, на что способна женщина, если ее как следует разозлить? Этого не предугадаешь.

Дела у супругов шли не так блестяще, как рассчитывала миссис Уэлдон, хотя семья не бедствовала. В Лондоне супруги снимали Тэвисток-хаус, тот самый дом, где в 1850-х проживал Диккенс и где из-под его пера вышли романы «Холодный дом», «Тяжелые времена», «Крошка Доррит» и «Повесть о двух городах». За девять лет супружества у Уэлдонов так и не появились дети, а ведь миссис Уэлдон очень не хватало топота маленьких ножек! Так не хватало, что она открыла в доме приют, в котором вознамерилась обучать музыке нищих сирот. Свое заведение она горделиво нарекла «Национальная Подготовительная Музыкальная Школа». Супруг пришел в ужас от перспективы наполнить семейное гнездышко «грязными, заразными сиротами», но миссис Уэлдон, как мы уже

упоминали, отличалась завидным упрямством.

Занимаясь благими делами, она ни на минуту не забывала про свое призвание – музыку. В 1871 году она познакомилась с композитором Шарлем Гуно, который поселился в доме Уэлдонов. Поговаривали, что хозяйка закрутила роман с известным композитором, а тот обещал ей главную роль в опере «Полиевкт». Не в силах больше выносить грязные сплетни (и, вероятно, общество музыкально одаренных сирот), в 1874 году мсье Гуно вернулся в Париж, а миссис Уэлдон еще долго не возвращала ему рукописи опер, которые он оставил в ее доме.

Не иначе как вдохновленный примером Гуно, мистер Уэлдон тоже решил покинуть жену. В 1875 году он выехал из Тэвисток-хауса, пообещав платить за его ренту и сверх того выдавать жене тысячу фунтов в год. К тому моменту мистер Уэлдон получил наследство от богатого родственника и мог позволить себе такие щедроты. Миссис Уэлдон осталась в компании своих приемных. В обществе шушукались и закатывали глаза, обсуждая ее воспитательные методы. Детей обучали музыке с самых ранних лет, но при этом обходились без жестких правил. Кроме того, миссис Уэлдон кормила их вегетарианской пищей, разрешала им ходить босиком, когда захочется, и вопить сколько вздумается. Вместе со своими учениками она посещала благотворительные мероприятия, причем детей туда возили в фургоне, на котором огромными буквами значилось «Дружеские вечера миссис Уэлдон». Родня не знала, куда глаза девать, а брат даже попросил ее однажды, чтобы она не останавливала это чудовище перед его домом.

Как если бы она окончательно желала всех впечатлить и поразить, миссис Уэлдон увлеклась спиритизмом. В те годы контакты с духами, столоверчение и прочие занятия с густым слоем эктоплазмы пользовались огромной популярностью, особенно среди женщин. Для них это была не просто возможность скоротать вечерок в приятной компании, но и, например, обрести голос, пусть и не свой, пусть и призрачный. На женщин-медиумов с трепетом взирали мужчины, почитатели ловили каждое их слово, их уважали, их совет что-то да значил.

Вместе с тем, на спиритов ополчились психиатры. Одним из ярых противников этой заразы был доктор Л. Форбс Уинслоу, который в конце 1880-х участвовал в расследовании преступлений Джека Потрошителя. В 1870-х доктор Уинслоу заведовал двумя частными психиатрическими клиниками и, судя по всему, всегда был не прочь пополнить число своих пациентов. С особым интересом он поглядывал на спиритов. Как-то раз он посетил сеанс «с полной материализацией» и плеснул призраку красными чернилами в лицо, чем очень обидел паранормальное существо – чернила не эктоплазма, их попробуй отмой! В другой раз он опубликовал брошюру «Безумие спиритов», в которой напрямую обвинял их в сумасшествии и утверждал, что в прогрессивной Америке 40 тысяч спиритов уже сидят в смиренных рубашках. Английские собраты всполошились – вдруг и их пересажуют? А мистеру Уэлдону пришла в голову гениальная, как ему тогда казалось, идея.

Столоверчение. Карикатура на спиритов из журнала «Панч». 1852

К тому времени мистеру Уэлдону надоело платить по счетам эксцентричной женушки. Он придумал простой способ от нее избавиться – объявить ее сумасшедшей и отправить под надзор доктора Уинслоу. Содержание ее в клинике обошлось бы ему в 400 фунтов в год, что, посудите сами, гораздо дешевле. Заманчивая перспектива. Чтобы объявить кого-то сумасшедшим, требовалась справка о медицинском осмотре с подписями свидетелей (в данном случае мужа) и двух докторов. Поскольку заманить миссис Уэлдон в клинику не представлялось возможным, доктор Уинслоу предложил хитроумный план: вместе с коллегой он посетит ее дом, якобы по спиритическим делам, а потом уже выпишет справку. После к ней можно присылать санитаров и вести ее в уютную палату.

Что может быть проще? Увы, самые злополучные затеи обычно начинаются именно с таких мыслей.

В 1878 году миссис Уэлдон, которая интересовалась не только спиритизмом, но и любыми проявлениями мистицизма, вместе со своими сиротами навещала монастырь во Франции. Вдруг у нее появилось предчувствие, что ее присутствие требуется дома. Будучи спиритом, миссис Уэлдон уважала предчувствия, поэтому оставила малышей под опекой монахинь, а сама поспешила домой. Там она успела поругаться с прислугой из-за пропажи нескольких вещей (предчувствия не солгали!), как вдруг в дом зачастили гости.

Ни с того ни с сего появился друг семьи, генерал де Бат, дочерью которого, как подозревала женщина, интересовался ее муж. Затем пожаловали таинственные незнакомцы. Сначала их было двое. Господа представились спиритами и предложили ей поговорить о спиритизме. Спиритизм – это ведь любимая тема у спиритов. А они настоящие спириты, уж вы не сомневайтесь! Один из них сидел, важно сложив руки на животе, а другой, по словам миссис Уэлдон, напоминал уличного певца, загримированного под негра, и все время моргал, подмигивал и ухмылялся. Через полчаса странные гости ушли, но в тот же день к ней наведались новые посетители, причем один из них, как подметила миссис Уэлдон, напоминал «потрепанного жизнью помощника дантиста». Этим господам тоже не терпелось поговорить с ней о высоком, о духовном. Например, встречаются ли среди ее воспитанников медиумы? И есть ли у животных душа?

Когда и за странными пришельцами закрылась дверь, миссис Уэлдон стало не по себе.

В памяти всплыли рассказы о злосчастных спиритах, которые сидят по американским больницам. Да и знакомые поговаривали, что их скоро начнут хватать и сажать. Обеспокоенная миссис Уэлдон велела слугам никому больше не отпирать. Буквально через 20 минут к дому подъехал экипаж, а в дверь позвонили. Некий джентльмен в сопровождении двух леди искал встречи с миссис Уэлдон. Хозяйка приказала погасить свет. Визитеры продолжали трезвонить, но вскоре заскучали и уехали.

Впервые в жизни миссис Уэлдон занервничала. Уже не оставалось сомнений, что за ней пришли. Дрожащей рукой она написала несколько писем и отправила друзьям. Особенно ей хотелось видеть миссис Лоув, спиритку, которая некоторое время уже провела в частной клинике и утверждала, что «в Англии нет ничего проще, чем упечь здорового человека в лечебницу для душевнобольных». Особенно если дело касается женщин вообще и опостылевших жен в частности.

На следующий день миссис Лоув посетила миссис Уэлдон. Пока хозяйка пересказывала госте вчерашнюю историю, в дверь вновь позвонили. Испуганный слуга сообщил, что давешняя троица вломилась в прихожую и не собирается уходить, пока не поговорит с миссис Уэлдон. Миссис Лоув взяла ситуацию под контроль, удалилась, а вернулась уже с двумя констеблями. Только в их сопровождении миссис Уэлдон отважилась встретиться с гостями. По ее словам, обе женщины тут же вцепились в нее. Хозяйка пригрозила, что сейчас возьмется за кочергу, но миссис Лоув посоветовала ей не буйствовать – санитарам это как раз на руку – а обратиться к полицейским, которые с философским видом наблюдали за происходящим. «Схватите их, они же на меня напали!» – вскричала сообразительная миссис Уэлдон, но констебли и бровью не повели. Тем не менее ей удалось отбиться от недобрых гостей, после чего она забаррикадировалась в спальне.

Послали за знакомым констеблем, и он потребовал показать справку о медицинском освидетельствовании. Такая справка имелась, причем на ней значились подписи мужа миссис Уэлдон и генерала де Бата. Когда полицейский выдворил троицу, миссис Уэлдон собралась телеграфировать супругу. Пусть приезжает и спасает ее, а то какие-то прощелыги подделали его подпись! Но умудренная опытом миссис Лоув только головой покачала. Общими усилиями миссис Уэлдон уговорили бежать подальше. Она наскоро оделась, поймала кэб и была такова! А когда санитары вместе с доктором Уинслоу опять нагрянули к ней домой, последний не мог сдержать ярости. Ведь Джорджина Уэлдон – опасная безумица! Нужно срочно ее поймать!

Семь дней миссис Уэлдон пряталась в апартаментах у миссис Лоув, а после того как истек срок медицинской справки, решила дать о себе знать. Она отправилась в полицейский участок на Боу-стрит и рассказала про свою ситуацию. Женщине посочувствовали, ведь она не производила впечатления сумасшедшей. Да, со странностями, но кто нынче без странностей? Однако, будучи замужней женщиной, она не имела права подавать в суд – на своего мужа, ни на горе-психиатров. Вот если бы они забрали ее в клинику, тогда другое дело. В ее же случае юриспруденция бессильна.

Миссис Уэлдон не собиралась сидеть сложа руки и дожидаться, когда кому-нибудь вновь захочется ее похитить. Она опубликовала статью о своих злоключениях в спиритической прессе, начала раздавать интервью и, в свободное от музыкальных вечеров время, читать обзорную лекцию «Как я сбежала от безумных докторов». Пускай доктор Уинслоу обвинит ее в клевете и подаст на нее в суд. А уж там-то она выведет его на чистую воду.

Талантливая певица и актриса, миссис Уэлдон умела привлечь внимание публики, и слушать ее было одно удовольствие. Поэтому заговорщики не спешили с ней судиться. Они отмалчивались, сожалея, что вообще ввязались во все это. Но если долго не подавать признаков жизни, воинственная спиритка забудет про них... Ведь забудет же? Но она не забыла.

Миссис Уэлдон на рекламе мыла «Пирс»: «Мне 50, но благодаря мылу „Пирс“ я выгляжу на 17!» Рисунок из журнала «Иллюстрированные лондонские новости». 1888

В первую очередь она принялась за супруга. Поскольку их брак считался действительным, она могла с чистым сердцем подать на восстановление супружеских прав. Иными словами, в судебном порядке обязать его вернуться к ней. А то супружеское ложе простаивает, да и вообще, одиноко ей без мужа-то. В английской литературе нередко описывается ситуация, когда несчастная жена вынуждена скрываться от мужа-тирана. Например, столь печальную картину мы встречаем в том же романе Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-холла», только в роли злодея выступала миссис Уэлдон. Суд вынес решение в ее пользу. Загулявшего супруга обязали вернуться домой и хранить семейные ценности. Проконтролировать исполнение судебного решения было невозможно, и муж домой не вернулся, но миссис Уэлдон все равно одержала маленькую победу: она выиграла свое первое дело.

Ее звездный час наступил после принятия расширенного Акта об имуществе замужних женщин в 1882 году. Отныне замужние дамы были признаны полностью дееспособными и получили право выступать в суде. Пожалуй, никто так не обрадовался этому закону, как наша героиня. Наконец-то она могла подать в суд на своих недругов! В услугах адвоката говорливая певица не нуждалась, так что всеми делами занималась самолично. Журналисты прозвали ее Порцией в честь героини пьесы «Венецианский купец».

В 1884 году миссис Уэлдон выиграла дело против доктора Сэмпла, который вместе со

своим коллегой, доктором Уинслоу, подписал справку о ее сумасшествии. Психиатру пришлось уплатить пострадавшей 500 фунтов. Судья Хоукинс, слушавший дело, встал на сторону истицы и выразил удивление, что доктор Уинслоу и его коллеги пошли на поводу у мужа, который не видел свою жену целых три года, но свидетельствовал о ее нездоровье.

В том же году миссис Уэлдон встретила в суде со своим главным противником – Уинслоу. В качестве свидетеля со стороны обвинения выступал доктор по фамилии Эдмунде. Он заявил, что истица пребывает в здравом уме, просто у нее весьма своеобразные взгляды на воспитание детей и на женский наряд (миссис Уэлдон была сторонницей «упрощенной моды» и не любила излишества вроде кринолинов и турнюров). Как ни пытался ответчик доказать, что эксцентричность и есть безумие, как ни взывал к мужской солидарности, присяжные вынесли решение в пользу миссис Уэлдон. Пострадавшая от карательной психиатрии получила еще 1000 фунтов.

Миссис Уэлдон так полюбила судиться, что в одном только 1884 году поучаствовала в 17 процессах. Раз на раз не приходился: иногда женщина выигрывала, иногда проигрывала, тем более что ее сутяжничество отнюдь не всегда было связано с кознями психиатров. Некоторые пререкания относились к ее «музыкальной карьере». В 1880 году она провела несколько месяцев в Ньюгейтской тюрьме по обвинению в клевете. Чтобы скоротать время, энергичная особа занялась штопкой тюремного белья. В 1885 году ее на полгода поместили в тюрьму Холлоуэй по тому же обвинению. Когда истек срок заключения, у ворот тюрьмы собралась огромная толпа с транспарантами и оркестром. Торжественную встречу организовал Комитет юридической защиты миссис Уэлдон, а среди членов правления были... доктор Уинслоу и доктор Сэмпл! То ли спиритка запутала психиатров, то ли они прониклись к ней уважением, но оба доктора стали ее друзьями и союзниками. Жизнь подчас выдает такие сюжеты, которые даже в мелодраме показались бы надуманными.

Еще некоторое время имя миссис Уэлдон гремело по всему Лондону, а ее лицо появлялось на рекламных плакатах. Но в конце 1880-х журналисты переключили свое внимание на новую знаменитость – маньяка, прозванного Джеком-потрошителем. Звезда Порции между тем угасала. Двенадцать лет Джорджина Уэлдон прожила во французском монастыре, где погружалась в католический мистицизм, а в перерывах занималась садоводством. Последние годы ее жизни прошли в Брайтоне, где она скончалась в 1914 году. Она писала мемуары: ей было что вспомнить.

Глава IV

Преступления и наказания

Будьте бдительны, прогуливаясь по городским трущобам! Здесь вас могут ограбить всеми известными в природе способами, и хорошо, если только ограбить... В этой главе вы познакомитесь с преступным Лондоном и узнаете о громких убийствах викторианской эпохи. Но каждого преступника, в конце концов, ждет заслуженное наказание. По крайней мере, очень хочется в это верить.

Полицейские и воры

Как и любое другое ремесло, воровство требует долгой и тщательной подготовки. Главное, начать обучение как можно раньше, чтобы уже годам к четырнадцати ловко вскрывать двери домов или бесцеремонно совать руку в дамский кармашек. Воровать в одиночку небезопасно, если тебе шесть лет, и ты страдаешь от рахита, поэтому ребяташки из трущоб сбивались в шайки по три-четыре человека. Неопытные карапузы досаждали, в основном, пожилым торговкам – авось подслеповатая бабка не заметит пропажу яблока с прилавка, а если заметит, то уж точно не догонит мальчишку. Случалось, что один из шайки толкал торговку на землю, а пока она, охая, поднималась, остальные воришки успевали

очистить прилавок от яблок и медяков.

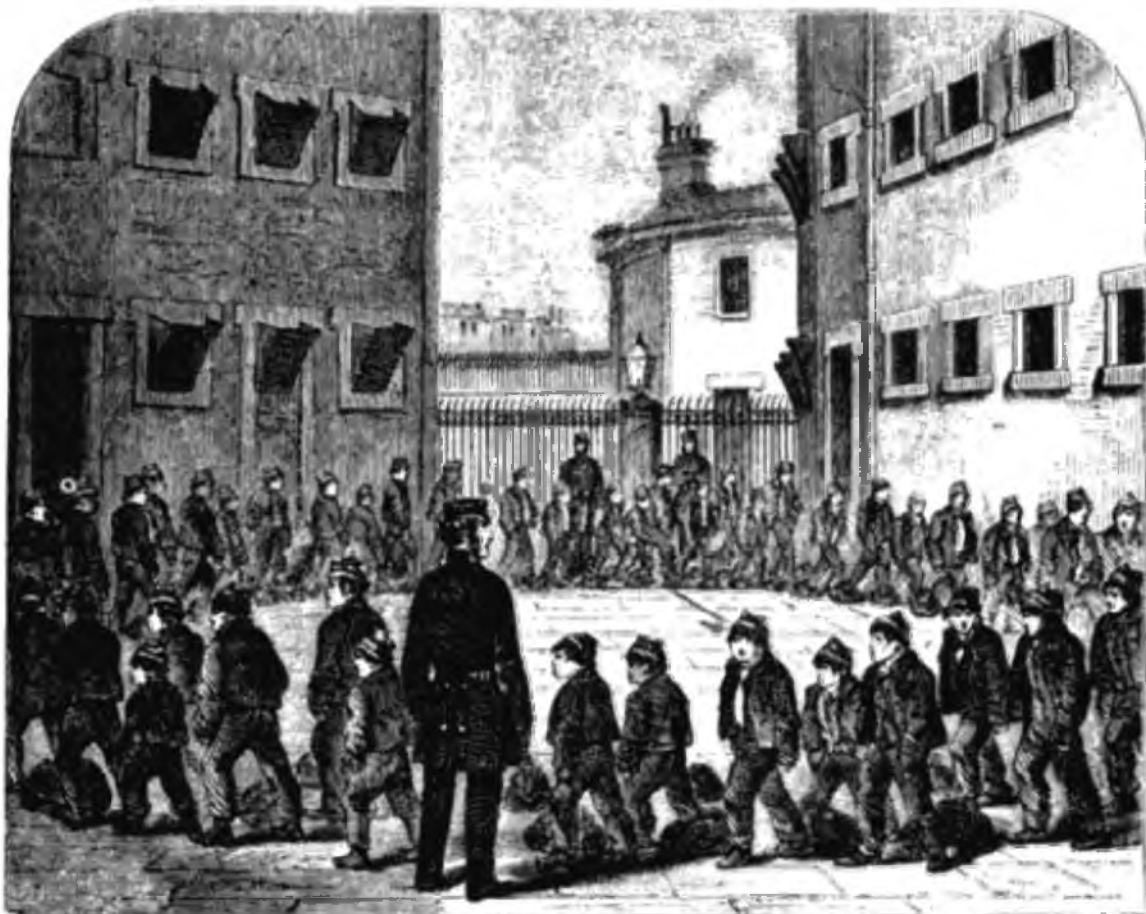
Малолетние воры споро снимали одежду с манекенов, выставленных у магазина готовой одежды, но сильнее всего от набегов страдали кондитерские лавки. В витринах были разложены яства, от которых урчали впалые животы, а на замызганных лицах появлялась мечтательная улыбка. От лакрицы, леденцов из аниса и ячменного сахара, ирисок и шоколадных конфет мальчишек отделяли как минимум несколько пенсов. Но зачем возиться с деньгами? Не проще ли вставить лезвие ножа между стеклом и рамой и повернуть, чтобы по стеклу пробежали трещины? Треснувшие куски стекла бесшумно вынимали с помощью клейкого пластыря, после чего вор запускал руку в витрину и сгребал все, до чего только мог дотянуться, прежде чем продавец заметит неладное. А после погони конфеты казались еще слаще!

Быть может, беспризорники из Уайчапела, Шордича, Ламбета и Сент-Джайлза и не сумели бы нацарапать собственное имя, зато они посещали школы иного сорта, так сказать, специализированные. Там они получали профиль (обычный вор, карманник или взломщик) и навыки работы в команде. Вот как Диккенс описывает уроки в воровской школе, куда попал его герой Оливер Твист:

«После завтрака, когда убрали со стола, веселый старый джентльмен и оба мальчика затеяли любопытную и необычайную игру: веселый старый джентльмен, положив в один карман брюк табакерку, в другой – записную книжку, а в жилетный карман – часы с цепочкой, обвивавшей его шею, и приколов к рубашке булавку с фальшивым бриллиантом, наглухо застегнул сюртук, сунул в карманы футляр от очков и носовой платок и с палкой в руке принялся расхаживать по комнате, подражая тем пожилым джентльменам, которых можно увидеть в любой час дня прогуливающимися по улице (...) Все время оба мальчика следовали за ним по пятам, а когда он оборачивался, так ловко скрывались из поля его зрения, что невозможно было за ними уследить. Наконец, Плут не то наступил ему на ногу, не то случайно за нее зацепился, а Чарли Бейтс налетел на него сзади, и в одно мгновение они с удивительным проворством стянули у него табакерку, записную книжку, часы с цепочкой, носовой платок и даже футляр от очков. Если старый джентльмен ощущал чью-то руку в кармане, он кричал, в каком кармане рука, и тогда игра начиналась сызнова» [32].

Школа для карманников – не художественное допущение Диккенса, такие заведения существовали в Лондоне на самом деле. Известно, что в 1817 году юных воров натаскивал Томас Даггин из Сент-Джайлза, а в 1820 году Джемайма Мэтьюс с улицы Флауэр энд Дин опекала восьмерых малолетних карманников. В 1855 году на каторгу был сослан Чарльз Кинг, еще один наставник, чьи ученики проверяли карманы уважаемых лондонцев.

На малышей часто обращали внимание старшие товарищи. Тощий и юркий мальчишка – незаменимый член в банде взломщиков, ведь он может пролезть в окно, а затем открыть дверь своим поделщикам. Как вы помните, именно в таком качестве злодеи пытались использовать Оливера Твиста, но взломщик из честного Оливера получился никудышный. Зато в 1820-х в этом ремесле преуспел восьмилетний Палмер, сын проститутки и вора, сосланного в Австралию. Ограбленные жертвы не знали, возмущаться или восхищаться: мальчишка мог пролезть в такие щели, куда едва помещалась кошка!

Малолетние преступники в тюрьме Тотхилл Филдз. Рисунок из книги Генри Мэйхью «Криминальные тюрьмы Лондона и сцены тюремной жизни». 1862

Общественные деятели уверяли, что лучший способ борьбы с малолетними преступниками – это создание школ для оборвышей (так называемых *ragged schools*) и обучение честному ремеслу. К примеру, в 1850-х появляются «бригады чистильщиков обуви» во главе с бригадиром, который следил за поведением и заработками своих подопечных. Мальчишки получали униформу, по которой их можно было заметить издалека. Горожане покровительствовали организованным чистильщикам обуви, на них благосклонно взирала полиция, но проблему детской преступности такие меры не решали. Уж слишком велик был контраст между грязными комнатенками-пещерами, в которых жили дети, и сияющими витринами магазинов. Слишком велик был соблазн. Тем более что воришки знали о гораздо более захватывающем способе заработать несколько пенсов, чем чистка ботинок или работа в мастерской.

Дети не только совершали преступления, но и становились их жертвами. Опустившиеся старухи заманивали малышей в переулки и раздевали догола, а одежду сбывали скупщикам краденого. Плотовской роман Даниэля Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс», опубликованный в 1722 году, показывает, что викторианские преступники продолжали славные традиции своих предков:

«Я заговорила с девочкой, и она в ответ стала по-детски что-то болтать; тогда я взяла ее за руку и свернула в один мощный переулок, выходящий к церкви святого Варфоломея. Девочка сказала, что домой нужно идти не этой дорогой.

– Нет, деточка, этой. Я покажу тебе, как пройти домой, – сказала я.

На девочке были золотые бусы, с которых я не спускала глаз; в темном переулке я нагнулась к ней, как бы желая поправить расстегнувшийся воротничок, и сняла бусы, так

что она и не заметила, а потом снова повела ее. Тут, признаюсь, дьявол подстрекал меня убить ребенка в темном переулке, чтобы он не заплакал, но одна мысль об этом так меня напугала, что я чуть не лишилась чувств» [33].

Жертва воровки Молль отделалась малой кровью – лишилась бус, за которые наверняка получила нагоняй от матери. Генри Лазарусу, сыну еврейского торговца из Спиталфилдз, повезло меньше. В 1848 году тело задушенного мальчика было обнаружено в одном из закоулков Ист-Энда. Хотя мальчика раздели догола, следы насилия отсутствовали. Генри убили из-за костюмчика.

Набравшись опыта, воришки меняли лохмотья на щегольской наряд и выходили на настоящее, взрослое дело. Теперь от них стонали не только соседи по трущобам, но и почтенные господа из Вест-Энда.

Давайте представим наихудший сценарий. Итак, вы джентльмен и приехали в оперу, а пальто, чтобы не возиться с ним в гардеробе, оставили в своей карете. Но пока вы внимаете пению Шведского Соловья Дженни Линд, на вашу карету уже положил глаз отпетый тип. Пока кучер, позевывая, отгоняет карету в конюшню, вор прямо на ходу запрыгивает в окно, а вылезает уже с вашим пальто. Ужасно обидно! Обнаружив пропажу и как следует отругав растяпу-кучера, вы возвращаетесь домой пешком, дабы вечерняя прохлада остудила гнев. На вашем шейном платке поблескивает бриллиантовая булавка, но уж за нее-то не стоит беспокоиться – булавка все время перед глазами! Но вот навстречу вам идет приличный молодой человек, то и дело сморкаясь в платок. Рассеянный юноша наталкивается на вас, взмахивает правой рукой с платком, а левой в одну секунду успевает вытащить булавку. Вы даже глазом моргнуть не успели. Пройдя еще квартал, вы замечаете пропажу не только булавки, но и золотых часов, которые оттягивали жилетный карман. Вы даже предположить не можете, кто их украл.

Часы, они же «красная игрушка» на воровском жаргоне, – любимая добыча лондонских карманников. Краже часов особенно способствует столпотворение – скачки, ярмарки, парады, чье-нибудь повешение. В 1883 году полицейский в штатском патрулировал улицу Стрэнд во время парада лорда-мэра и своими глазами увидел, как вор сунул руку в жилетный карман одного тучного джентльмена и выудил часы вместе с золотой цепочкой. Схватив вора, страж порядка выволок его из толпы, тщательно обыскал, но так и не нашел часы. Наверняка негодяй успел их выбросить. «Плохо ищешь, сынок! – попенял коллеге пожилой сыщик. – Посмотри-ка получше». И действительно, с задней стороны брюк обнаружился потайной карман, где лежали несколько часов и золотые монеты.

Домой вы добираетесь уже с оглядкой. Когда к вам, обольстительно улыбаясь, подходят уличные девицы, вы прибавляете шаг. Того и гляди, заведут в кабак, опоят и оберут до нитки. Или ограбят прямо на улице. Как интриговал своих читателей Генри Мэйхью: *«У них есть немало способов отвлечь внимание жертвы, причем некоторые из этих способов бесстыдны и непристойны»* [34]. Темные переулки вы тоже избегаете, а то как бы с жизнью не расстаться! В 1850-х и в начале 1860-х Лондон охватила паника из-за уличных нападений так называемых «душителей» (garroters). Потерпевшие сообщали, что бандиты накидывали им удавки на горло и, обезоружив жертву, забирали все ценное. Ходили слухи, что некоторые преступники носят с собой молоток, чтобы раздробить пальцы жертвы и таким образом побыстрее снять с нее кольца. Из-за возмущения лондонцев решено было ужесточить наказания для уличных грабителей. Согласно парламентскому акту 1863 года, уличные ограбления, сопровождаемые насилием, наказывались не только тюремным заключением, но еще и поркой (25 ударов плетью-девятихвосткой для несовершеннолетних грабителей, 50 – для взрослых). Как известно, из любой ситуации можно извлечь выгоду, так что портные начали рекламировать колючие воротнички, отчасти похожие на собачий ошейник, и прочие приспособления для самозащиты. На полицию надейся, а сам не плошай.

Наконец-то вы на крыльце родного дома, где вам не страшны никакие воры! Но дверь открывает заплаканная горничная Мэри. У нее для вас две новости, и обе плохие. Во-первых, сегодня сбежал ваш дворецкий, а в кладовой не досчитались серебряной посуды, и два

происшествия, увы, взаимосвязаны. Недавно дворецкий пристрастился к скачкам и проигрался в пух и прах. Рассчитывая отыграться, он потихоньку снес в ломбард те серебряные тарелки, на которых не было вашего герба, рассчитывая выкупить их, когда его лошадь все же придет первой. Лошадь опять захромала, и дворецкий, опасаясь вашего гнева, пустился в бега.

Наверное, это самая скверная новость из двух? Как бы не так! Кто-то украл вашего любимого спаниеля, приманив его куском печени или разбитной сукой в разгаре течки. Песик томится в вертепе, где-нибудь в Уайтчепеле, дожидаясь, когда вы напечатаете в «Таймс» объявление о его пропаже. Не забудьте назначить вознаграждение (от 1 фунта до 5), иначе собаку перепродадут или просто убьют ради шкурки. В 1840-х кража собак была настолько распространена, что механизм преступления изучал отдельный парламентский комитет.

Стеная от обрушившихся на вас бедствий, вы поднимаетесь к себе в спальню и падаете в кровать, чтобы поскорее забыться сном и оставить неприятности позади.

Подозрительный продавец собак. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Разумеется, вы даже не подозреваете, что ваша горничная Мэри и ее помощница Бетти

по дороге с рынка познакомились с двумя веселыми молодчиками. Парни наведаются к ним завтра вечером, пока вы с супругой будете на суаре. Пока один из них будет развлекать девушек в кухне, другой пройдет по этажам в поисках денег и драгоценностей. Вот теперь картину ваших несчастий можно считать законченной!

Как вы уже смогли убедиться, от преступников в Лондоне XIX века не было житья. Крали взрослые и дети, мужчины и женщины, спившиеся типы и хорошенькие особы в изящных нарядах. Что касается последних, местом их охоты были модные магазины, ведь в складках пышных платьев так легко прятать товар. Хитрые дамочки, воровавшие у пассажиров омнибусов, обзаводились гипсовой рукой, которая чинно покоилась на коленях, пока рука настоящая блуждала в кармане соседа. С распространением железных дорог у столичных воров появилась возможность наносить визиты в пригород – Саттон, Кройдон, Левишэм, некоторые добирались и до Портсмута. Однако некоторые преступления с течением времени пошли на спад – взять хотя бы грабежи на большой дороге и чеканку фальшивых монет.

Верхушку воровской иерархии занимали взломщики. По данным лондонской полиции, в 1860 году произошло 259 краж со взломом, в 1870 – 453, в 1880–1292, в 1899–1768. Проникновение в дом ночью считалось более тяжким преступлением и каралось более сурово. В некоторых случаях, грабителей впускали слуги или же давали им оттиски с ключей, хотя изготовить оттиск можно было самостоятельно. Взломщик брал ключ без бороздок, лепил на него воск и совал в замочную скважину. По отпечаткам на воске умелец изготавливал ключ. Довольно часто грабители попадали в дом через чердак. Поскольку лондонские таунхаусы стоят стена к стене под общей крышей, грабители находили пустующий дом на той же стороне улицы, вламывались в него, не боясь привлечь внимание прислуги, и через чердак вылезали на крышу. Осторожно балансируя, они добирались до искомого чердака, аккуратно взламывали чердачное окно и попадали в дом. Происходили грабежи около 7–8 вечера, когда вся семья ужинала, а горничные сушили белье на кухне. Грабители преспокойно шли в спальню и забирали любые ценности, которые затем сбывали скупщикам краденого.

Хотя ограбления по большей части обходились без крови, убийства тоже случались. Одним из самых громких дел конца 1890-х было убийство Генри Смита, зажиточного инженера, отошедшего от дел, 79-летний вдовец проживал в запустелой усадьбе Масвелл-лодж в Тетердауне, что на севере Лондона. Был он настолько нелюдимым, что обходился без постоянной прислуги. Соседи сплетничали, будто старый скряга прячет в сейфе груды золота, иначе зачем он расставил по саду капканы и натянул проволоку, соединенную с ружейным курком – если грабитель запнется, ружье сразу выстрелит. Слухи о богатствах донеслись до недобрых ушей. Утром 14 февраля 1896 года садовник обнаружил на кухне тело мистера Смита. Старик был одет в ночную сорочку, руки были стянуты за спиной полосками скатерти, на голове виднелись многочисленные удары, общим числом 12. Видимо, взломщики проникли в дом через кухонное окно, а мистер Смит, услышав возню, спустился посмотреть, что же творится в его владениях. Грабители забили его до смерти, после чего вскрыли сейф в спальне и убежали с награбленным.

Полицейские нашли в кухне два перочинных ножа, из чего напрашивался вывод, что бандитов было двое. Самой важной уликой оказался детский фонарик, который валялся на полу возле жертвы. Вскоре один из детективов заметил, что с его участка пропали двое условно освобожденных грабителя – громила Генри Фаулер и его сообщник, трусоватый Альберт Милсом. Родственник Милсома, 15-летний Генри, опознал игрушечный фонарик, который у него недавно позаимствовал Альберт. У полиции уже не оставалось сомнений, что взломщики перекавалифицировались в убийц. По почтовому штемпелю из Бата удалось вычислить местонахождение злобной парочки. При задержании Фаулер сопротивлялся так яростно, что полицейским пришлось утихомирить его несколькими ударами по голове. Но и на суде в Олд-Бейли он не сдал обороты. Милсом клялся, что старика убил именно Фаулер, а его приятель настаивал, что кровью свои руки обагрил как раз Милсом – даже наступил

Смиту на горло, чтобы проверить, жив ли он еще. В итоге виновными признали обоих. А пока присяжные совещались, Фаулер набросился на своего сообщника и едва не придушил его прежде времени. Но душить кого-то – прерогатива суда, поэтому драчунов разняли. Повесили Милсома и Фаулера 9 июня 1896 года. Наверное, чтобы они не подрались и на эшафоте, между ними поставили еще одного грабителя, Уильяма Симана, который забил до смерти пожилого торговца и его экономку.

Разношерстным преступникам уже в середине XIX века противостояли полицейские, но система органов правопорядка развивалась в Англии медленно. Еще в XVIII веке порядок на своих территориях обеспечивали приходы. Бидли, или приходские надзиратели, выполняли административные функции, а констебли (Констебль – полицейский среднего ранга. – *Ред.*) задерживали преступников или, при необходимости, помогали военным подавлять мятежи. Констеблей выбирали из прихожан, они должны были нести службу в течение года, причем бесплатно. С одной стороны, почему бы не послужить на благо ближнему? С другой же, обязательство не нравится никому. Конечно, среди констеблей находились энтузиасты, которые с большой охотой брались за ловлю воров, но их было немного. Зачастую же констебли или использовали любую возможность для взяточничества и шантажа, или же находили себе заместителя. Спросом пользовались «Тайбернские билеты» – наградные листы за поимку особо опасных преступников. Такую индульгенцию, пожизненно освобождавшую от приходских повинностей, в 1816 году можно было купить за 25 фунтов. Ночью за городом присматривала «ночная стража», состоявшая в основном из дряхлых стариков, вооруженных посохами и трещотками. Горожане сходились во мнении, что своими фонарями стражи разве что освещают ворами дорогу.

Полицейские Лондона. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Вся надежда была на детективов в штатском, «бегунов с Боу-стрит». К 1750 году стараниями Генри Филдинга, знаменитого писателя, а по совместительству магистрата в суде на Боу-стрит, 4, в Лондоне появились организованные ловцы воров. Прежде жертвам грабителей приходилось обращаться к частникам. Нередко бывало, что детективы сами же возглавляли шайки, поэтому без труда находили украденное. В отличие от них, «люди мистера Филдинга» отличались честностью и лихо гонялись за грабителями, но их доходы по-прежнему зависели от щедрости жертв и вознаграждения судей. К 1800 году ночной патруль Боу-стрит насчитывал 68 человек, стороживших центральные улицы Лондона. Капитаны были вооружены карабинами, парой пистолетов и саблей, простые патрульные тоже имели при себе саблю. В 1805 году появился конный патруль, и на больших дорогах вокруг Лондона наконец прекратились грабежи. Конные патрульные носили синий мундир и красный жилет – первую полицейскую форму в Англии.

С ростом урбанизации бегуны с Боу-стрит перестали справляться с преступностью. Назревала необходимость в более масштабной и централизованной полиции. В 1829 году в Лондоне, наконец-то, появилась Столичная полиция (Metropolitan Police). За полицейскими закрепилось прозвище «бобби» в честь секретаря внутренних дел, а затем и премьер-министра сэра Роберта Пиля, благодаря которому был принят акт о создании полиции. Штаб-квартира полиции находилась в районе Уайтхолла, на улице Большой Скотленд-Ярд. «Бобби» носили синюю униформу и цилиндры, которые впоследствии сменились шлемами. Констебли и сержанты были вооружены дубинками, хотя в экстренных ситуациях им выдавали сабли, инспектора носили еще и карманный пистолет. Незаменимой принадлежностью «бобби» была трещотка, прообраз полицейского свистка, и масляный фонарь «бычий глаз» с линзой, при помощи которой можно было устанавливать ближний или дальний свет, или же перекрывать его особой шторкой.⁷ «Бобби» боролись с преступниками гораздо успешнее, чем подневольные приходские констебли, однако в 1888 году их ожидало слишком серьезное испытание – кровавая волна преступлений Джека Потрошителя.

Похитители тел Берк и Хэр

Хотя Джек Потрошитель считается самым известным преступником Великобритании, до 1880-х этот сомнительный титул принадлежал эдинбуржцам Уильяму Берку и Уильяму Хэру. Совершенные ими убийства связаны с такой специфической страницей английской истории, как похищение трупов с последующей перепродажей в анатомические театры. Ночные бдения на кладбищах, работа мотыгой на еще свежей могиле, извлечение трупа, на который уже заявили права могильные черви, бегство от полиции или скорбящей родни – вся эта романтика была не для них. Считая вскрытие могил работенкой тяжелой и грязной (тут их можно понять), Берк и Хэр добывали тела иначе – посредством убийства. За 12 месяцев, с 1827 по 1828 годы, они умертвили 16 человек – троих мужчин, 12 женщин и ребенка. Подельники работали по проверенному сценарию. Вместе с женой Хэра Маргарет и сожительницей Берка Хелен они заманивали к себе жертв и поили их до потери сознания, после чего душили «фирменным» способом – ложились на грудь жертвы, зажимая ей рот и нос (этот метод удушения получил название – *burking* – по фамилии злодея).

На стезю порока парочка ступила «случайно». Началось все с того, что в ноябре 1827 года внезапно скончался жилец Хэра, некий Дональд. И не просто скончался, а имел наглость задолжать лендлорду 4 фунта. Это обстоятельство особенно огорчало 20-летнего Хэра и его жену Маргарет, ведь они, как владельцы доходного дома, должны были

⁷ Подробнее о лондонской полиции второй половины XIX века можно прочесть в книге С. Чернова «Бейкер-стрит и окрестности».

распорядиться о похоронах. Оплачивать похороны из своего кармана им бы не пришлось, бедняков хоронили за счет прихода, но все равно, столько возни с выносом тела и доставкой его на кладбище.

О своих горестях Хэр поведал старшему приятелю, 35-летнему Уильяму Берку. Выходец из Ирландии, он перебрался в Шотландию в поисках лучшей доли. Ирландские эмигранты селились в тесных каморках на узеньких улочках Эдинбурга, в кварталах возле Каугейт, Грассмаркет, Уэст-Порт. Некоторые приезжали в качестве сезонных рабочих, собирать урожай или рыть каналы, но так и оставались в «маленькой Ирландии» в качестве носильщиков и уличных торговцев. Подобным образом сложилась и судьба Уильяма Берка: отслужив несколько лет в армии в качестве денщика, он переехал в Шотландию, где занимался рытьем каналов. Познакомившись с шотландкой Хелен М'Дугал, он осел в Эдинбурге, где подрабатывал сапожным ремеслом. По сравнению с нищей Ирландией, заработки здесь были повыше, но денег все-таки часто не хватало. Поэтому Берк, выслушав жалобы друга, предложил ему гениальный в своей простоте план. Почему бы не продать труп в анатомический театр? Доктора рады будут заплатить за покойника круглую сумму. С такой мыслью приятели отправились в Эдинбургский университет, поискать, кому из господ профессоров нужен труп.

Сейчас предложение вроде «Купите труп, недорого отдадим» вызвало бы подозрения, но в те годы покойники были расхожим товаром. По закону в анатомические театры для практики передавали тела преступников, но их катастрофически не хватало. В парламенте давно уже велись разговоры о том, что неплохо бы отдавать врачам трупы бродяг и, почему бы нет, обитателей работных домов. Раз они столько лет сидели на приходском обеспечении, пусть хоть после смерти принесут какую-то пользу. Однако простые англичане принимали все новое в штыки. Посмертное вскрытие считалось позорным, учитывая, что так поступали только с телами воров и убийц. Кроме того, бедняки опасались, что врачи начнут нарочно морить их в больницах, лишь бы получить вожделенный труп. В 1832 году парламент все же принял Анатомический акт, согласно которому врачи получали в свое распоряжение тела неопознанных нищих, заключенных и бедолаг из работных домов.

Однако до принятия акта врачи тоже не сидели сложа руки. Большим спросом пользовались услуги расхитителей могил, так называемых «воскресителей». После похорон те приходили на кладбище и, разрыв могилу, забирали труп, хотя при случае могли выкрасть его прямо из дома еще до погребения. Разграбление могил было уголовно наказуемым преступлением, но это не останавливало ни «воскресителей», ни заказчиков.

Сцена на кладбище. Рисунок из «Энциклопедии острот и юмора». 1864

Воровство трупов наблюдалось как в Англии, так и на севере, в Шотландии. Престиж врачебной профессии возрастал, все больше студентов записывалось в Эдинбургский университет, лучший по подготовке медиков во всей Великобритании, но где же взять анатомические пособия? Понимая, что альма-матер обеспечит их скорее теорией, нежели практикой, студенты слушали курсы по анатомии на стороне. Одним из частных анатомических театров заведовал доктор Роберт Нокс. Его заведение находилось на площади Серджен-сквер, между Королевским колледжем хирургов и Королевским медицинским обществом. Как раз к нему и направил Берк с Хэр какой-то студент-доброхот. Осмотрев тело, доктор Нокс заплатил за него 7 фунтов 10 шиллингов. Доктор также сообщил, что и в будущем рад будет купить любой бесхозный труп (мало ли, вдруг где-то завалился). Лишних вопросов Нокс не задавал. Уже много лет он пользовался услугами «воскресителей» и даже импортировал трупы из Ирландии. Стоили тела недешево, но расходы полностью окупались: каждый студент платил за курс 3 гиней и еще 3 за возможность собственноручно провести вскрытие. Чем больше трупов, тем больше студентов. Выгода налицо. Впоследствии, когда Берк и Хэр начали доставлять ему подозрительно свежих покойников, умерших одной и той же смертью, доктор Нокс спокойно отсчитывал фунты.

Получив легкие деньги, Берк и Хэр вошли во вкус. Одна беда – жильцы падают замертво не каждый день. Поразмыслив, друзья решили, что проще всего пустить убийства на поток. Преступники не отличались ни хитростью, ни садизмом, но в погоне за деньгами они шли напролом, даже не думая замечать следы. Вместе с тем, их способ убийства был, если можно так выразиться, удачным. При удушении коронер (должностное лицо, расследующее подозрительные смерти, убийства. – *Ред.*) рассчитывал увидеть следы удушения на горле, но как раз они отсутствовали. Такой метод годился не для всех, и здоровый мужчина смог бы стряхнуть с себя убийц. Но Берк и Хэр охотились исключительно на престарелых, слабых и больных и вдобавок поили их виски до бессознательного состояния. Убийства происходили как в квартире Берка, так и в доходном доме Хэра, откуда трупы переносили к Ноксу в ящиках из-под чая или бочках из-под селедки.

Злодеяния Берка и Хэра вошли в городские легенды Эдинбурга, но наибольшее число историй связано с их пятой жертвой, проституткой Мэри Патерсон, убитой в апреле 1828 года. Проведя ночь в участке и окончательно протрезвев, Мэри и ее подруга Дженет Браун отправились за завтраком, причем в магазинчик спиртных напитков. Многие эдинбуржцы разливали виски прямо в чашки и пили вместо чая, вот и подруги решили опохмелиться с утра пораньше. В лавке их встретил Берк и любезно пригласил позавтракать дома у его брата Константина, тоже вовлеченного в темные делишки. Там девиц накормили хлебом с яичницей и копченой рыбой и, конечно же, напоили допьяна. Захмелевшая Мэри уснула прямо за столом, а к Константину тем временем пожаловала Хелен М'Дугал. Прямо с порога она подняла крик. Что это за посторонние девки? Откуда они тут взялись? Драка с чужой подружкой не входила в планы Дженет, и она поспешила улизнуть, оставив Мэри похрапывать на постели. Больше она подругу никогда не видела. Константин утверждал, что гулящая девица сбежала, ведь все они такие: сегодня здесь, а завтра там. На самом же деле труп Мэри в тот же день отвезли доктору Ноксу, который так восхитился красотой девушки, что на три месяца поместил ее в ванну с виски. История обросла подробностями, и годы спустя эдинбуржцы рассказывали о юной кокотке, в которую был влюблен один из студентов Нокса. Потеряв подругу из вида, он долго тосковал, и вот представьте себе – увидел ее на столе в анатомическом театре.

За Мэри последовали другие жертвы – нищие старухи, умственно отсталый мальчик лет двенадцати и местный дурачок по прозвищу Глупый Джейми. Последний был так хорошо известен в округе, что его тоже опознали студенты Нокса, но доктор замял дело.

Трущобы Эдинбурга в середине XIX века

Удивительное совпадение – последнее убийство пришлось на хеллоуин. Накануне Дня Всех Святых (накануне 31 октября. – *Ред.*) веселится нечисть, да и люди не отстают: пьют виски, хватают ртом яблоки из чанов с водой и вырезают фонари из репы. И, конечно же, дерутся и громко вопят, так что в их чумовых криках легко утонут предсмертные хрипы жертвы. Так и произошло. Как и остальные убийства Берка и Хэра, это было «низкобюджетным». 30 декабря 1828 года Берк повстречал бойкую старушку Мэджи Доэрти, по мужу миссис Кэмпбелл, приехавшую из Ирландии навестить сына. С сыном Мэджи разминувшись и отправившись бродить по улочкам Эдинбурга, мимо кабаков, бакалейных лавок, мастерских и рынков, с которых несло бляение скота. Авось повстречается земляк и накормит ее кашей, а еще лучше – нальет рюмочку виски. В одной из лавок старушка наткнулась на добряка-сапожника. Откуда она родом, из Ирландии? Так и он оттуда! А как она прозывается? Доэрти? Ба, и его так зовут! Однофамилец пригласил ее отпраздновать хеллоуин в своих апартаментах, и старушка, обрадовавшись, поковыляла за ним.

Благодетель, который оказался не кем иным, как Уильямом Берком, привел ее в свою однокомнатную квартиру в безымянном переулке на северной стороне Вест-Порта. Свернув в переулок, а затем в темный проход, гостья оказалась в комнате (5 на 2 метра). Здесь, в тесноте да не в обиде, проживал сам Берк, Хелен М'Дугал, а также ее родственница Энн Грей вместе с мужем Джеймсом и маленьким ребенком. Никто не возражал против новой постоялицы. Одним человеком больше, одним меньше – разница невелика.

Вместе с тем у Берка возник вопрос – как обстрять убийство в густонаселенной квартире? Ведь не просить же родню отвернуться, пока он будет душить старушку. Тогда Берк выставил Греев за дверь, объяснив свое решение тем, что их склоки мешают ему культурно отмечать хеллоуин. Пусть идут в доходный дом Хэров. Там будет просторно, ведь Хэры этой ночью будут гулять у Берка. С хозяином не поспоришь, и Грейам пришлось удалиться.

Пока Берк и Хелен готовились к вечеринке, Мэджи Доэрти досаждала соседке Энн Конвей, проживавшей через стену от Берка. Энн потчевала гостью виски, но многозначительно кивала на дверь. Сама Энн не собиралась праздновать хеллоуин. Какой уж тут праздник, если придется просыпаться в три ночи, чтобы затопить очаг и приготовить завтрак для мужа, который выходит на работу в 4:30. Но той ночью Конвейам не удалось выспаться. Как только Мэджи вернулась в квартиру Берка, оттуда послышались звуки буйной пирушки: пение, пьяный смех, топот, а в 11 вечера еще и возня. «Спасите, убивают!» – вдруг раздался женский крик. Но мало ли почему женщина будет кричать. Может, спьяну. Бакалейщик Олстон, чья квартира находилась этажом выше, все же сбегал в полицию, но никого не доискался – констебли тоже где-то развлекались.

Наутро Хелен рассказала соседкам, что Берк и Хэр затеяли потасовку, да так лихо молотили кулаками, что она закричала от страха. Так что все хорошо. Никого не убили. А что старушки нигде не видно, так Хелен ее выгнала, после того как неблагодарная тварь полезла к ее мужу. Да ну ее, старушку эту. Давно пора ее забыть. Хотя соседки не знали таких мудреных словечек, как «установить алиби», поведение Берка и его подруги показалось им подозрительным. Уж слишком они были разговорчивыми и улыбались как-то натянуто.

А все потому, что в квартире под соломенным матрасом лежал труп Мэджи Доэрти. В самую страшную ночь года Берк и Хэр навалились на свою гостью, зажав ей рот и ноздри. Лицо старухи посинело, волосы растрепались, из-под пальцев убийц потекла кровавая слюна. Когда Мэджи была мертва, Берк, Хэр и женщины раздели ее, кое-как отерли кровь с пола и пошли напрямик к Дэвиду Патерсону, ассистенту Роберта Нокса. Они рассчитывали, что Патерсон, услышав, что для доктора «кое-что припасено», сразу же пошлет служителя за трупом. Но какая работа в хеллоуин? Во всем Эдинбурге трезвого не сыщешь. Патерсон

пообещал забрать «гостинец» завтра.

Таким образом, возник второй вопрос – где в густонаселенной квартире спрятать труп?

Утром с постоянного двора вернулись Грей и сразу почувствовали неладное. Как-то странно топорщился соломенный матрас, да и Берк нервничал и отгонял от кровати даже тех, кто имел на нее законные права – под кроватью Энн Грей хранила картошку. Стоило Берку уйти за носильщиком, как супруги Грей побежали рыться в соломе. Словно в готическом романе, под соломой они увидели голую женскую руку, а потом и голову с окровавленным ртом... Через несколько минут Грей собрали вещи и направились прочь из нехорошей квартиры.

По дороге им повстречалась Хелен и, догадавшись обо всем, упала на колени, предлагая за молчание огромные деньги, по 10 фунтов каждую неделю. Но Грей были неподкупны. Они пошли напрямик в участок Фаунтенбриджа, где поведали о страшной находке инспектору Джону Фишеру. В сопровождении Джеймса Грея он проследовал в квартиру Берка, где от трупа, конечно, уже и след простыл. Тем не менее Фишер обнаружил на полу кровь и, допросив Берка и Хелен, заметил, что они путаются в показаниях. Подозреваемых препроводили в участок для дальнейших расспросов, а в ходе обыска в квартире была найдена одежда Мэджи. Проживавшая по соседству служанка сообщила, что видела, как Берк, Хэр и их женщины выходили из дома вместе с носильщиком, который тащил ящик для чая, полный соломы. Любопытная девица сунула в солому руку и нащупала что-то мягкое...

Фишер не сомневался, что из квартиры вынесли труп. Но кому он может понадобиться? Однозначно, докторам. Следующим утром полицейские нагрянули по адресу Серджен-сквер, 10, где давал уроки Роберт Нокс. Не желая отпираться, Патерсон показал ящик, в котором покоились останки ирландки, так неудачно встретившей хеллоуин.

Казалось бы, всем четверым болтаться в петле, но лорд-адвокат Уильям Рей засомневался в таком исходе. Дело в том, что у полицейских не было весомых улик. Врачи разводили руками: пьяная старушка могла умереть без чужого вмешательства, просто захлебнувшись рвотой. Если же шотландские присяжные не были на сто процентов уверены в вине подсудимого, они редко отправляли его на виселицу – зачем брать грех на душу? Оставалась вероятность, что после суда вся четверка разойдется по домам. Но когда эдинбургцы слышали слово «убийство», сразу же началась суматоха. Горожане вспоминали о пропавших знакомых или просто о нищих, которые то маячили на улице, а то вдруг куда-то исчезли. Быть может, они тоже стали жертвами душегубов? Но, опять же, где доказательства?

Вся надежда была на доносчика, и он, в конце концов, нашелся. Им стал Уильям Хэр, которому была предложена возможность Crown's evidence – уличить обвиняемого в обмен на свободу. Хэр намертво вцепился в этот шанс. Процесс по делу Уильяма Берка и Хелен М'Дугал, на котором супруги Хэры выступали главными свидетелями, начался накануне другого праздника – Рождества, словно бы в подарок горожанам. Присяжные сочли вину Хелен недоказанной и отпустили женщину на свободу. Доктор Нокс вообще не подверглся судебному преследованию, но снискал недобрую славу и презрение коллег, и газетчики еще долго трепали его имя. Зато Уильям Берк ответил за свои злодеяния: он был повешен 28 января 1829 года. По английским законам (и, конечно, по закону бумеранга) тело висельника было передано в Эдинбургский университет для публичного вскрытия. Производивший вскрытие профессор расписался на протоколе кровью, взятой из головы Берка, а скелет и выдубленную кожу преступника выставили в медицинском музее.

В одночасье Берк и Хэр стали мировыми знаменитостями. Их дурная слава не угасла по сей день. Пример тому – фильм 2010 года «Берк и Хэр», где история убийц преподносится с изрядной долей черного юмора. Что уж говорить о 1830-х, когда память о преступлениях еще не успела ни остыть, ни окоченеть. Злодеяния вызвали небывалую шумиху в прессе: эдинбургские газеты ежедневно публиковали последние новости о суде над убийцами, о них писали не только в Лондоне и Дублине, но также в Нью-Йорке и Бостоне. Вальтер Скотт

обсуждал это происшествие с друзьями, а в 1884 году другой шотландец, Роберт Льюис Стивенсон, написал под влиянием былых событий рассказ «Похититель тел». Карикатуристы и рифмоплеты, что строчили бульварные баллады, тоже не остались в стороне. Каждый настаивал, что уж у него-то читатель найдет самое точное, самое подробное описание злодейств – и всего за несколько пенсов!

Когда на трон возшла королева Виктория, темные делишки Берка и Хэра стали символом былой отсталости, всего того, что империя должна оставить позади. Но радость была преждевременной. Викторианцы повидали еще немало леденящих кровь преступлений, самыми известными из которых стали безумия Джека Потрошителя.

Ужасы осени: дело Джека Потрошителя

1880-е годы. Лондонский район Уайтчепел. Нищета, грязь, ужасающие условия жизни. Каждую ночь около 8500 человек набивается в 233 ночлежки, платя 4 пенса за кровать. По данным полиции, на улицах разгуливает более тысячи проституток. Кто-то из них зарабатывает к утру несколько пенсов, кто-то синяк под глазом. А кто-то вообще не доживет до утра.

В истории Джека Потрошителя есть канон и апокрифы: историки-криминалисты отделяют канонические убийства от неканонических, тех, где «авторство» маньяка не доказано. Первой «неканонической» жертвой загадочного убийцы считается проститутка Марта Тэбрем (или Марта Тернер по фамилии своего сожителя). 6 августа 1888 года толстушка Марта вместе со своей подругой Мэри Энн Коннелли по прозвищу Жемчужная Полл веселилась в пабе с двумя военными, капралом и рядовым. В 11:45 вечера девицы распрощались, и Марта покинула кабак вместе с рядовым. Следующим утром в 4:50 Джин Ривз, жилец квартирного дома на Ярд-стрит, увидел на лестничной площадке женское тело. Мимо уже несколько раз проходили жильцы, но никто не обращал внимания на лежащую фигуру. Мало ли кто там спит спяну. В потемках все равно не разглядишь. А если сунешься выяснять, такого про себя наслушаешься!

Но мистер Ривз, присмотревшись, заметил кровь и бросился за доктором Тимоти Киллином, проживавшим неподалеку. Тот установил, что смерть женщины наступила около 3:30 ночи. Причина смерти – кровопотеря, причем нешуточная. Неизвестный нанес Марте 39 ударов ножом, истыкав ее живот, груди, половые органы. Неужели никто не слышал криков, когда под боком творилось страшное злодеяние? Как же, слышали. Ближе к утру кто-то крикнул «Убивают!», но в Уайтчепеле подобные вопли настолько привычны, что никого не настораживают. Не убивают, а избивают – смекнули соседи. А зачем тревожиться по мелочам?

Полиция забрала тело в морг, где его сфотографировали. Началось следствие, главной целью которого было выявить тех самых военных, с которыми выпивали Марта и Жемчужная Полл. 9 августа Мэри Энн Коннелли пришла в полицейский участок на Коммершиал-стрит и дала показания о том, как они с Мартой провели вечер. Другой свидетель по делу показал, что видел неподалеку от места преступления гренадерского гвардейца, но так и не смог его опознать. От Мэри Коннелли следствию тоже не было пользы: она не признала своего клиента среди гвардейцев в Тауэре. Когда Мэри вспомнила, что на головных уборах у военных были белые околыши, ее доставили в полк Колдстрим. Там она указала на двух гвардейцев, но у обоих нашлось твердое алиби. В ходе коронерского расследования было выявлено следующее: во-первых, подобным образом с женщиной может обходиться только злобный дикарь. Во-вторых, лестничные площадки неплохо бы освещать по ночам. На этом присяжные разошлись.

Проститутки в Уайтчепеле. Рисунок из журнала «Иллюстрированные лондонские новости». 1888

Казалось бы, дело закрыто, но полицию поджидали новые сюрпризы. 31 сентября на тротуаре Бакс-роу, возле конюшенных ворот, был найден труп 43-летней проститутки Мэри Энн Николс. Вечером 30 сентября Мэри Энн грелась на кухне ночлежки, но засидеться ей не дали – ночлег стоил 4 пенса, которых у Мэри Энн не нашлось. Около 1:20 ночи ее попросили вон. «Ничего, заработаю деньжат. Поглядите, какая у меня шляпка!» – похвасталась она недавно купленным черным капором.

В 2:30 знакомая увидела Мэри на углу Осборн-стрит и Уайтчепел-роуд, напротив Уайтчепельской церкви. Видимо, новая шляпка помогла женщине неплохо заработать, потому что к тому моменту Мэри Энн была пьяна вдребезг. Бормоча, что скоро вернется, она нетвердой походкой ушла в ночь. А в 3:40 прохожие нашли ее тело, еще теплое. У женщины было перерезано горло и распорот живот. Справа от нее лежал тот самый черный капор, который так и не принес ей удачу.

Дочь кузнеца из Ист-Энда, Мэри Энн успела побывать замужем и родила пятерых детей, но респектабельность надолго не затянулась. Из-за ее беспробудного пьянства Мэри Энн бросил муж (по крайней мере, так выходило с его слов), и она еще долго скиталась по работным домам. Весной 1888 года доброхоты из работного дома выхлопотали ей место служанки, но Мэри Энн не ужилась с хозяевами-трезвенниками и сбежала, прихватив с собой хозяйскую одежду. Одним из ее пристанищ стал работный дом в Ламбете, тот самый, где в 1895 году оказался маленький Чарли Чаплин. Туда и привела полицию метка на нижней юбке, и одна из его постоялиц опознала Мэри Энн. Но кто же ее убил? Этого полиция так и не смогла установить.

Между тем кошмар продолжался. 8 сентября 1888 года во дворе дома на 29 Хэнбери-стрит был найден труп Энни Чэпмен. Как и предыдущие, да и последующие жертвы, Энни знавала лучшие дни. Она была замужем и родила троих детей, но пьянство не позволило ей удержаться на плаву. В 1884 году Энни рассталась с мужем Джоном Чэпменом, который вплоть до своей смерти в 1886 году выплачивал ей еженедельное пособие. После кончины мужа Энни попыталась торговать цветами и спичками, потом махнула рукой на все

и занялась проституцией. К 1888 году нить ее жизни истончилась настолько, что, если бы ее не перерезал нож, она оборвалась бы сама собой – Энни страдала болезнью легких.

Свой последний вечер Энни провела в пабе и, не имея денег на ночлежку, отправилась подзаработать. Что произошло далее – доподлинно неизвестно. Около 5:15 утра жильцы дома на Хэнбери-стрит слышали возню и звук падения, но никаких криков. Некая миссис Лонг видела, как Энни разговаривала с мужчиной в темном сюртуке и шляпе охотника за оленями (теперь этот головной убор с двумя козырьками ассоциируется с Шерлоком Холмсом). «Сделаешь это?» – спросил мужчина, и Энни ответила: «Да». По словам миссис Лонг, незнакомец показался ей человеком приличным, хотя и потрепанным жизнью.

В 6 утра Джон Дэвис, подкрепившись чашечкой чая, вышел на задний двор, но застыл на месте. Перед ним лежала женщина с задранным до колен платьем и перемазанным кровью лицом. У ее плеча валялся какой-то окровавленный ошметок, к которому мистер Дэвис уже не стал присматриваться. Со всех ног он помчался за полицией. Труп Энни Чэпмен, как и тело Мэри Энн Николс, был перевезен в морг на улице Олд Монтагью. В ходе медицинского осмотра было установлено, что неизвестный перерезал горло Энни двумя ударами бритвы. Порезы были такими глубокими, словно он пытался отрезать ей голову. Брюшная полость была вскрыта, в ней не хватало матки, части влагалища и мочевого пузыря, а кровавое месиво, так напугавшее мистера Дэвиса, оказалось желудком Энни. Коренные лондонцы насмотрелись всякого, но такое они видели впервые.

Злополучный двор прочесала полиция. Инспектор Чэндлер обнаружил обрывок муслина, карманную расческу и две пилюли Энни, завернутые в конверт с печатью Сассекского полка. Казалось бы, отличная улика, но, увы, такими конвертами торговали на почте и на постоянных дворах, так что купить его мог кто угодно. Еще одна зацепка – кольца, снятые с пальцев Энни, – тоже завела полицию в тупик. Три дешевых медных колечка так и не появились ни в одном ломбарде.

Расследование загадочных убийств было поручено инспектору Фредерику Джорджу Абберлайну из Скотленд-Ярда, который был отлично знаком с Уайтчепелом и его обитателями, но серийные убийцы были для XIX века в диковинку и никто в точности не знал, откуда они берутся и, главное, как их ловить. Выдвигались версии как о банде, терроризирующей проституток, так и об отдельно взятых безумцах (последней версии придерживался доктор Л. Форбс Уинслоу, уже знакомый нам по истории с миссис Уэлдон). Доктор Уинн Бакстер утверждал, что такие повреждения может нанести только человек, отлично разбирающийся в анатомии – даже не мясник, а опытный врач. Убийца уверенно наносил удары и в точности знал, где искать матку. В погоне за сенсацией журналисты растребули, что преступник известен под кличкой Кожаный Фартук, однако новости, как водится, оказались жареными. Кожаным Фартуком соседи называли сапожника Джона Пицера, но у него имелось алиби и полиции пришлось его отпустить.

Тем временем безымянный злодей обрел прозвище, с которым вошел в историю. «Джек Потрошитель» – именно так было подписано письмо, которое 27 сентября 1888 года пришло в Центральное агентство новостей. «Центральные новости» не пользовались почетом среди коллег: новостное агентство часто ловили на лжи, и существует вероятность, что это и последующие письма были всего-навсего подделкой с целью поднять рейтинг. Но, так или иначе, неизвестный корреспондент назвался Джеком Потрошителем. Он производил впечатление настоящего безумца – писал неграмотно, то и дело вворачивал «ха-ха», сокрушался, что приходится писать чернилами, потому что запас крови успел свернуться. Полиции он пообещал прислать женские уши. В Скотленд-Ярде, куда 29 сентября было передано письмо, его вообще сочли дурной шуткой.

До конца месяца убийца словно бы копил силы, чтобы поразить лондонцев новым неслыханным преступлением – две кровавые смерти за ночь. Ночью 30 сентября от его руки погибли две проститутки, Элизабет Страйд и Кэтрин Эддоуз. Хотя женщины даже не были землячками (Кэтрин родилась в Западной Англии, Элизабет – вообще в Шотландии), их судьбы схожи: нищее детство, неудачный брак, алкоголизм, проституция и страшная смерть.

Долговязую Лиз описывали как тихую и приветливую особу. Днем она подрабатывала уборкой, ночью – проституцией. Приблизительно в 1 час ночи ее тело было обнаружено в переулке Далтфилдс-ярд на Бернер-стрит, недалеко от редакции социалистического журнала «Арбетер Фрайнт». Женщина лежала на спине, правая рука была прижата к животу, в вытянутой левой руке она стиснула пакетик мятных леденцов. Волосы перепачканы грязью, запястья – кровью. На шее зияла глубокая рана, но других повреждений не было – видимо, убийцу вспугнули.

Призрак из трущоб. Рисунок из журнала «Панч». 29 сентября 1888 года

На этот раз злодей не остался незамеченным. Около 12:45 ночи на улицу Бернер с Коммершиал-роуд свернул Израэль Шварц. Подойдя к подворотне, где затем был найден труп, он увидел мужчину и женщину. Мужчина обошелся со своей спутницей грубо – швырнул ее на тротуар, из-за чего женщина вскрикнула три раза, но очень тихо. От греха подальше мистер Шварц перешел на другую сторону улицы, где стоял мужчина, зажигающий трубку. Грубиян обернулся к ним и крикнул: «Липский!». Мистер Шварц ускорил шаг, но заметив, что за ним следует второй мужчина, бросился бежать.

Странный возглас заинтриговал сыщиков. 28 июня 1887 года в доме по адресу Батти-стрит, 16, возле Коммершиал-роуд, был обнаружен труп Мириам Энджел. Смерть оказалась жуткой. Молодую женщину на шестом месяце беременности заставили проглотить азотную кислоту. Под кроватью Мириам прятался Израэль Липский, 23-летний эмигрант из Польши. Его рот был измазан азотной кислотой. Несмотря на уверения Липского, будто

Мириам убили его работники, присяжные приговорили его к смертной казни. 21 августа 1887 года приговор был приведен в исполнение, но в 1888 году память о Липском была еще свежа, а его фамилия оставалась презрительным прозвищем для всех евреев. Но кого имел в виду странный тип, толкнувший женщину? Относился ли его выкрик к Шварцу или к мужчине с трубкой? И означало ли это, что сам он евреем не был? Быть может, он кричал и что-то еще, но Шварц уловил лишь знакомую фамилию? Ни на один из этих вопросов не нашлось ответа.

Той же ночью жертвой маньяка стала Кэтрин Эддоуз. По иронии судьбы, пристрастие к джину едва не спасло ей жизнь: в 8:30 вечера пьянчужку забрали в участок, но к 1 часу ночи она протрезвела и, обругав напоследок констебля, вышла на улицу. Полчаса спустя трое подгулявших джентльменов, в их числе некий Джозеф Лавенд, видели ее на площади Митр-сквер, где она разговаривала с каким-то мужчиной, ласково положив руку ему на грудь. В 1:40 констебль Джеймс Харви свернул с Дюк-стрит в переулок, ведущий к Митр-сквер, но не услышал никаких подозрительных звуков. А буквально через 5 минут на площади появился констебль Уоткинс и наткнулся на бездыханное тело Кэтрин. Убийство произошло за считанные минуты! При этом маньяку хватило времени не только перерезать Кэтрин горло, но также изуродовать ее труп: на лице виднелись многочисленные ножевые ранения, нос отрезан, уши тоже надрезаны (как тут не вспомнить письмо в газету!). Убийца вытащил кишки жертвы и положил их слева от ее тела, а левую почку и часть матки забрал с собой.

Израэль Шварц сумел описать обоих незнакомцев, и его показания хотя бы частично сходились с показаниями другого свидетеля, Джозефа Лавенда, одного из последних, кто застал в живых Кэтрин Эддоуз. Оба свидетеля описывали мужчину лет 30, среднего роста, усатого. Шварцу он показался брюнетом, Лавенду – блондином. В деле Потрошителя появилась и другая немаловажная улика: во время ночного обхода констебль Альфред Лонг обнаружил на Гулстон-стрит окровавленный обрывок фартука Кэтрин Эддоуз. На стене прямо над находкой виднелось написанное мелом послание. Смысл надписи неясен по сей день, хотя историки склонны интерпретировать ее как «Евреи не позволят, чтобы их обвиняли ни за что» или «Евреи это люди, которых ни в чем нельзя обвинить». Правда, в слове «евреи» неизвестный допустил орфографическую ошибку. Во избежание волны антисемитизма, меловые буквы в спешке стерли, но следователи еще долго ломали над ними головы. Означает ли это, что Джек Потрошитель все же был евреем? Или пытался их подставить? И вообще, была ли надпись хоть как-то связана с куском ткани? Что, если она была сделана гораздо раньше? После убийства Чэпмен на Хэнбери-стрит появилось ужасающее пророчество: «Это четвертая. Я убью еще 16 и сдамся». Но кто в итоге запугивал лондонцев, сам Потрошитель или случайный «шутник», так и не было выяснено.

1 октября в Центральное агентство новостей пришла открытка от «Дерзкого Джеки». Потрошитель отчитывался о двойном убийстве («первая верещала чуток, так что я не смог довести все до конца») и огорчался, что не получилось забрать уши. Тот же аккуратный почерк, то же отсутствие запятых. 8 октября неизвестный корреспондент вновь написал в агентство. На этот раз он грозился убить трех женщин.

После двойного убийства Лондон заволновался и забурился – то ли от негодования, то ли от любопытства. Орды зевак хлынули на Бернер-стрит и Митр-сквер, чтобы своими глазами увидеть булыжники, по которым стекала кровь жертв. Посреди возгласов ужаса и сдавленного шепота то и дело раздавались крики торговцев пряниками и пирогами – кровавые подробности не умаляют аппетит. В один только день в Лондоне прошло четыре собрания под открытым небом, и на каждом присутствовало около тысячи человек. Бедняжку Кэтрин Эддоуз похоронили как настоящую знаменитость. Могла ли скромная проститутка рассчитывать на роскошный лакированный гроб, который на кладбище повезут в катафалке, запряженном двумя лошадьми? Думала ли она, что в последний путь ее проводят сотни лондонцев? Разумеется, нет. Но вся эта помпа лично ей была уже безразлична.

Журналисты, общественные деятели и простые горожане возмущались бездействием полиции во главе с комиссаром сэром Чарльзом Уорреном. Куда смотрят «бобби»? Почему до сих пор не пойман злодей? Понукаемый журналистами, Уоррен назначил награду в 500 фунтов за любую информацию о преступнике, но деньги так никто и не забрал. Казалось, Джек – это демон из ада, который возникает из-под земли и растворяется в клубящемся тумане.

Окончательно разочаровавшись в полиции, горожане взяли инициативу в свои руки. Закоулки Уайтчепела патрулировали дружины, но результаты их деятельности оказались весьма скромными. Внимания заслуживает разве что задержание горе-репортера, который нацепил женское платье, чтобы поймать Потрошителя на живца. Активизировались и спириты: медиумы из далекого Кардиффа клялись, что дух Элизабет Страйд пожаловался им на убийцу – пожилого бандита, проживавшего на Коммершиал-роуд. Теперь полиции приходилось не только искать маньяка, но и отбиваться от доморощенных детективов.

Дружинники и подозрительный тип. Рисунок из журнала «Иллюстрированные лондонские новости». 1888

И еще именно с дружинниками связана одна из самых жутких улик в деле Потрошителя. 6 октября Джорджу Ласку, председателю Уайтчепелской дружины, была доставлена коробка вместе с сопроводительным письмом. «Из ада» – гласила первая строка, и подарок действительно оказался дьявольским – половина человеческой почки в «винном спирте» (этаноле). Как утверждал маньяк (или просто любитель розыгрышей?), вторую половину он съел. Ласк передал страшный сувенир медикам-криминалистам, но те не смогли в точности установить, была ли эта почка вырезана у Кэтрин Эддоуз.

13 октября в Уайтчепеле начался обширный обыск, продлившийся пять дней.

Детективы в штатском стучались в каждую дверь, ходили по комнатам, открывали шкафы, заглядывали под кровати, осматривали каждый нож. Они надеялись вычислить убийцу или хотя бы отыскать орудие преступления. Возможно, в ходе проверки они заглянули в гости к Потрошителю и даже побеседовали с ним самим. Если так, хладнокровный убийца не выдал себя ни единым словом.

Перепуганным лондонцам казалось, что Потрошитель уже не превзойдет себя в жестокости, но в промозглом, туманном ноябре он нанес городу последний удар. Охотиться на улицах стало небезопасно, да и ночные бабочки опасались лишней раз выпорхнуть из дома. Одной из проституток, принявших убийства близко к сердцу, была 25-летняя ирландка Мэри Джейн Келли. Замирая от страха, она слушала, как подруги обсуждают убийства, но успокаивала себя, что уж такой красавице нечего бояться злодея. Все-таки она не уличная. Высокая и статная блондинка (по другим версиям, рыжая) принимала клиентов в своей комнатке в густонаселенном доме по адресу Миллерс-корт, 13. В случае чего соседи услышат и придут на подмогу.

Соседи действительно слышали и помогли. Правда, уже полиции своими подробными показаниями о той ночи, когда самый страшный кошмар Мэри стал явью. 8 ноября в 11:45 ночи Мэри вернулась из паба в сопровождении клиента – плотного усатого мужчины лет 35-ти. «Сейчас петь буду» – предупредила Мэри свою соседку миссис Фокс и почти час изводила жильцов сентиментальными балладами. В два ночи Мэри Келли увидел на улице Джордж Хатчинсон. Мэри попросила у него шестипенсовик, но, получив отказ, подошла к незнакомцу, который тут же обнял ее и пошел с ней к Миллерс-корт. Хатчинсон составил словесный портрет клиента: кожа смуглая, усы густые и с подвитыми концами, глаза темные, одет был в длиннополое темное пальто на меху с черным галстуком, заколотым булавкой в форме подковы, из жилетного кармана виднелась золотая цепочка. Как только эдакого франта занесло в Уайтчепел? Показания Хатчинсона внушают подозрения историкам-криминалистам, учитывая, что он их давал после всех остальных свидетелей, к тому же уж очень они гладкие.

Около 3–4 ночи соседи Мэри слышали тихий вскрик «Убивают», но, как и в случае с Мартой Тэбрем, не придали ему особого значения. В 10:45 утра квартирный хозяин послал своего помощника Томаса Боуэра напомнить Мэри о ренте, но как он ни стучался в дверь, никто не открывал. Тогда Томас заглянул в разбитое окно, отодвинул штору и увидел на кровати нечто такое, в чем не сразу угадывались очертания человеческого тела. Эдакий ужас невозможно выносить в одиночку. Томас помчался к начальнику, который тоже обмер от увиденного. В 11 утра на место преступления прибыли инспектор Бек и сержант Бетам в сопровождении доктора Джорджа Бакстера, через полчаса к ним присоединился инспектор Абберлайн вместе с фотографом, запечатлевшим чудовищное зрелище.

Тело Мэри Келли было обезображено до неузнаваемости. Брюшная полость полностью выпотрошена, шея перерезана до самой кости, груди отрезаны, внутренние органы разложены на кровати, руки искромсаны ножом, лицо – одна сплошная рана. Кровь была повсюду – на стене, на полу, на простынях. Даже выдавшие виды полицейские содрогнулись от такой невероятной, гротескной жестокости. Опять начались проверки доходных домов и безрезультатные аресты, но убийца так и не был схвачен.

На звание самого известного (или неизвестного) маньяка XIX века есть немало претендентов. Как утверждал внук сэра Чарльза Уоррена, комиссар считал Потрошителем адвоката Монтегью Друитта, чье тело было обнаружено в Темзе 31 декабря 1888 года. Видимо, адвокат опасался разделить судьбу своей сумасшедшей матери и утопился, прежде чем им окончательно овладело безумие. В любом случае, мертвый маньяк лучше, чем маньяк затаившийся, так что Уоррена можно понять.

Почти ничего не известно о другой кандидатуре, польском еврее Аароне Козминском, который прибыл в Англию в 1882 году в возрасте 17 лет. Козминский страдал половыми расстройствами: в записях психиатрической больницы, куда его в 1890 году сдал родной брат, указано, что пациент имел тягу к онанизму. Учитывая, каким злом считалась

мастурбация, неудивительно, что Козминского записали в маньяки. Еще один кандидат, вор и жулик Михаил Острог, тоже был эмигрантом, на этот раз из России. Острог был не в ладах с законом и провел немало времени в английских и французских тюрьмах, но его причастность к убийству проституток не была доказана.

Инспектор Абберлайн подозревал Северина Клосовского, уроженца Польши, прибывшего в Англию в 1887 году. До 1890 года Клосовский работал парикмахером в Ист-Энде, затем подался в США, но вернулся в Англию в 1895 году и отравил трех женщин. В 1903 году Клосовский был повешен, а инспектор Абберлайн порадовался, что Потрошитель наконец-то ответил за свои грехи. Среди других кандидатов на роль убийцы затесались: художник Уолтер Сикерт, Мэри Пирси, казненная в 1890 году за убийство жены своего любовника и его малютки-дочери, и даже внук королевы Виктории принц Альберт. Но тайна Джека Потрошителя не раскрыта по сей день.

Любопытный факт – одновременно с Потрошителем в Лондоне лютował другой маньяк. 11 мая 1887 года в Темзе был выловлен женский торс, и почти все лето речные рабочие находили отрубленные конечности. А 2 октября 1888 года, в разгар уайтчепелских событий, строитель обнаружил еще один женский торс. И не где-нибудь, а в подвале нового здания Скотленд-Ярда! В сентябре на берегу Темзы была найдена женская рука, через несколько дней после обнаружения торса в том же подвале откопали женскую ногу. Нужно отметить, что из тела была извлечена матка. Как и «дерзкий Джек», убийца-расчленитель так и не был пойман. Быть может, маньяк, бросавший тела своих жертв в Темзу, и Джек Потрошитель – это одно и то же лицо? Еще одна тайна. А Новый Скотленд-Ярд, по иронии судьбы, был достроен на месте нераскрытого преступления.

Чисто ирландское убийство: сожжение Бриджит Клири

В конце XIX века рационализм уже вступил в свои права, но в отдаленных уголках Великобритании по-прежнему были сильны суеверия, о чем свидетельствует следующая история.

В середине 1880-х в ирландскую деревню Балливадлеа, что неподалеку от Клонмелла, графство Южный Типперэри, приехал молодой бондарь Майкл Клири. Совсем скоро он обзавелся супругой. Ею стала местная красотка Бриджит Боланд, дочь Бриджит и Пэта Боландов. Девушка отучилась девять лет в монастырской школе, затем пошла в ученицы к портнихе и некоторое время служила экономкой в семье из Клонмелла. По словам знакомых, Бриджит была не только красавицей, с темными выющимися волосами и синими глазами, но и весьма энергичной особой. Все парни в округе были в нее влюблены, но в 1887 году, к их вящей досаде, Бриджит обвенчалась с чужаком Клири. Ей было двадцать лет, ему двадцать семь.

Год спустя, родители Бриджит переехали в недавно построенный коттедж и позвали с собой молодых супругов, благо новый дом был просторным. Иными словами, там была общая комната длиной в пять метров, чердак и две крошечные спальни – точнее, одна спальня, разделенная перегородкой. Места хоть отбавляй. На две семьи хватало с лихвой. Хотя электричества в коттедже не было – в здешних краях охотнее поверили бы в леприкона, чем в электрическую лампочку – зато в общей комнате имелся большой очаг с металлической решеткой. Запомните эту деталь. В истории, которая произойдет здесь почти восемь лет спустя, очагу уготована зловещая роль.

Ирландский коттедж. Вторая половина XIX века

Как водится, Майкл выпивал пинту-другую, но пропойцей не был. Скорее наоборот, супруги прослыли людьми амбициозными, решившими во что бы то ни стало выбиться из бедности. Майкл брал заказы у местной пивоварни и фабрики по производству сгущенного молока, а также изготавливал маслобойки для молочных ферм. У его жены была швейная машинка «Зингер», значительное капиталовложение по местным меркам. В придачу к шитью она завела курятник и торговала яйцами. Одна беда – за восемь лет супруги так и не нажили детей, но это обстоятельство почему-то совсем не заботило Бриджит. Наоборот, женщина наслаждалась своей свободой. Она разъезжала по округе и развозила клиентам заказы. Денег «на булавки» ей тоже хватало.

Вместе с тем, соседи отмечали и крутой нрав супругов. Майкл был независимым мужчиной, а его женушка такой строптивой особой, что палец в рот не клади. Ходила полулегендарная история о том, как пес Бриджит вцепился в коня, на котором ехал священник. Раздосадованный священник пнул собаку, а Бриджит, которая в этот момент несла кастрюлю с вареной картошкой, выплеснула ее содержимое на коня и всадника. Вполне возможно, что такие истории зародились уже постфактум, когда о Бриджит поползла дурная слава, но даже по ним можно судить о ее характере.

Независимость Бриджит, безусловно, досаждала ее мужу, но больше всего он страдал от другой ее привычки. В свободное время Бриджит Клири любила посещать так называемые «форты фей» (fairy forts) – руины, оставшиеся от жилищ древних обитателей Ирландии, или рощицы округлой формы, виднеющиеся на холмах. Эти места слыли обиталищами фей,

возле них старались не пасти скот, да и людям там делать было нечего.

Даже в конце XIX века феи, или фейри, оставались частью повседневной жизни ирландской провинции. Это были не умильные существа со стрекозиными крылышками, что порхали по страницам детских книг и учили маленьких англичан благонаравью. Настоящие же фейри могли утащить овцу, а если зазеваешься, то и ребенка. Истории о подменышах, уродливых сморщенных существах, оставленных фейри вместо похищенных детей, были у всех на слуху. Пожалуй, в каждой деревне кто-нибудь лично знал несчастную мать, которая буквально на минутку отошла, а как вернулась, то в колыбели вместо розовощекого малыша лежал такой вот престарелый гаденыш. Да не просто лежал, еще и еду требовал хриплым басом. К счастью, подменыша можно было изгнать – например, прижечь раскаленной кочергой, сунуть в ледяную воду, выпороть крапивой. После таких процедур фейри должны были забрать его и вернуть украденное дитя. Ну, теоретически. Хотя вернут ли на самом деле – другой вопрос. Иногда не возвращали.

Сами фейри могли быть любых размеров, от крошечных уродцев до прекрасных, излучающих свет гигантов. Кроме того, им ничего не стоило принять человеческое обличье или навести морок. Местные жители обращались к ним уважительно, величали «господами» и твердили «Благослови их Господь», как только разговор касался фейри (а этой темой, как ни крути, заканчивался почти любой разговор). Если после заката хозяйке требовалось выплеснуть на улицу грязную воду, она криком предупреждала фейри, чтобы те не замочили одежду – а то мало ли, вдруг они в потемках шастанут. На ночь для фейри оставляли угощение, а если еда падала со стола, то ее опасались подбирать – значит, фейри ее возжелали (впрочем, дети старались отщипнуть немножко от упавшего куска – на удачу). А уж прогулки по зачарованным рощицам были чистой воды самоубийством.

Однако Бриджит зачастила в нехорошие места, особенно после смерти своей матери в феврале 1894 года. Поговаривали, что ее матушка тоже зналась с фейри, и таким образом Бриджит искала встречи с покойницей – вдруг она не погибла, а ушла к Народу Холмов? Майкла ее эскапады приводили в бешенство. Дело в том, что его родная мать, тоже Бриджит, как-то раз пропала на несколько дней. Потом она объяснила, что все это время провела с фейри, но кто его знает, может, таким эвфемизмом она обозначила куда более прозаичный загул. Точно так же маячила вероятность, что в отдаленной роще, куда не совалась ни одна здравомыслящая душа, жена Майкла виделась отнюдь не с фейри. По одной версии, она встречалась с Джеком Демпси – скупщиком яиц. Возможно, Майкл Клири заподозрил измену и решил поквитаться с женой, используя местные суеверия в качестве предлога. Некоторые исследователи придерживаются именно этой версии. С другой стороны, нельзя исключать вероятность того, что его вера в фейри были неподдельной и он действительно надеялся спасти «свою Бриджи» от Народа Холмов.

История, которая всколыхнула публику по обе стороны Ирландского моря, началась в среду, 6 марта 1895 года. В тот день Бриджит Клири отправилась по своим обычным делам – разносить яйца клиентам. Уже с пустой корзиной она навестила Джона Данна, друга семьи, бывшего свидетелем у нее на свадьбе. Данна дома не оказалось, и Бриджит, как она уверяла впоследствии, два часа прождала на улице. Но коттедж Данна стоял у подножия холма, на котором и находился один из фортвов, так что вполне вероятно, что Бриджит поднялась на холм и скоротала время там. Затем что-то произошло. Возможно, размолвка с любовником? Или же Бриджит простудилась во время прогулки? Или... что-то еще? Так или иначе, домой она вернулась совсем разбитой. Ее трясло, руки похолодели, и, как бедняжка ни жалась к очагу, все не могла согреться. Весь следующий день она пролежала в постели, страдая от головной боли.

Болезни в этих краях тоже находились в прямой зависимости от колдовства. Поднялась температура – значит, кто-то сглазил. Ломит кости – в тебя попала стрела фейри. Свято веря во все это, родня Бриджит поначалу все-таки склонялась к лечению медицинскими средствами. Увидев, что жена совсем плоха, Майкл снарядил тестя за доктором. Приблизительно здесь история о жестокости фейри, которые запросто причиняют смертным вред, перетекает в историю о человеческой халатности и поразительной невежественности, а также об отчаянии, которое подчас принимает самые разрушительные формы.

Единственным врачом на весь округ был доктор Уильям Крин. Следуя установленной процедуре, пациенты записывались к нему на прием в амбулатории или, в тяжелых случаях, вызывали его на дом. Для этого в окружной администрации нужно было получить соответствующую карточку – черную для приема и красную для домашнего визита. Застать врача было крайне сложно, и Пэту Боланду ничего не оставалось, как прилепить красную карточку ему на дверь в надежде, что на следующий день доктор поспешит посетить Бриджит. Пока ее отец ездил к врачу, Бриджит вышла во двор, чтобы присмотреть за наемным работником, копавшим огород. Погода на улице была промозглая, так что через пару часов женщина слегла окончательно.

Врача прождали всю субботу и воскресенье, но он так и не появился. Тем временем Бриджит поили травками. Помочь ей пришла тетка – Мэри Кеннеди вместе с ее кузиной Джоанной. Поскольку доктор не пришел и в понедельник утром, рассвирепевший Майкл отправился в амбулаторию за новой красной карточкой, которая, увы, тоже не подействовала. 13 марта, на седьмой день болезни Бриджит, Майкл пришел в окружную администрацию, пожаловался на врача и потребовал, чтобы он немедленно осмотрел больную. А во время его отсутствия доктор, наконец, пожаловал в коттедж. Осмотрев больную, он диагностировал бронхит и нервное возбуждение, но, в общем и целом, нашел ее

здоровой и крепкой. По крайней мере, он заявил, что ее болезнь не угрожает жизни, а значит, и в повторных визитах врача Бриджит не нуждается. Хватит дергать занятых людей по пустякам. Сама же Бриджит все толковала своей тетке, что Майкл считает ее фейри. «Не обращай на него внимания», – успокаивала тетушка. Сейчас уже трудно с точностью установить, считала ли Мэри Кеннеди, что Майкл Клири угомонится со временем, или же она заговаривала зубы Бриджит, которую, как и Майкл, считала подменным.

По мере того как Бриджит становилось все хуже, родственники начали подозревать неладное. Майкл утверждал, что Бриджит на самом деле не его жена. Это волшебный подменный или ведьма, принявшая облик жены. Более того, он был уверен, что новая Бриджит на два дюйма выше прежней! Но если фейри заменили жену самозванкой, то, возможно, настоящую Бриджит еще можно спасти. Нужно лишь довериться легендам, гласившим, что похищенную женщину можно вызволить в течение 9 дней после ее исчезновения. Важно не упустить время, ведь счет дням уже начался.

То ли из-за отчаяния, вызванного бюрократическими проволочками, то ли из-за склонности к суевериям, а быть может, из мести, непонятную болезнь Майкл решил лечить колдовскими средствами. В тот же самый день, когда он разминутся с доктором Крино, Майкл отправился к местной знахарке. Она дала ему смесь трав, действовавших по принципу «кто враз не помер, тот до старости живет». По дороге от знахаря Майкл зашел в церковь и позвал местного священника, отца Райана. Народная мудрость гласила, что изгнать подменного проще, если рядом находится представитель церкви. Ирландские фейри весьма богобоязненны. Знал ли отец Райан об истинных намерениях Майкла, о том доподлинно неизвестно. Так или иначе, он посетил коттедж Клири и побеседовал с Бриджит. Священник нашел ее в здравом уме и трезвой памяти, но, ввиду ее слабости, провел обряд соборования. Ее болезнь показалась священнику чем-то вроде воспаления мозга, так что он решил не рисковать.

После его ухода Майкл начал действовать. Вместе со своим тестем и подросшим Джоном Данном он попытался напоить Бриджит травами. Бриджит сделала два глотка, но затем отказалась пить – травы были слишком горькими. Как известно, число три играет важнейшую роль в фольклоре, так что мужчины сочли ее отказ дурным знаком. Поскольку главным аргументом в общении с подменными является раскаленная кочерга, муж пригрозил Бриджит кочергой. Только тогда она выпила последний глоток, но лучше ей не стало. Травы не подействовали.

14 марта, на 8-й день болезни, Майкл отправился к другому знахарю – Дэнису Гейни. Лекарь и костоправ, Гейни был известен на всю округу. Методы у него были приблизительно следующие: когда к нему как-то раз привезли парализованного больного, Гейни вырыл в поле огромную яму, наполнил ее коровьим и свиным навозом, набросал прелой соломы и вылил все помои, которые только нашлись в крестьянском хозяйстве. В эту яму он и окунул паралика, который почти сразу вынырнул и побежал прочь, аж пятки сверкали. Снизойдя к горю Майкла, знахарь дал ему свой отвар, которым Майкл тем же вечером попытался напоить Бриджит.

Дома полудурка ждало еще одно потрясение – он узнал, что несколькими часами ранее скончался его отец. Для Майкла это был знак свыше. У него не оставалось сомнений, что фейри беспокоились и пытаются отвлечь внимание от подменного, причиняя вред близким Майкла. Он отказался присутствовать на бдении у гроба и остался дома, чтобы изгнать притворщицу-ведьму. На подмогу пришли родные и близкие – снова тесть и вездесущий Джон Данн, а также кузены Бриджит – четверо братьев Кеннеди, ее тетка Мэри Кеннеди и кузина Джоанна вместе с маленькой дочерью Кейти. Время от времени в коттедж заходили соседи, которые впоследствии рассказали о произошедшем в зале суда. По словам одного из них, мужчины вшестером прижали Бриджит к постели и заставили ее выпить какой-то зеленый отвар. «Глотай, ведьма!» – кричал Майкл Клири. После того как Бриджит насильно напоили отваром, он трижды повторил: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, скажи, ты – Бриджит, жена Майкла Клири?» После он плеснул ей на грудь то, что чопорные газеты

назвали «определенной жидкостью». На самом деле это была моча, которую, наравне с куриным пометом, часто применяли в подобных обрядах.

Поскольку Бриджит не могла четко и удовлетворительно ответить на вопросы, ритуал повторяли несколько раз. Незадолго до полуночи, Данн решил прибегнуть к традиционному методу изгнания подменышей – подержать его над огнем. Подхватив Бриджит, мужчины потащили ее к очагу и держали над тлеющими углями, продолжая задавать вопросы. Вероятно, травяной отвар Гейни затуманил женщине мозг, но от такого потрясения она, наконец, четко ответила на вопросы. Да, она была Бриджит, женой Майкла Клири. Да, она была Бриджит, дочерью Пэтрика Боланда. Да, да, да. Присутствующим показалось, что они слышат голос настоящей Бриджит, и все вздохнули с облегчением. Выходит, фейри (или ведьма, или что там было) наконец оставила ее тело? Несколько раз ее просили опознать присутствующих, и она смогла опознать их всех, Удовлетворенные, мужчины разошлись.

Один Майкл не был доволен. Он по-прежнему сомневался, что подменыша удалось изгнать. Ведь в легендах все по-другому! А тут ведь не было никаких звуковых эффектов, никто не вылетал в трубу. Сидя у догорающего очага, он думал свои тяжкие думы. И у него оставался всего один день.

Утром он снова пригласил священника отслужить мессу у них дома. В такой просьбе не было ничего необычного, и священник опять поговорил с Бриджит. Она казалась слабее прежнего. Отец Райан отметил, что рот у нее был совсем сухой и предложил ей выпить воды, чтобы она смогла проглотить облатку. Но, как он сообщил уже на суде, ему показалось, что Бриджит проглотит ее и так. В отличие от невнимательного священника, Майкл Клири и Джоанна следили за ней во все глаза. Они-то и заметили, что Бриджит выплюнула облатку. По церковным меркам, это было кощунство, а согласно фольклорным канонам Бриджит еще раз подтвердила, что является ведьмой. А кто еще не сможет проглотить Тело Господне?

Через некоторое время Бриджит попросила Джоанну купить парного молока. Майкл, который и так был на взводе, – по его словам, он не спал 9 ночей напролет – прицепился к этому, казалось бы, незначительному факту. Ведь парное молоко – любимое лакомство фейри! Нет уж, не молоко ей, пусть отвар пьет! И вообще, как она за него заплатила? Джоанна показала Майклу шиллинг, который ей дала кузина. И тут произошло странное: Бриджит потребовала шиллинг назад, взяла его, сунула под простыню и потерла о свою ногу. Считалось, что если фейри потрут о ногу любой предмет, то могут превратить его в деньги. Непонятно, зачем Бриджит вновь напомнила полупомешанному мужу о фейри – то ли хотела его подразнить, то ли сама уже уверилась в том, что является подменшей. Ее выходка стало последней каплей. Майкл не слушал. Даже когда Бриджит велела привести соседей, чтобы те могли ее опознать, Майкл гнул свою линию. Вчера ночью ничего не получилось. На месте Бриджит оставалась ведьма.

Вечером Бриджит, ни с того ни с сего, попросила помочь ей одеться в лучшее платье. Она сказала, что «хочет предстать перед людьми». Вполне возможно, что она имела в виду своих родственников, которые уже вернулись с бдения и сидели в общей комнате. С другой стороны, «люди» – это еще один эвфемизм для «фейри». Майкл и Джоанна помогли ей выйти и сесть у камина. В молчании они просидели некоторое время, как вдруг Майкл набросился на жену. Он швырнул ее головой о камни перед очагом, порвал на ней платье и, надавив коленом ей на грудь, начал задавать все тот же вопрос. Из рта ее пошла кровь. Тогда Майкл схватил лампу, облил живот Бриджит маслом и поджег. По словам маленькой Кейти, которая видела все это своими глазами, «Бриджит вспыхнула, как факел». Она не кричала и не оказывала сопротивления. Возможно, из-за выпитых трав вкупе с ударом по голове она была без сознания. Хочется верить, что она уже не чувствовала боли.

Помимо малышки Кейти в коттедже было полно родни. Там была Джоанна, похоже, единственная, кто пытался остановить Майкла. Там была Мэри Кеннеди и отец Бриджит, Пэт Боланд. Четверо братьев Кеннеди храпели в спальне. Когда в комнате началась суматоха, они вскочили, но не стали мешать Майклу. Создается впечатление, что все они просто стояли и смотрели. Тесное помещение наполнилось дымом и смрадом от горячей

плоти, но никто не решался открыть дверь. Дико таращась по сторонам, Майкл вопил, что никто отсюда не выйдет, пока ему не вернут жену. Он ждал, когда же подменыш вылетит в трубу. А как только это произойдет, Бриджит должна вернуться с минуты на минуту! Когда стало ясно, что Бриджит мертва, он вместе с тестем затолкал ее тело в очаг, чтобы фейри проще было улететь прочь. Они смотрели и ждали. Но ничего не происходило.

В спешке Майкл придумал другой план. Возможно, ничего и не должно произойти. Они закопают тело подменыша, а потом вернутся за Бриджит, которую фейри держат в волшебном форте. Нужно дождаться, когда она выедет из холма на сером скакуне, привязанная веревками к седлу. Согласно легенде, в этот момент следует выскочить перед ней с ножом, разрезать веревки и освободить пленницу. Три ночи подряд Майкл Клири бродил по холму. С собой у него был нож и револьвер. Последний он взял у приятеля – правда, таким образом Майкл хотел воздействовать не на фейри, а на своих трусливых родственников, которые боялись идти к форту ночью.

На утро после сожжения, Майкл вновь прибежал к отцу Райану и сообщил о содеянном. Возможно, он хотел не только покаяться, но и позвать священника на подмогу. Вдруг святой отец повлияет на фейри и те вернут Бриджит, живой и невредимой? Отец Райан дал знать полиции, хотя и не сообщил подробности произошедшего – просто сказал, что в исчезновении Бриджит Клири что-то не ладно. Своих соучастников Майкл заставил сказать, что Бриджит убежала из дома в пятницу ночью, и никто ее с тех пор не видел. Но полиция не прекращала поиски. 22 марта в неглубокой могиле было обнаружено тело Бриджит Клири. Коронер установил смерть от обширных ожогов. Майкл Клири предстал перед судом, а вместе с ним еще 8 человек, включая обеих женщин. Под давлением следствия именно Джоанна выступила основным свидетелем. В своих показаниях она изо всех сил старалась обелить своих братьев и Майкла Клири, а всю вину валила на Джона Данна, который надоумил Майкла испытать подменыша огнем. Майкл Клири получил 20 лет тюрьмы с каторжными работами, однако был выпущен на свободу через 15 лет. Его сообщники тоже получили тюремные сроки.

Ввиду того, что вся родня покойницы пребывала за решеткой, за телом Бриджит никто не явился. Церковь тоже не хотела связываться с таким странным происшествием (а кто его знает, что там было на самом деле?) Тело несчастной положили в наспех сколоченный гроб, и двое констеблей в сопровождении деревенских парней отнесли его на кладбище. После заката, разумеется, всех плохих покойников хоронят так. Там они отыскивали могилу ее матери, притулившуюся у самой стены. Гроб Бриджит они оставили за низкой каменной стеной, а сами выкопали яму и, стоя на стене, осторожно опустили туда гроб так, чтобы он не коснулся поверхности земли (может, там, в глубине, земля не такая освященная, как снаружи). Все приличия были соблюдены. Наконец-то Бриджит оказалась подле своей матери. На обеих могилах не было табличек с именами – возможно, старшая Бриджит и правда зналась с фейри.

Вскоре после похорон Джек Демпси, человек, с которым встречалась (?) Бриджит в роще, покончил с собой.

Английские газеты раздули скандал, ирландцев вновь называли невежами и варварами, за компанию досталось и папистам. А ребяташки в Типперэри еще долго повторяли стишок: «Кто ты – ведьма или фейри, иль супруга Майкла Клири?»

Колодки, плети и намордники

По части публичных наказаний англичане XIX века оплошали. Порядок и благопристойность охватывали все сферы жизни, добравшись, в конце концов, и до смерти, так что наказания утратили былую зрелищность. Если в минувшие века правители публично демонстрировали свою власть на телах осужденных, дабы вселить страх в остальных подданных, в XIX веке казни начали прятать от людских глаз. Как писал французский историк Мишель Фуко, *«из наказания исключается театрализация страдания. Начинается*

эра карательной сдержанности» [35]. На рыночных площадях раздавалось лишь кудахтанье кур, а не стоны у позорного столба, с улиц исчезло привычное зрелище – телега, на которой кого-нибудь пороли. Что и говорить, жизнь становилась скучнее. Горожане разочарованно вздыхали, вспоминая денечки, когда можно было приятно и поучительно провести выходные, наблюдая, как окунают в пруд вредную соседку. Давайте вместе с ними повспоминаем былое и проследим, какие наказания продержались до викторианской эпохи.

Начнем мы с неприятных, но наименее травматичных кар. Даже в XVIII веке почти каждый город в Англии был оснащен колодками, а также стулом для окунания в воду и позорным столбом. Как можно претендовать на цивилизацию, если таких насущных инструментов нет под рукой! Колодками наказывали за воровство, избиение жен, неподчинение хозяевам, бродяжничество, нарушение заповеди о дне субботнем, азартные игры, пьянство, гадание, и т. д. Наказание применялось со стародавних времен – в рукописях XII века находят изображение колодок. Они упоминаются и в «Короле Лире» Шекспира, когда Корнуолл приказывает подобным образом унижить Кента. Неудивительно, что король Лир остолбенел, а потом разъярился от такой дерзости – колодки считались плебейским наказанием, не для джентльменов и уж точно не для королевских слуг.

Колодки представляли собой две толстые тяжелые доски, между которыми находились зазоры для ног осужденного. Доски смыкались и запирались на замок. Ноги вытащить было невозможно, приходилось сидеть на площади, сколько скажут. А вид человека в колодках, который не может догнать и дать пинка в ответ, провоцировал прохожих на всевозможные пакости. В наказанных с удовольствием швыряли гнилыми овощами, а то и камнями.

В Средние века встречались даже колодки для пальцев. Казалось бы, мелочь, но уж очень неприятная. Деревянный зажим с отверстиями для пальцев тоже запирался на замок, и сунув палец в дырочку, его оттуда было уже не вытащить. Один палец мог удерживать наказуемого на месте, а судя по обилию отверстий на зажимах, таким образом наказывали сразу несколько человек. Доставалось и слугам в богатых домах, и тем, кто нарушал церковные каноны.

Помимо колодок для ног и пальцев существовал еще один вид колодок – pillory, которые на русский обычно переводят как «позорный столб». На самом деле, принцип работы был точно таким же, как у колодок для ног, с той лишь разницей, что в отверстия просовывали руки и голову. Осужденному приходилось стоять, а не сидеть. Предусмотрительные провинившиеся захватывали с собой лопатку, которой можно было защищать лицо от града камней. Правда, спина и остальные части тела все равно оставались отличной мишенью для метальщиков. Вся надежда на родных и друзей. В 1806 году в Гастингсе некую Мэри Вин связали за то, что она помогла преступнику вырваться из колодок.

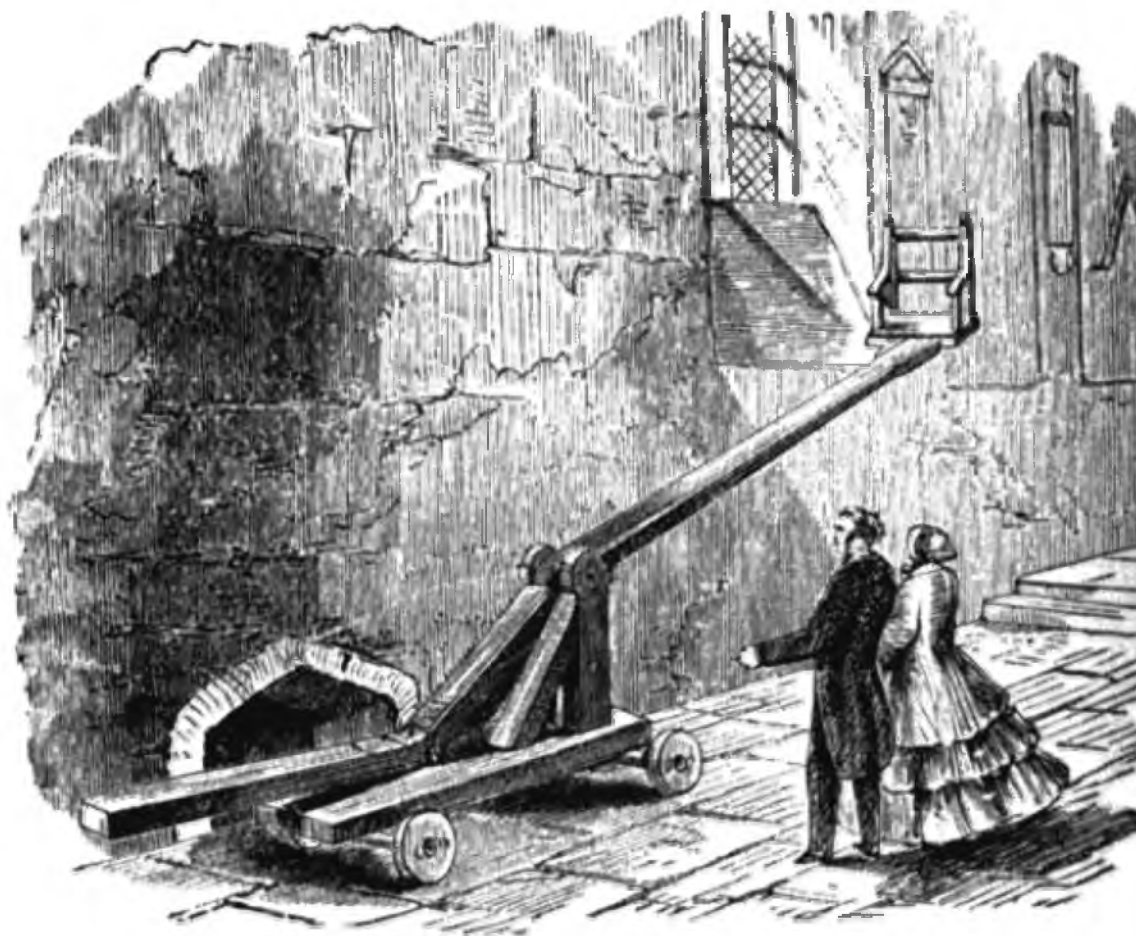
Колодки и позорный столб в Воллингфорде, Оксфордшир. Рисунок из книги Уильяма Эндрюса «Наказания былых времен». 1899

Стояние у столба плавно перетекало в смертную казнь, если преступник успевал как следует насолить соседям. Весьма печально закончилась карьера знаменитой сводницы XVIII века Элизабет Нидхэм. Мамаша Нидхэм поставляла проституток высокопоставленным клиентам, заманивая в сети порока девиц из провинции, приезжавших в Лондон на заработки. Ее сомнительная деятельность так опостылела столичным моралистам, что они добились ее ареста за нарушение общественного порядка. Помогло им еще и то, что один из ее клиентов недавно был осужден за изнасилование. К стоянию у позорного столба сводница подготовилась тщательно, наняла телохранителей и прихватила лопаточку, чтобы прятать лицо. Но все впустую! Толпа так рьяно закидывала ее камнями, что пару дней спустя мамаша Нидхэм испустила дух. На тот свет старая сводня утянула еще одну жертву – чтобы получше разглядеть ее позор, какой-то сорванец вскарабкался на фонарь, но упал на железную ограду и умер на месте.

Начиная с 1837 года, колодки и позорные столбы убирали с площадей под ропот горожан, которые недоумевали, что же теперь делать с гнилыми овощами и фруктами. Но традиции отмирают не сразу. Настоящие ретрограды проживали в корнуолльском городке Труро, где колодки тешили взор даже в 1840-х. 4 октября 1844 года газета «Зе Уэст Бритон» писала: «В прошлый понедельник мы стали свидетелями омерзительного зрелища: двух старух, печально известных пьяниц, на шесть часов оставили в колодках на Боскавен-стрит перед рыночными воротами. Одна из них спокойно сидела на рассыпанной соломе, подперевшись подушкой, и вязала, не обращая ни малейшего внимания на собравшуюся толпу. Зато вторая старуха, у которой не нашлось подушки и которая, вдобавок, страдала от болей в ногах, не прекращала рыдать» [36]. Четыре года спустя точно так же наказали

девицу Элис Мортон. Не желая платить штраф за пьянство, девушка сбежала из городка, а когда надумала вернуться, ее уже поджидала полиция. По приказу мэра девушку посадили в колодки. Журналисты возмущались замшелыми взглядами мэра, но горожане наверняка были довольны – такая забава, да еще и бесплатно!

Второй пункт в нашей скорбной повести – стул для окунания в воду (ducking-stool) с целью остудить чересчур горячую голову. Хотя это наказание похоже на способ выявления ведьмы, когда женщину связывали и бросали в воду, принцип действия у него был другой. В случае с подозреваемыми в ведовстве, судьи смотрели, всплывет женщина или утонет. Если утонет, то прими Господь ее душу, если всплывет, то можно вытащить ее и добить на берегу. Но стул, прикрепленный к длинному рычагу, использовали иначе – окунали преступницу с головой, но держали под водой недолго. Наказание, преимущественно женское, применялось для невожатых на язык – для тех, кто скандалил, ругался и сквернословил. Когда стул не был в употреблении, рычаг запирали на замок, потому что у местных ребятишек всегда было искушение поиграть с забавной штуковиной. Последней англичанкой, наказанной подобным образом, была некая Дженни Пайпс, которую окунули в воду в 1807 году.

Стул для окунания в воду в Леоминстере, Херефордшир. Рисунок из книги Уильяма Эндрюса «Наказания былых времен». 1899

Другим способом укоротить слишком длинный язык был железный намордник (branks или scold's bridle), напоминающий клетку для головы, иногда с кляпом. Так развлекались в основном в провинции, где к сплетницам относились с особой суровостью – как соберутся у колодца, как начнут клеветать на честной народ! На говорунью надевали намордник, от которого тянулась цепь, и в таком виде женщину вели по улице до ближайшего позорного столба. До чего же тяжело, когда со всех сторон улюлюкают соседи, а у тебя нет возможности

огрызаться! А все потому, что в железный кляп, давивший на язык, иногда вставляли иголки – чуть шевельнешь языком, и его пронзает нестерпимая боль. Тут уж навсегда расхочется болтать.

Женщина в наморднике. Рисунок из книги Уильяма Эндрюса «Наказания былых времен». 1899

Англичане XIX века с ужасом взирали на затеи милой старины, однако перегибы на местах тоже случались. К примеру, в графстве Чешир намордник в последний раз применяли в 1834 году. Жители Олтринхэма, что в предместьях Манчестера, в 1820 году решили выгулять в наморднике местную старушку, которая допекла всех сквернословием. Но у бабушки отнялись ноги, и милосердные горожане возили ее по улицам в тачке – не отменять же наказание по столь незначительному поводу! В тюрьме Престона, графство Ланкашир, намордником наказывали за ругань и богохульство, причем в последний раз заключенные примерили его в 1850 году. Правда, в середине века наказание показалось таким вопиющим, что вышестоящее начальство изъяло у тюремщиков варварский инструмент.

Еще в XVIII веке публичная порка была обычным, чтобы не сказать заурядным, зрелищем. Подобным образом карали разнообразные преступления, но в основном бродяжничество, проституцию и воровство. Можно сказать, что преступникам везло: какой бы болезненной ни была экзекуция, а все же лучше, чем смерть. По закону вору грозило повешение, если стоимость похищенного имущества превышала 5 шиллингов, но присяжным не хотелось брать на душу грех, и воров приговаривали к наказаниям помягче. Например, в Гастингсе в 1747 году Джейн Берчетт высекли за то, что она подговорила своего ребенка стянуть деньги у отца, в 1754 году Элизабет Релф наказали за «кражу птицы, именуемой курица», в 1776 году – вдову Энн Колбрэн за кражу двух носовых платков общей

стоимостью 10 пенсов. Похожие преступления и наказания встречались по всей стране. Хотя попадались и более оригинальные случаи: в 1746 году у столба для порки пришлось постоять некоей Мэри, любительнице мужских костюмов. Под именем Джордж Гамильтон она сумела 14 раз вступить в брак, а донесла на нее уже последняя жена, ее же тезка Мэри Прайс. Обманщицу приговорили к публичной порке, однако не стали переодевать в женское платье – отстегали прямо в брюках.

В тех городишках, где не было позорного столба, полагались на телегу. Уж она точно отыщется в любом хозяйстве! Обнаженного по пояс преступника привязывали к телеге, которая останавливалась на перекрестках, чтобы палач угостил беднягу плетью-девятихвосткой. Катилась телега очень медленно, так что неприятности могли растянуться на несколько часов. Со слабым полом англичане не церемонились и привязывали женщин к телегам наравне с мужчинами. Довольно часто эти наказания проводились сразу после церковной службы, чтобы прихожане успели как следует отдохнуть и соскучиться по острым впечатлениям и не расходились.

Махать плетью три часа напролет – занятие не из легких. Так и плечо разболится! Городские власти признавали вредность работы и щедро платили палачам. В 1767 году Томас Терлис, палач из Миддлсекса, брал по 10 шиллингов за экзекуцию мужчины и по 5 за наказание женщины. Остается лишь гадать, почему он оценивал женщин в два раза дешевле? Возможно, наказание не затягивалось или же проводить время в женской компании было гораздо приятнее, чем в мужской.

Публичная порка женщин была отменена в 1820 году, а в 1830-х прекратили привязывать к телеге и мужчин. Один из последних случаев произошел в Лондоне в марте 1831 года: *«После вынесения им приговора на судебном заседании в Суррее, в пятницу утром Сэмюэля Криди и Уильяма Харримана публично высекли, привязав к телеге, проехавшей 150 ярдов (137 м) по Ватерлоо-роуд, Ламбет. Преступников, принадлежавших к банде Сорока Воров, обвиняли в краже пальто из кареты. Харриман стойчески вынес наказание, зато Криди кричал в голос. После наказания обоих препроводили в таверну „Герцога Сассекского“, где их спины натерли бренди, а затем вернули в тюрьму Брикстон»* [37].

В местах не столь отдаленных: английские тюрьмы

Тюремная жизнь в викторианской Англии тоже была гораздо скучнее, чем в предыдущие века. Ньюгейт, древнейшая лондонская тюрьма, расположенная напротив центрального уголовного суда Олд Бейли, никогда не считалась курортом. «Черный, как Ньюгейт» – говорили лондонцы с оглядкой на ее потемневшие стены. Внутри было еще мрачнее: сырость и невыносимое зловоние от сотен немывтых тел, лежавших вповалку на полу. Однако господа побогаче рассчитывали как минимум на отдельную камеру, где можно было покутить напоследок. В XVIII веке в Ньюгейт могла проскользнуть любая женщина, назвавшись чьей-нибудь родственницей, так что пирушки с вином и гулящими девицами были не редкостью. Преступницы тоже предавались радостям любви – еще бы, ведь беременная могла отсрочить казнь или вовсе ее избежать. В общем, жили узники тесно, грязно и недолго, зато весело и с огоньком.

Ньюгейт был не единственной темницей Лондона: в Сити существовало шесть тюрем, в Саусварке – семь, и по две в Клеркенуэлле, Степни и Вестминстере. В восьми тюрьмах, включая Флит, Кингз Бенч и Маршалси, содержались исключительно должники. В 1824 году в долговой тюрьме Маршалси провел три месяца Джон Диккенс, отец будущего романиста. Родные могли посещать заключенного в тюрьме и даже проживать вместе с ним, но сам должник не мог покинуть ее стены до уплаты долга. Впоследствии Чарльз Диккенс подробно описал Маршалси в романе «Крошка Доррит» (1857).

У причала в Вулвиче на волнах покачивались тюремные корабли. Дело в том, что после Войны за независимость США в 1770-х Британия внезапно лишилась еще одной колонии для высылки преступников. Парламент распорядился выделить под тюрьму несколько кораблей,

пока не станет ясно, что делать с арестантами. Временные меры растянулись на целых 80 лет. Утром заключенные уходили работать на берег, вечером возвращались в плавучие камеры. Многих проштрафившихся англичан высылали в Австралию, но в 1853 году законодатели посчитали, что незачем сливать в колонии английские помои. Прекращение ссылок на австралийский континент огорчило преступников, рассчитывавших обрести в колониях дивный новый мир. Женщины часто находили в ссылке мужей, обзаводились детьми, вставали на ноги. Теперь же дорога, не петляя, вела их в тюрьму, да еще какую!

В XIX веке на смену обветшавшим узилищам пришли тюрьмы нового образца: в 1816 году открылась тюрьма «Миллбэнк», в 1817 – «Брикстон», в 1842 – образцовая тюрьма «Пентонвилл», в 1851 – «Вандсворт», в 1852 – «Холлоуэй». С первого взгляда новые тюрьмы производили благоприятное впечатление: они были гораздо чище и просторнее, без склизких стен и зловонной соломы на полу. Но у цивилизованности была и обратная сторона. В XIX веке велись дебаты о том, как эффективнее всего контролировать поведение заключенных, и особое опасение вызывало их общение между собой. Не хватало еще, чтобы тюрьма превратилась в университет, где неоперившаяся молодежь учится у опытных злодеев. Но как предотвратить какое бы то ни было общение, даже бытовое? Ответ лежал на поверхности – просто-напросто запретить все разговоры.

Тюрьмы уподобились монастырям, где братия поголовно дала обет молчания. Такая система практиковалась, например, в «Колдбат Филдз» и «Тотхилл Филдз». Хотя заключенные спали в общих спальнях, в течение дня им запрещено было общаться – как во время работы, так и во время еды или прогулки по тюремному двору. Открыть рот позволялось только в часовне во время церковной службы, на исповеди, вероятно, но даже в церкви заключенным не давали забыть об их участи. Каждый сидел в кабинке, отделенной от соседней стеной, так что переговариваться было трудно. Интересно, что ловкачи пользовались уединением в кабинке, чтобы пилить пол во время коленопреклонения. За несколько недель некий арестант «Пентонвилла» сумел проковырять такую дыру, через которую умудрился бежать в самый разгар службы.

Камера в тюрьме «Пентонвилл». Рисунок из книги Генри Мэйхью «Криминальные тюрьмы Лондона и сцены тюремной жизни». 1862

Но чем постоянно одергивать шепчущихся и перемигивающихся узников, не проще ли разогнать их по одиночным камерам? Такого мнения придерживались основатели «Пентонвилла», где провел некоторое время Оскар Уайльд. В тюрьме насчитывалось 520 одиночных камер, которые многим современникам казались чересчур комфортабельными. Отопление зимой, большое окно, удобный гамак, туалет по последнему слову техники и ткацкий станок для работы – просто рай на земле! Да туда половина Ист-Энда попросится! Однако в «Пентонвилле» царила настолько угнетающая обстановка, что заключенные сходили с ума в два раза чаще, чем в других тюрьмах. Одиночество было тотальным, ведь даже на прогулке узникам надевали маски, полностью скрывавшие лицо. Казалось, будто по двору в молчании бродят ожившие скелеты. Поднимешь маску – сразу в карцер, где шесть дней придется просидеть в крошечной тьме на хлебе и воде. Единственным опознавательным знаком был номер, нашитый на тюремной робе, но личность за этим номером было не разглядеть.

Кормили в тюрьмах скудно, но сносно. В «Миллбэнке» арестанты получали 350 мл какао и 230 г хлеба на завтрак, 140 г мяса, 450 г картофеля и 170 г хлеба на обед, 470 мл жидкой овсянки и 230 г хлеба на ужин. Однако стоит учесть, что заключенные не сидели без дела. Во многих тюрьмах им давался выбор – щипать пеньку или заниматься ремеслом, например, шить одежду или мастерить обувь.

Совсем иначе обстояли дела с каторжными работами (hard labour). Каторжные работы назначались за целый ряд преступлений, включая похищение людей, попытку изнасилования, попытку ограбления, нападение на полицейского, мошенничество, кражу собак, участие в мятеже, браконьерство, незаконную уборку мусора, кражу фруктов и другие злодеяния разной степени тяжести. Пользы от каторжной работы не было практически

никакой. Тяжкий и совершенно бессмысленный труд являлся самоцелью, потому что изнашивал не только тело, но и нервы. Работа ради работы, наказание ради наказания.

В «Колдбат Фидлз», тюрьме с типичным режимом, арестанты тратили на каторжный труд 8 часов в день. Одним из занятий было перетаскивание пушечных ядер по двору: мужчины выстраивались на расстоянии трех метров друг от друга, один из них поднимал с земли ядро и клал на землю возле соседа, который должен был тащить его дальше. Арестанты тяжело дышали, от пота у них скользили руки, но упражнение продолжалось ровно 1 час 15 минут. После заключенные шли к ступальному колесу (treadwheel), которое представляло собой горизонтальный цилиндр с 24 ступенями снаружи. Можно было почувствовать себя белкой в колесе, точнее – белкой на колесе. Здесь арестанты проводили в общей сложности 0,5 часа в день, а в перерывах щипали пеньку. Иногда колесо приспособляли для тюремных нужд: в тюрьме Бодмин, Корнуолл, арестантки работали на колесе по восемь часов в день, перемалывая зерно для кухни и близлежащей психиатрической лечебницы. Тем, кто из-за возраста или слабого здоровья не мог крутить колесо, было уготовано иное занятие – железный барабан с ручкой, которую нужно было повернуть 10 тысяч раз в день (количество поворотов отмечалось на особом табло). Что ж, если арестанты не сходили с ума от скуки, то уж точно имели возможность накачать крепкие мускулы. На свободе пригодятся.

В Лондоне и предместьях было несколько женских тюрем, самая известная – в Брикстоне. Попадая в Брикстон, первые четыре месяца арестантка проводила в одиночной камере. Визиты в это время были строжайше запрещены. Через четыре месяца ее переводили в общее отделение, хотя разговаривать с товарками по несчастью ей по-прежнему запрещалось. За хорошее поведение женщина получала право посещения и переписки, а также небольшой недельный заработок. Подразумевалось, что после выхода на свободу эти деньги позволят ей встать на ноги, а не осядут в ближайшем кабаке. Арестантки работали в прачечной, шили и вязали, в свободное время учились грамоте.

Когда бытописатель Генри Мэйхью добрался до Брикстона, надзирательница охотно сплетничала с ним о прошлом своих подопечных: *«А та, что идет к нам навстречу, (...) получила пожизненное за убийство своего мальчика. А ведь по ней даже и не скажешь! (...) Ее поведение у нас всегда было безупречным, ну точно ягненок. Мне кажется, она искренне раскаивается. А вон та и вовсе одна из лучших наших заключенных, а ведь направили ее сюда за то, что откусила мужчине ухо! Правда, он очень грубо с ней обращался, прежде чем она так сорвалась. Но в основном все тут за воровство и, вообще говоря, вели они беспутную жизнь»* [38].

Арестант Пентонвилла и арестантка Миллбэнка. Рисунок из книги Генри Мэйхью «Криминальные тюрьмы Лондона и сцены тюремной жизни». 1862

Та же надзирательница потешалась над кокетством арестанток, которые даже за решеткой думали о нарядах: некоторые набивали уголь в кромку платья, чтобы юбки казались пышнее, плели жесткие корсеты из проволоки, делали кольца из оловянной фольги с пуговиц и припудривались известкой. Для новорожденных и детей постарше при тюрьме имелся детский сад. Детей, достигших двух лет, отправляли в рабочий дом, но после 1860 года женщинам было позволено оставлять детей при себе до конца срока. Как и их матери, дети носили синюю униформу в белую крапинку.

Малолетних преступников отправляли в «Тотхилл Филдз», бывшую тюрьму «Брайдуэлл». По данным на 1851–1852 годы 55 арестантов моложе 14 лет оказались в тюрьме за кражу товара на сумму 6 пенсов и ниже. Мелкие воришки отбывали срок от нескольких дней до полугода. В большинстве своем они были рецидивистами, в их послужном списке насчитывалось вплоть до 17 отсидок. Воровство из карманов было самым распространенным преступлением, но попадались и более оригинальные злодеяния – например, кража морской свинки или кручение волчка в неподобающем месте. «Почему ты украла ботинки?» – поинтересовался Генри Мэйхью у восьмилетней крошки. «Дык у меня ж своих не было», – отвечала девочка, получившая три месяца тюрьмы. Что ж, зато теперь у нее не мерзли ноги. Некоторые дети демонстративно били на улицах стекла и фонари, дожидаясь, когда же появится «бобби». По крайней мере, в тюрьме можно было рассчитывать на неплохую кормежку, горячую ванну раз в месяц и самые настоящие сапоги!

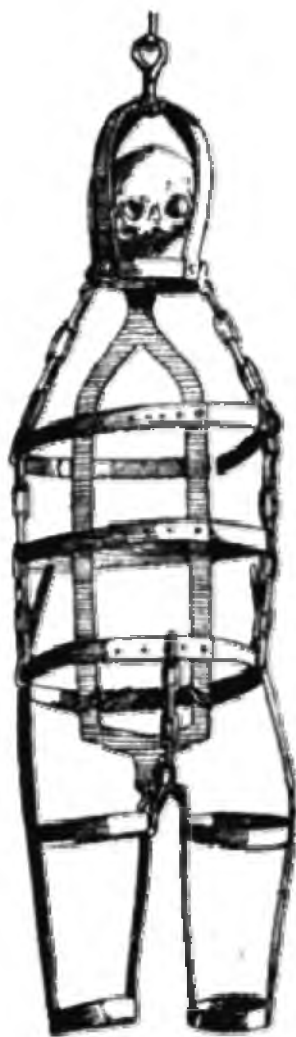
Почему бы не скоротать в таких условиях зиму?

Наказания в тюрьмах XIX века были весьма умеренными по сравнению с веками предыдущими. Взять, скажем, статистику за 1853 год. В тюрьмах Англии и Уэльса содержалось 142 166 арестантов обоего пола и всех возрастов. К ним были применены следующие наказания: наручники и кандалы (75 мужчин, 15 женщин), порка (173 мужчины, ни одной женщины), заключение в карцере (6915 мужчин, 860 женщин), заключение в одиночной камере (5584 мужчины, 1085 женщин), урезание рациона (31 389 мужчин, 5277 женщин), другие наказания (13 491 мужчин, 374 женщины). Напрашивается вывод, что чаще всего арестантов морили голодом. Порка осуществлялась плетью-девятихвосткой (вплоть до 36 ударов), но с 1820 года к женщинам уже не применялась. Канули в прошлое времена, когда проституток стегали плетью перед судьей, а они умоляли его опустить молоток и тем самым остановить истязание. В остальном же преступниц наказывали так же строго, как и мужчин. Например, в 1842 году десятилетнюю Кэтрин Бэнкс из Гастингской тюрьмы на семь дней посадили на хлеб и воду за воровство тюремной собственности, после чего ей были назначены 3 месяца каторжных работ и заключение в одиночной камере последнюю неделю каждого месяца. Непроницаемая темнота карцера до того страшила арестанток, что они кричали и отбивались, пока их волокли по коридору дюжие охранники из мужской тюрьмы.

От костра до петли

Что касается казней, викторианцы с ужасом (или, наоборот, с ностальгией?) вспоминали жестокости прошедших веков. Предки не миндальничали с преступниками. Чего стоит только повешение живьем в цепях или узкой клетке! В 1777 году в клетке подвесили разбойника Джона Уитфилда, застрелившего путешественника на большой дороге. Дни напролет жители деревушки Уэзерэлл, Камбрия, затыкали уши от его жалобных воплей, но никто не вынес ему хлеба – как бы рядышком не повиснуть. Мучения грабителя прекратил кучер проезжавшей мимо почтовой кареты, который и пристрелил беднягу.

Своеобразным юмором отличались приговоры отравителям. Нет, их не угощали отравленной кашей из котла. Их варили в котле. В 1531 году Генрих VIII учредил такое наказание специально для Ричарда Роуза, повара епископа Рочестерского (а четырьмя годами позже казнил и самого епископа, но куда более приземленным способом – отсечением головы). В своей лондонской резиденции епископ подкармливал нищих, но повар не разделял его человеколюбия. Не проще ли отравить попрошайек? Вот он и отравил. На беду отравленную кашу отведали члены семьи и слуги епископа, а когда у них разболелись животы, всплыла страшная правда. Недолго думая, король распорядился пустить повара на бульон. На казнь Ричарда Роуза в Смитфилде собралась невиданная толпа народа – в кои-то веки казнь отличалась новизной! В 1547 году милосердный Эдуард VI отменил жестокий указ, но к тому времени заживо успели сварить еще двух слуганок-отравительниц.

Клетка для повешения. Рисунок из книги Уильяма Эндрюса «Наказания былых времен». 1899

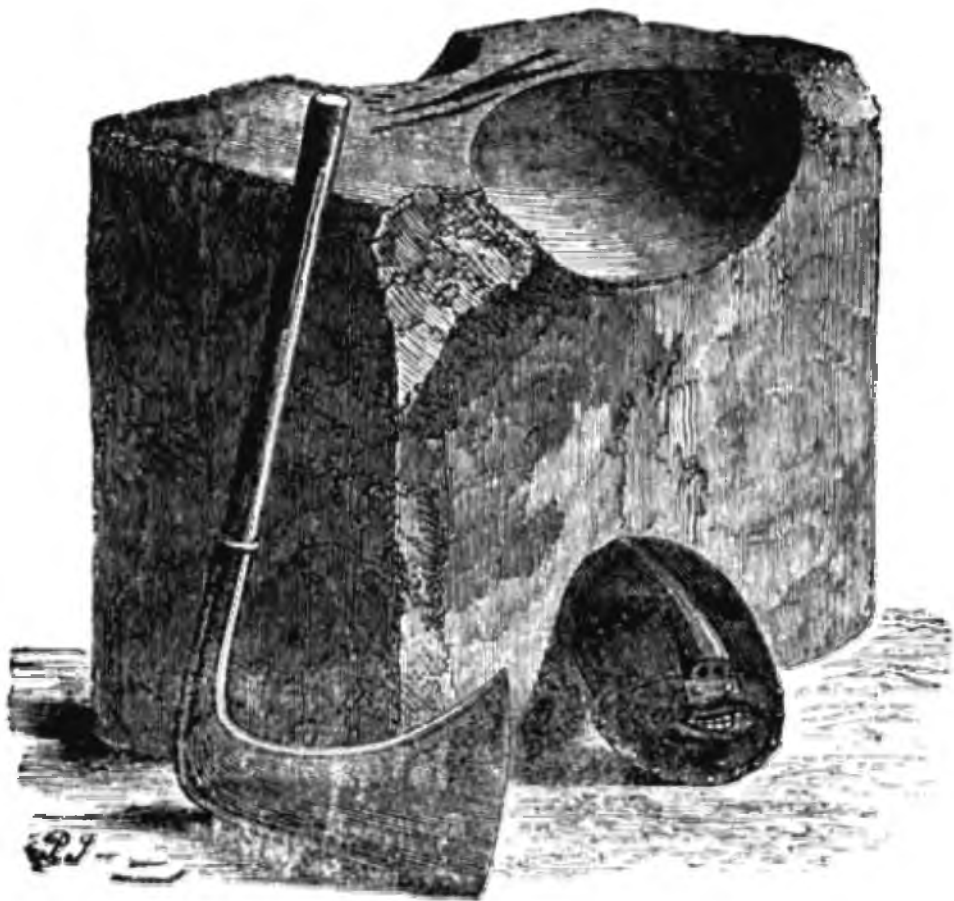
Впрочем, это была еще не самая чудовищная казнь. Государственную измену и покушение на жизнь монарха карали многоступенчатой карой «hanging, drawing and quartering». К эшафоту преступника волокли на решетке, чтобы дать зрителям возможность выразить ему свое презрение. Затем его подвешивали, но не до смерти. Веревку перерезали, и начиналась кровавая фантасмагория: его кастрировали и потрошили, а если он оставался жив, то мог наблюдать, как жгут его внутренности. Казнь завершалась отсечением головы и четвертованием, после чего преступника по кускам выставляли на городских воротах. Именно так встретил смерть свободолюбивый шотландец Уильям Уоллас, известный по фильму «Храброе Сердце». Но казнь применялась и в более поздние времена. В 1660 году таким мучениям подвергся генерал-майор Томас Гаррисон, один из сторонников Оливера Кромвеля, вынесших смертный приговор Карлу I. Посмотреть на казнь собрались тысячи, среди них и Карл II, сын обезглавленного короля. Зрелище получилось впечатляющим: когда палач вскрыл преступнику живот и вытянул кишки, Гаррисон нашел в себе силы дать мучителю тумака. Мужественный поступок, что и говорить. С другой стороны, не лучше ли быть без сознания, когда из тебя вытаскивают внутренности?

На костре сжигали не только ведьм и еретиков, но и фальшивомонетчиц, а также женщин, убивших своих мужей. Последних тоже обвиняли в измене, но «малой» (petty treason), т. е. в покушении на жизнь лица, которому убийца должен хранить верность. На эшафоте воздвигали шест, преступницу усаживали на стул и привязывали к шесту удавкой за

горло. Хворост у основания шеста поджигали, но прежде чем огонь добирался до приговоренной, стул отодвигали, чтобы она задохнулась и тем самым избежала еще более мучительной смерти. Например, в 1722 году Элеанор Элмсом приговорили к смерти за убийство супруга. Перед казнью ее одежду вымазали дегтем, на голову ей нацепили пропитанный дегтем чепец. В таком виде женщину подвели к шесту, заставили встать на бочку и привязали цепями. На шею ей накинули удавку, другой конец которой был прикреплен к шесту посредством шкива (колеса с ободком по окружности для передачи движения приводному ремню. – *Ред.*). После всех приготовлений палач затянул веревку, и женщина задохнулась, прежде чем ее тело обьяло пламя.

Трудоемкий метод срабатывал не всегда. В мае 1726 года в Тайберне казнили Кэтрин Хэйес, тоже приговоренную к смерти за убийство мужа. Вместе с двумя сообщниками, Биллингом и Вудом, она напоила супруга допьяна, после чего мужчины убили его и, чтобы замести следы, расчленили тело. Именно Кэтрин предложила отрубить голову и захоронить ее подальше, тем самым затруднив опознание. Но голову, которую убийцы бросили в Темзу, вскоре обнаружили и выставили на шесте во дворе церкви Сент-Маргарет в расчете, что кто-нибудь ее опознает. Так и произошло. Трех убийц приговорили к смертной казни, но Вуд скончался от лихорадки еще в тюрьме. Биллинга повесили, а после смерти тело оставили болтаться в цепях возле того пруда, куда он сбросил останки Хэйеса. Кэтрин ожидал костер, но огонь вспыхнул так быстро, что палач обжег руки, когда затягивал удавку. Он отскочил, а Кэтрин еще долго кричала и пыталась оттолкнуть от себя горящие головешки. Чтобы не растягивать ее мучения, в костер начали бросать охапки хвороста. Смерть наступила скоро, но потребовалось еще три часа, чтобы тело превратилось в пепел. В период с 1702 по 1734 годы, 10 женщин были сожжены в лондонском районе Тайберн. По всей Англии с 1735 по 1789 годы такой казни подверглись, по меньшей мере, 32 мужеубийцы и фальшивомонетчицы.

Господ посолоннее казнили на плахе при помощи топора. Местом казни был выбран холм на северо-западной стороне Тауэра, куда загодя собиралась толпа, чтобы поглазеть на расправу. Горожане взбирались на крыши и балконы, а иные даже висли на мачтах подплывших поближе кораблей. Для каждой казни приносили новую плаху, т. е. деревянную колоду, на которую приговоренные клали голову. Иногда плаху делали такой низкой, что осужденный фактически лежал ничком на погосте, так что к отчаянной процедуре примешивалась порция унижения. Но обычно плаха достигала 60 см в высоту, и осужденный просто вставал рядом с ней на колени.

Топор, плаха и маска палача. Рисунок из книги Уильяма Эндрюса «Наказания былых времен». 1899

Топор тоже внушал трепет – почти метр в длину, с 25-сантиметровым лезвием. Неудивительно, что после удара приходилось менять колоду! Тела казненных складывали в гробы, загодя привезенные к погосту. Отрубленные головы выставляли на пиках на Лондонском мосту. Предварительно их пропаривали в большом котле с солью и тмином, чтобы запах специй отогнал чаек и горожане могли любоваться сим поучительным зрелищем как можно дольше.

Удар топором страшен и сам по себе, но еще ужаснее была серия ударов. Не всякий палач отличался точностью – например, печально известному Джеку Кетчу однажды потребовалось 5 ударов, чтобы отделить голову от тела. Поэтому с палачом приговоренные разговаривали спокойным, приветливым тоном, а то, не приведи Господь, разнервничается. Нет ничего хуже, чем когда твою голову пытается оттяпать палач с трясущимися руками. Сэр Томас Мор, философ и государственный деятель, казненный за измену, так увещевал своего палача: «Соберись с духом и не бойся выполнить свой долг. Моя шея коротка, так что прицелься поточнее, а то поплатишься репутацией». Он попросил расстелить свою бороду по колоде, ведь никто не отдавал приказ оттяпать ему бороду вместе с головой.

Томасу Морю повезло, палач отправил его к райским вратам одним ударом. Зато в 1746 году казнь лорда Килмарнока и лорда Балмерино превратилась в настоящий трагифарс. Оба лорда были якобитами, сторонниками Чарльза Стюарта, претендента на английский престол. После того как войска Красавчика Чарли потерпели поражение, его сторонников привезли в Тауэр. Увы, Килмарноку и Балмерино не повезло вдвойне, потому что у их палача Джона Трифта пошаливали нервы. Еще до появления осужденных, Трифт, который уже лет 10 не рубил головы, упал в обморок. Сглотнув, официальные лица привели его в чувство и взбодрили бокалом вина. Когда блистательный лорд Килмарнок взшел на эшафот, бедняга

Трифт окончательно смутился и заплакал. Его опять угостили вином, а сам Килмарнок ласково заговорил с ним и одарил несколькими гинейми. Палач, рыдающий в жилетку своей жертве, – то еще зрелище. В итоге Трифт приободрился и голову Килмарноку отсек одним ударом.

Наступила очередь лорда Балмерино, который даже на казнь явился одетым в униформу мятежников. Его внушительный вид вновь привел Трифта в трепет, и он начал просить у лорда прощение. Тот не только простил палача, но и сунул ему три гиней, извинившись за скудное подношение. Сказав напоследок, что будь у него тысяча жизней, он отдал бы их все за правое дело (имелся в виду переворот), лорд Балмерино подошел к плахе. Согласно этикету, приговоренный взмахом руки подавал палачу знак опустить топор. Так произошло и на этот раз. Но то ли Балмерино чересчур резко взмахнул рукой и спугнул оружие палача, то ли Трифт слишком расслабился от слез и выпивки, но он только ранил лорда. Потребовалось еще два удара, чтобы отсечь ему голову, и все это время тело приговоренного придерживали тюремщики. Последним, кого в Великобритании казнили путем отсечения головы, был якобит Саймон Фрейзер, лорд Ловат. Его обезглавили 9 апреля 1747 года.

В наследие от предков англичанам викторианской эпохи досталась только виселица. Первоначально виселица была расположена на перекрестке современных улиц Эджвер-роуд и Оксфорд-стрит неподалеку от Мраморной арки. Сегодня на площади можно разглядеть табличку, отмечающую прежнее расположение эшафота. В XII веке это место занимали Тайбернские поля, поросшие вязами, которым лондонцы нашли удачное применение – стали вешать на них преступников. Через Тайберн пролегла основная северная дорога в Лондон, так что приезжие могли наглядно ознакомиться с участью воришек и сделать выводы. И как же здорово, когда развлечения поджидают путешественника не только в центре города, но и на окраине!

С ростом урбанизации кандидатов на повешение становилось все больше, а деревьев меньше, так что в Тайберне воздвигли виселицу. Первое упоминание о тройной тайбернской виселице относится к концу XVI века. Время от времени ее чинили, но в 1759 году решено было заменить постоянную виселицу передвижной. Вплоть до последнего повешения в ноябре 1783 года виселицу собирали перед каждой казнью.

Тайберн был не единственным местом в Лондоне, где вешали преступников. Правонарушителей часто казнили прямо на месте совершенного преступления: например, во время антикатолического мятежа 1780 года, возглавляемого лордом Джорджем Гордоном, был разграблен дом верховного судьи лорда Мэнсфилда. После подавления волнений несколько мятежников были повешены прямо напротив этого дома на площади Блумсбери. Иногда осужденные ходатайствовали, чтобы их казнили во дворе собственного дома, где, как известно, и стены помогают. Тем не менее Тайберн был самым знаменитым местом для повешения, и сюда всегда стекались толпы зевак.

Осужденные дожидались казни в тюрьме, зачастую, в Ньюгейте, откуда в назначенный день их везли к «тайбернскому дереву». Повешения проводились по понедельникам или пятницам, хотя строго правила не соблюдались. В XVIII веке для повешения мог быть выбран любой день, кроме воскресенья, чтобы «тайбернская ярмарка», как называли столпотворение возле виселицы, не отвлекала народ от молитв.

В полночь перед казнью осужденных будил звонарь, который зачитывал им душеспасительные вирши о том, что хорошо бы покаяться перед смертью. Очень скорой смертью. Таким вдохновляющим подарком преступники были обязаны купцу Роберту Доу, который так беспокоился о спасении заблудших душ, что в 1604 году назначил ежегодное жалованье звонарю, чтобы тот напутствовал висельников. В свою последнюю ночь им вряд ли удавалось выспаться. Слабохарактерные плакали и стонали, люди с более крепкими нервами просили зануду замолчать. Особенно отличилась убийца Сара Малколм: дождавшись окончания стишка, она выкрикнула: «Эй, мистер звонарь, вот тебе шиллинг, сгоняй за пинтой».

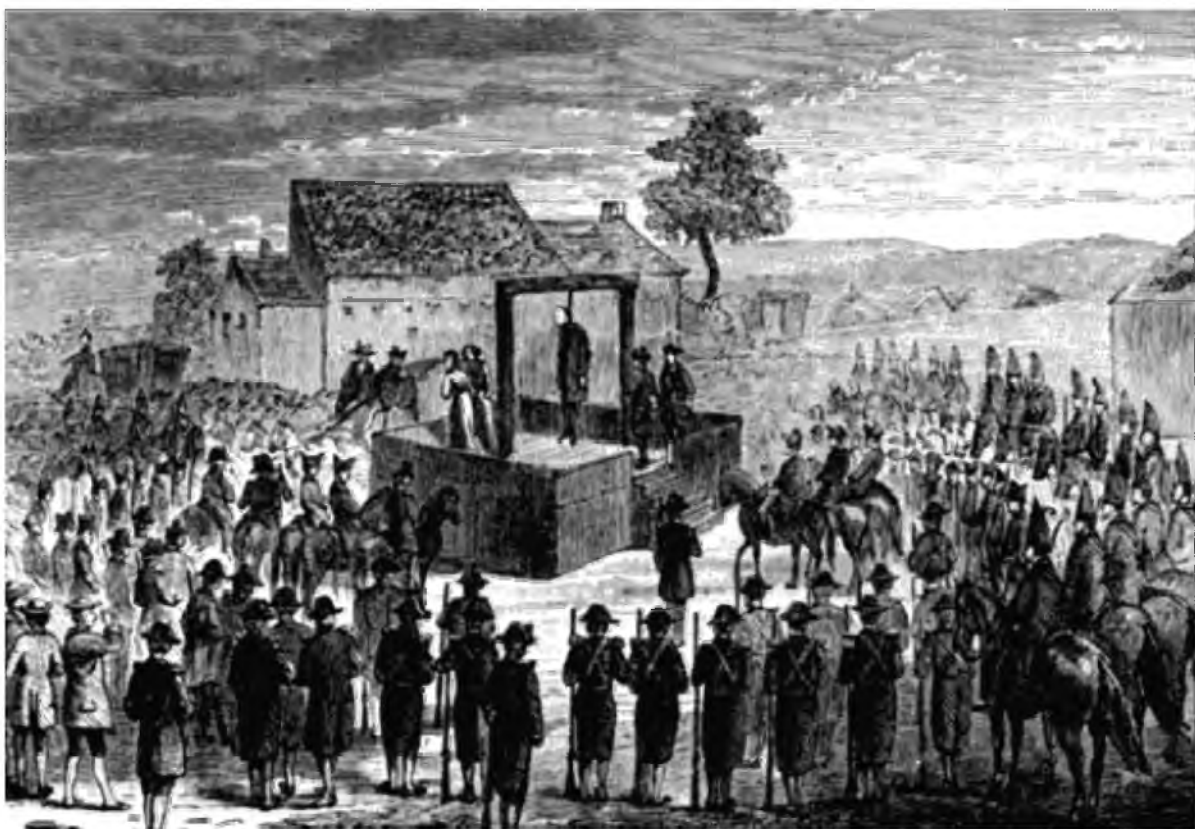
С утра осужденные собирались в часовне, чтобы помолиться и выслушать проповедь. С них снимали кандалы, но руки связывали веревкой, чтобы преступники могли складывать их в молитве. На практике большинство осужденных пользовались относительной свободой движений, чтобы снимать шляпу перед барышнями или показывать неприличные жесты толпе. Грабителя Джека Шеппарда, четыре раза удравшего из Ньюгейта, везли к эшафоту в кандалах, тем самым разрушив его планы. (В кармане он прятал складной нож, чтобы в решающий момент разрезать веревки, прыгнуть с тележки и слиться с толпой. Не получилось.)

Расстояние от Ньюгейта до Тайберна составляло 4 километра, телега с осужденными покидала тюрьму в 9–10 утра и добиралась до места казни за час. В прежние времена с висельниками не церемонились, запросто могли привязать к лошади и волочить в таком виде до эшафота, но уже в XVII и XVIII веках процедура смягчилась. Преступники побогаче добирались в Тайберн в каретах, украшенных траурными лентами, и нанимали катафалк, чтобы довезти туда свой гроб (обычно гробы складывали в ту же телегу, на которой ехали осужденные).

Всю дорогу от тюрьмы до плахи преступники слушали перезвон колоколов, ни на секунду не сомневаясь, по кому те звонят. Тем не менее, дорога была не такой уж унылой благодаря старинному обычаю угощать смертников вином. В конце XVII века телега останавливалась возле кабака «Краунз Инн» в Сент-Джайлзе, где осужденные напивались допьяна. Считалось крайне нежелательным отказываться от последнего угощения. Ходили байки о тех беднягах, что отправились в Тайберн, минуя кабак, а уже через пару минут после их смерти приходили вести о помиловании. Задержись они в таверне, остались бы живы! Другое дело, что не все лондонцы одобряли эту традицию. В газетах писали про висельников, которые буквально выползали из телеги и весело гоготали в свой смертный час – это вместо осознания своей вины и раскаяния! В 1735 году было официально запрещено предлагать осужденным алкоголь, хотя сердобольные конвоиры продолжали поить их вином.

Вдоль улиц, по которым катилась телега, собирались зеваки, а уж возле виселицы яблоку было негде упасть. Знатные дамы и господа подъезжали сюда в каретах и из окошек наблюдали за казнью. Народ попроще или стоял на своих двоих, или сидел на подмостках, возведенных специально по случаю. Подмости возводили спекулянты, продававшие места поближе к эшафоту за огромные суммы – чем ужаснее преступление, тем дороже. Подобной спекулянткой была мамаша Проктор, которая однажды заработала 500 фунтов за повешение (и это в XVIII веке!). В 1758 году другая спекулянтка, мамаша Дуглас, запросила непомерную цену за лучшие места, с которых зрители могли наблюдать за казнью государственного изменника. Но преступника неожиданно помиловали, а зрители, заплатившие загодя, в ярости разнесли подмости и чуть не убили спекулянтку. Повсюду сновали торговцы джином, фруктами, печеной картошкой, пирогами с утрем и имбирными пряниками. Громко кричали продавцы баллад – у них были припасены листовки с последними речами осужденных, напечатанными заранее (как у знаменитостей, еще в тюрьме у них брали интервью) и с комментариями известных горожан.

Когда телега подъезжала к виселице, преступникам накидывали петлю на шею. Удавку плели из конопли, хотя в исключительных случаях ее могли заменить на шелковую. Казнь происходила следующим образом: телега трогалась с места, петля затягивалась на шею и приговоренный умирал от удушья. Уже в XIX веке вошла в употребление новая модель виселицы – с откидным люком.

Повешение графа Феррерса (гравюра XVIII века неправильно изображает процесс повешения). Рисунок из книги Уильяма Эндрюса «Наказания былых времен». 1899

Экспериментировать с последним вариантом казни начали еще во второй половине XVIII века. В частности, именно такие подмости были приготовлены для повешения Лоуренса Шэрли, четвертого графа Феррерса, в 1760 году. Граф Феррерс был известен беспутным поведением, так что его жена вынуждена была добиться официального разрешения о раздельном проживании, что само по себе свидетельствует об образе жизни графа, а осужден он был за убийство своего управляющего. Казнь обставили с особой торжественностью, ведь повешение лорда – это исключение из правил. Эшафот задрапировали черной тканью, а сам сиятельный преступник прикатил в Тайберн на ландо, одевшись в свадебный костюм. Места у виселицы были распроданы, зеваки с волнением ждали казни – да еще такой необычной, с люком! Но палач выбрал слишком длинную веревку, и когда Феррерс упал в люк, его ноги коснулись земли. Чтобы не мучить бедолагу, палач придушил его по старинке, подергав за тело.

Надо сказать, что в XVIII веке кончина на виселице могла быть долгой и мучительной. На помощь приходили друзья, которые дергали приговоренного за ноги, чтобы ускорить наступление смерти. Интересен случай с Энн Грин, которую приговорили к казни за убийство новорожденного и повесили в Оксфорде. Она провисела в петле около получаса, и все это время друзья тянули ее за ноги и били по груди, чтобы прекратить агонию. После констатации смерти ее тело положили в гроб и перевезли домой к знакомым... а поутру она проснулась. Врач пустил ей кровь – в медицинских целях, а не чтобы добить бедняжку окончательно, – и через пару часов к ней вернулся дар речи. Вешать Энн повторно не стали. Месяц спустя она уехала в провинцию, забрав с собой гроб в качестве сувенира.

У виселицы приговоренные снова слушали молитвы. У них оставалось время, чтобы произнести краткую речь, попрощаться с родными и, в идеале, попросить прощения за свои грехи. Многие так и делали. Порою преступники рыдали и молили о пощаде, или же падали в обморок прямо в телеге. Но все зависело от характера. Например, юная ирландка Ханна Дагоу еще по дороге выкрикивала оскорбления, а у виселицы умудрилась распутать веревку,

стягивавшую руки, стащить перчатки и чепчик и бросить их друзьям. Палачу ее поступок очень не понравился, ведь по закону ему доставалась вся одежда повешенного. Но не устраивать же драку из-за шляпки и перчаток! Он поспешил остановить девушку, прежде чем она еще что-нибудь снимет, но не тут-то было. Ханна с такой силой ударила его коленом в пах, что палач упал с телеги. Толпа взорвалась одобрительными криками, а ехидная ирландка на всю площадь сообщила, что именно она думает о его профессионализме. А когда палач все же обмотал ее шею удавкой, девушка со всего маху кинулась вниз на землю, можно сказать, покончив с собой.

После повешения тело преступника оставляли болтаться в петле примерно час для пущего устрашения зрителей. Женщины хватали труп за руки и терлись о них щеками – считалось, что это лечит прыщи. К телу подносили и младенцев, страдающих от кожных болезней, чтобы «смертный пот» исцелил их язвы. Щепки от виселицы слыли хорошим средством от зубной боли, а конопляная удавка приносила удачу. Кусками веревки торговал палач, и чем популярнее был преступник, тем дороже она ценилась.

В 1783 году повешения в Тайберне прекратились. Виселицу перенесли во двор Ньюгейта, к радости властей, которым надоел галдеж во время «ярмарки». Тем не менее многие лондонцы, в их числе и писатель Самюэль Джонсон, возмущались таким нововведением. Ведь смысл повешения в том, чтобы привлечь как можно больше народа – а уж для устрашения или развлечения, не суть важно. В Ньюгейте публичные казни продолжились с меньшим размахом, хотя по-прежнему собирали толпы зрителей.

Послышалось немало разочарованных вздохов, когда публичные казни окончательно отменили в 1868 году. Последней женщиной, казненной на глазах у благодарных зрителей, стала убийца Фрэнсис Киддер (2 апреля 1868 года), последним мужчиной – ирландец Майкл Барретт, устроивший взрыв в тюрьме «Клеркенуэлл» в попытке освободить товарищей (казнен 26 мая 1868 года). Петлю на шее обоих осужденных затянул палач Уильям Кэлкрафт, чья карьера растянулась на 45 лет. К слову, мистер Кэлкрафт был образцовым отцом семейства, воспитывал двоих детей, в качестве хобби разводил голубей и кроликов. Зарабатывал палач прилично – 25 шиллингов в неделю плюс гиней за повешение и три шиллинга за экзекуцию. Неудивительно, что 75-летний старик так протестовал, когда в 1874 году начальство все же выпроводило его на пенсию.

Тогда как в Англии палачами становились исключительно мужчины, Ирландия могла похвастаться женщиной-палачом. В 1820-х некую Бетти из провинции Коннахт приговорили к смертной казни, но помиловали после того, как она согласилась перевешать банду воров, браконьеров и похитителей скота. С заданием Бетти справилась так блестяще, что местные власти предложили ей работать на полную ставку. Ирландцы зачарованно смотрели, как Бетти готовит петлю, и страшили ребятишек: «Будете шалить, и вас заберет леди Бетти!»

Если преступнику удавалось избежать петли, сограждане все равно находили способ как следует его наказать. К примеру, в XIX веке практика пронзать тела самоубийц колом практически сошла на нет, однако в особо резонансных случаях англичане рады были воскресить традицию. Повод нашелся в 1811 году: около полуночи 8 декабря в доме по адресу Рэтклифф-хайвей, 29, произошло убийство торговца тканями Тимоти Марра, его жены Селии, их сынишки 3 месяцев от роду и мальчика-подмастерья. Уцелела только служанка, которая отлучилась купить устрицы. Когда девушка вернулась и, почуяв неладное, позвала на подмогу ночного дозорного, ей стало уже не до ужина. За 20 минут неизвестный злодей убил всю семью, размозжив их головы большим молотком с заостренным краем, каким пользуются корабельные плотники (молоток был найден на месте преступления). Малышу убийца не только повредил голову, но и перерезал горло. Газетчики смаковали подробности, описывая, что вся лавка была забрызгана кровью и мозгами, а подмастерье буквально утонул в луже крови.

Двенадцать дней спустя произошло второе убийство, на этот раз в таверне на Нью-Грэвел-лейн. Жертвами стали трактирщик Джон Уильямсон, его жена Элизабет и служанка Бриджит Харрингтон. Услышав возню и крики, постоялец трактира Джон Тернер,

находившийся в то время на втором этаже, не бросился на подмогу, а наскоро связал простыни и полез из окна. Его-то и заметил проходивший мимо ночной дозорный. Но было слишком поздно. Тело мистера Уильяма дозорные нашли в подвале, трупы его жены и служанки – на кухне. У всех троих была размозжена голова и перерезано горло. В трактире в тот момент находилась и 14-летняя Китти, внучка Уильямсона, но девочка спала так крепко, что не услышала, как вошел убийца. Крепкий сон спас ей жизнь, поскольку убийца тоже ее не заметил.

21 декабря по подозрению в убийстве был задержан моряк Джон Уильямс, которого видели в трактире за несколько часов до убийства. Как выяснилось, он служил с Марром во флоте и затаил на него обиду (впрочем, некоторые историки считают, что Уильямса обвинили огульно). Подозреваемый сумел избежать эшафота – повесился в камере тюрьмы «Колдбат Филдз». Однако Фемида настигла его и после смерти. Раздосадованные лондонцы, которые рассчитывали полюбоваться на казнь, вспомнили старинную кару для самоубийц. Тело Уильямса провезли по городу на телеге и закопали на перекрестке дорог Коммерсиал-роуж и Кэнон-стрит. Грудь его пронзили колом, причем заколачивали кол тем самым молотком, которым было совершено убийство. На каждом ударе толпа радостно вскрикивала.

Во второй половине XIX века казни стали более гуманными. В 1866 году врач Сэмюэль Хотон опубликовал очерк под названием «О повешении, рассмотренном с механической и физиологической точек зрения». Это он посоветовал изменить процедуру повешения и сбрасывать приговоренных с высокого эшафота через люк. Веревка под тяжестью тела ломала позвоночник, и смерть происходила мгновенно. Главное, правильно рассчитать длину веревки, а это удавалось не всегда.

Казнями былых времен повеяло в 1885 году на повешении Роберта Гудала, торговца фруктами, который убил свою жену железным ломом и сбросил ее тело в колодец. Палач Джеймс Берри ошибся в расчетах и содрогнулся, когда заглянул в люк: веревка так натянулась, что обезглавила Гудала, и его голова в белом мешке лежала поодаль от тела. Давно англичане не видывали настолько кровавых казней. Впрочем, подданные Генриха VIII или Королевы Девственницы разве что посмеялись бы над слабонервными потомками.

Глава V

«Закреть глаза и думать об Англии»; сексуальность в викторианскую эпоху

«Я закрываю глаза и думаю об Англии». Расхожая фраза, которую ошибочно приписывают королеве Виктории, почти неотделима от сексуальности в Англии XIX века. Приходится признать – в нашем воображении викторианцы предстают застегнутыми на все пуговицы снобами, которые краснели при упоминании нижнего белья, не говоря уже о таких совершенно неприличных материях, как секс. Тем не менее, англичане XIX века не просто вели сексуальную жизнь, но вели ее с удовольствием. Всевозможные соблазны таились как в закоулках Ист-Энда, так и в добропорядочном Вест-Энде. С теневой стороной викторианской морали вы познакомитесь в этой главе.

«Участь хуже смерти» – судьба английских проституток

«Дабы избежать возможных недоразумений, я спешу напомнить читателю, что считаю проституцию неизбежной спутницей цивилизованных и, в особенности, многонаселенных обществ» [39], – так в середине XIX века писал доктор Уильям Эктон в своем труде «Моральные, социальные и санитарные аспекты проституции». Многие современники соглашались с доктором Эктоном. Где еще холостякам искать развлечений? Не к честным же девушкам, в самом деле, приставать? А на фоне гомосексуализма, к

которому общество относилось с неприязнью, женская проституция и вовсе представляла в выгодном свете.

С другой стороны, христиане-евангелики, которые и составляли большинство общественных активистов той эпохи, считали проституцию происками Сатаны. По их мнению, проституция расшатывала моральные устои, угрожала авторитетам отцов и невинности дочерей, заражала общество развратом. Возможно, перед глазами читателей замаячат фарисеи, которые, засучив рукава, готовятся побить камнями блудниц. Однако евангелики, несмотря на пуританские нравы и склонность к мелодраме, терпимо относились к проституткам. В особенности, если те выказывали желание исправиться. Гораздо чаще от активистов доставалось клиентам, а также политикам, которых вполне устраивало наличие в обществе проституции.

Если бы вам случилось побывать в викторианском Лондоне, вы бы, пожалуй, согласились именно с Эктоном. Вечерние улицы были запружены проститутками, да и поход в театр не обошелся бы без приключений – именно там уличные девицы подкарауливали клиентов. В 1857 году только между Хеймаркетом и Риджент-стрит прогуливалось около двух сотен жриц любви, а в 1883 году вокруг одного только Хеймаркета их насчитывалось около 500. Американский турист, посетивший Лондон в 1860-х, писал, что, пока он шел от Хеймаркета к отелю на Стрэнде, к нему пристали 17 раз!

Сколько жительниц Лондона занималось любовью за деньги? Точные данные отсутствуют, а цифры, которые приводили сами общественные деятели, напоминают хвастовство рыбаков пойманной рыбой – а у меня еще больше! По данным Патрика Колкухуна, создателя лондонской речной полиции, в 1790-х годах в Лондоне насчитывалось 50 тыс. гулящих женщин, по данным епископа Эксетерского в начале XIX века их число достигло 80 тыс., а порою цитируют и совсем уж запредельную цифру – 220 тыс. в 1860-х (более 7 % городского населения). Но если учесть, что в проститутки записывали вообще всех женщин, которые занимались сексом вне брака, пусть и с постоянным партнером, высокая статистика отчасти проясняется. Тут уместно вспомнить анекдоты о рьяных «спасателях», которые, заметив на улице одинокую фигуру в кринолине, бросались к ней со всех ног и совали религиозные брошюры. «Господи помилуй! – возмущалась дама. – Я не такая, я омнибус жду!»

Так или иначе, проституток в Лондоне, а также в других крупных городах, было много. Вопреки еще одному стереотипу, несчастные служанки, соблазненные господами, встречались среди них редко. Хотя горничные порою покидали рабочее место с заметным животом, а продолжали свою карьеру уже на улицах, причиной их несчастья зачастую был не хозяин, а какой-то другой «джентльмен» – торговец, клерк, коммивояжер. Торговали своим телом бывшие швеи, прачки, уборщицы, официантки, цветочницы. Одни страдали от безденежья, другие рассчитывали хоть на какую-то независимость. Из 16 тыс. проституток, отбывавших срок в тюрьме «Миллбэнк», 14 тыс. сообщали о таких причинах своего падения: «не надо работать», «много денег», «сама себе хозяйка», «полная свобода», «живешь, как леди».

Кому-то удавалось пробиться наверх, как, например, известной содержанке Кэтрин «Скиттлз» Уолтерс, а кто-то обслуживал клиентов в грязных закоулках (дешевых проституток, которые работали, прислонившись к стене, называли *turreny upright*). Заработки зависели от места работы и «качества товара». Девицы из Ист-Энда, жалкие, размалеванные, без шляпок и шалей, порадовались бы шиллингу, а то и несколькими пенсам. Этого едва хватало на еду, кров и, само собой, выпивку. Их коллеги, промышлявшие в районе Пикадилли, могли рассчитывать на целый фунт. Экономным особам удавалось отложить деньги на собственное дело, например маленькую кофейню, но такие случаи были скорее исключением из правил. Другой тип проституции бытовал в портовых городах. Так называемые «моряцкие жены» завязывали постоянные отношения с несколькими моряками и обеспечивали им не только секс, но также крышу над головой, вкусный ужин и приятное общение. А когда один «муж» отчаливал, на смену ему приплывал новый.

Проститутки в воровском притоне. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Отличаясь независимым нравом, английские куртизанки предпочитали снимать отдельную комнату, иногда с одной-двумя соседками. Впрочем, многие девицы из Ист-Энда искали защиты у сутенеров, как, например, Нэнси из романа Диккенса «Оливер Твист». В отличие от столиц континентальной Европы, борделей в Лондоне было не так уж много: с 933 в 1841 году их число упало до 410 в 1857-м.

Зато те, что остались, привлекали немало клиентов из высшей прослойки общества. С хозяйками борделей считалась даже полиция. Взять, хотя бы, Мэри Джеффрис, содержательницу четырех дорогих борделей на улице Черч-стрит, а также заведения для флагеллянтов (садомазохистов, практикующих порку. – *Ред.*) «Розовый коттедж», еще одного дома возле Грей Инн Роуд и пункта для перепродаж проституток. Бордели в Англии были легальными, хотя и не регулировались властями, как в Бельгии или во Франции. Несмотря на то, что в домах миссис Джеффрис творились темные делишки, она откупалась от полиции обильными взятками. Все было шито-крыто, пока мадам не привлекла внимание сыщика Джеремайи Минахана.

Будучи человеком неуступчивым и кристально честным, Минахан не побоялся пойти с ней на конфликт. Когда мадам предложила ему золотую монету, детектив донес о взятке начальству, но в участке его подняли на смех – и откуда такие дурачки берутся? Но Минахан не сдавался. В 1883 году полное досье на миссис Джеффрис оказалось в Скотленд-Ярде. Тут уж инспектора разгневались не на шутку, ведь служака разворошил тот еще муравейник. Не желая выносить сор из избы, начальство понизило его в ранге.

В знак протеста Минахан ушел из полиции и переметнулся в лагерь борцов с проституцией. Там он, наконец, обрел поддержку. Собранных им материалов хватило, чтобы обвинить мадам в нарушении общественного порядка и подать на нее в суд. Особую пикантность делу придавал тот факт, что среди клиентов миссис Джеффрис был принц Уэльский, будущий король Эдуард VII. Затаив дыхание, евангелики ждали процесс. Сейчас-то всплывут подробности и о малолетних проститутках, и о незаконном удержании девушек, и о торговле «живым товаром». Но высокопоставленные клиенты оказались хитрее. По совету адвоката миссис Джеффрис признала себя виновной. В подобном случае судья не давал слово свидетелям, а сразу же выносил приговор. Штраф в размере 200 фунтов едва ли обременил богатую мадам. Свидетели же, которым было о чем рассказать, ушли с суда, скрежеща зубами.

«Белое рабство»

Если бордели в Англии были немногочисленны, то в Европе, в той же Бельгии, их хватало с избытком. Борцов с проституцией беспокоило такое явление, как «белое рабство», или продажа англичанок в континентальные бордели. Хотя евангелики называли рабство «белым», чтобы провести черту между торговлей европейками и чернокожими рабынями, они неоднократно подчеркивали, что условия в борделях ничуть не лучше, чем на плантациях. А то и хуже.

Пионером в борьбе с белой работоторговлей стал Альфред Дайер, писатель и книгоиздатель (именно ему Минахан принес компромат на миссис Джеффрис). Для начала ему предстояло выяснить, каким ветром честных английских девушек заносило в заграничные притоны.

Сценарий был стандартным: к небогатой девице, которая работала вдали от семьи, сватался джентльмен, с виду респектабельный и при средствах. Мужчина приглашал глупышку поехать с ним на Континент, якобы чтобы узаконить отношения. Та охотно соглашалась. Откуда ей было знать, что поджидает ее за Ла-Маншем? Вряд ли она хоть раз говорила о сексе со своей матушкой. И разве не учили все книги и проповеди, что мужчинам нужно угождать? Как можно отказать джентльмену! В Бельгии или Голландии девушку брали в оборот подельники «жениха». Горе-невесту везли в бордель, где ее регистрировали под поддельным именем, а в случае несовершеннолетия прибавляли пару лет. Лишенная денег и знакомств, не зная ни слова по-французски, девушка уже не могла вырваться на свободу. Повседневная одежда девушке не полагалась, только яркие тряпки, в которых ее в два счета можно было опознать в толпе.

Публичные дома в Бельгии имели официальный статус. Если совершеннолетняя бельгийка желала добровольно заниматься древнейшей профессией – что ж, ее право. Но по доброй ли воле в борделях задерживались англичанки? 16 октября 1879 года английский лейтенант заметил на брюссельской улице Рю де Сабль полуголую девицу, заходившуюся в рыданиях. По ее словам, ей удалось сбежать из борделя по адресу Рю Сен-Лорен 28, где ее удерживали насильно. Вслед за ней ринулась мадам, но прохожие отстояли бедняжку, а лейтенант проводил ее в отель. Вечером за англичанкой по имени Ада Хигглтон пришел представитель полиции. По крайней мере, именно так назвался незнакомец. Ничего не подозревая, Ада последовала за ним, но вместо полицейского участка очутилась в уже знакомых стенах борделя.

Возмущенный до глубины души, Дайер объявил войну системе. В марте 1880 года вместе с коллегой он отправился в Брюссель, в то самое зловещее заведение на Рю Сен-Лорен. Два пуританина с постными минами весьма комично смотрелись в аляповатой обстановке. Как и подобает повесам, они заказали вино, правда, пить его не стали – оба избегали мирских соблазнов. Зато на трезвую голову проще разобраться в ситуации. Вскоре мистер Дайер разговорился с англичанкой, Луизой Бонд. Самые худшие опасения подтвердились: Луиза рассказала, что ее удерживают против воли, и Дайер обещал помочь.

Но как? На следующее же утро англичане пришли в полицию. Там им пообещали побеседовать с Луизой, но результат оказался неутешительным. Как сообщили полицейские, девица и в мыслях не держала покидать уютный бордель. Так зачем же скандалить? Мистер Дайер был уверен, что Луизу запутали. После неудачной попытки вломиться в бордель, вместе с коллегой Гилеттом и брюссельским адвокатом он отправился в британское посольство, где его заявление восприняли скептически. Заместитель консула Томас Джеффс придерживался мнения, что «по-настоящему добродетельные девушки» никогда не окажутся в такой ситуации. Но когда игнорировать настырного евангелика стало уже невозможно, Джеффс передал его жалобу брюссельской полиции. Все вернулось на крути своя.

А когда Дайер отыскал еще одну жертву работоторговли, Аделину Таннер, раздосадованные бельгийцы решили примерно ее наказать. В договоре с публичным домом 19-летней девице прибавили три года, а раз уж под договором стояла ее подпись, значит, английская мисс виновата в подлоге. Аделина провела две недели в тюрьме, а ее товарки боялись разговаривать с Дайером. Всем стало неповадно.

Однако евангелики не сдавались. В родных пенатах они сформировали общество с типично викторианским зубодробительным названием – «Лондонский комитет по обличению и подавлению торговли английскими девушками с целью континентальной проституции». Комитет оказался эффективным: его члены, включая известную активистку Джозефину Батлер, не давали покоя английским властям, пока те не отправили двух детективов для расследования брюссельской проституции. Уже 13 декабря 1880 года стараниями Комитета в Брюсселе состоялся процесс над 13 содержателями борделей. Все подсудимые получили штрафы и тюремные сроки.

Законы о заразных болезнях

Осознав, что «белое рабство» – это не плод воображения оголтелых фанатиков, путающихся под ногами у серьезных людей, английские законодатели задумались о билле, который ограничил бы торговлю проститутками. С мертвой точки дело сдвинулось не сразу. Борьба с «белым рабством» шла бок о бок с другой мощнейшей кампанией либеральных евангеликов – сопротивлению Актам о заразных болезнях (The Contagious Diseases Acts).

Ни один другой закон не оказал такого влияния на проституцию в XIX веке, как Акты о заразных болезнях, принятые и дополненные в 1864, 1866 и 1869 годах. Согласно этим документам, «обычные проститутки» в армейских и портовых городах могли быть в любой момент подвергнуты медицинскому обследованию. Если врач находил у них сифилис или гонорею, женщин отправляли в венерическую больницу на срок вплоть до 9 месяцев. Законодатели рассчитывали, что женщина добровольно отправится в больницу под присмотром полицейского, а после зарегистрируется в полиции. В противном случае она должна была предстать перед судьей.

Задумка, на первый взгляд, неплохая. Сифилис в XIX веке оставался серьезнейшей проблемой. Презервативы хотя и были в ходу, но распространенности еще не получили, а смесь воды с уксусом, которой пользовались жрицы любви, особой пользы не приносила. Лечение же представляло сущим кошмаром. Как и в добрые старые времена, сифилитиков лечили чем-нибудь на основе ртути – пилюлями, притираниями, паровыми ваннами. Считалось, что ртуть выгонит из организма заразу через слюну и пот.

С 1820-х годов постепенно возрастал уровень венерических заболеваний в английской армии, но принудительно обследовать защитников родины представлялось несолидным. Тем более что их жизнь была нелегка даже в мирное время: солдаты жили в переполненных казармах и страдали от суровых телесных наказаний. Разве можно отказать им в плотских радостях, таких как секс с проституткой? А с кем еще снимать половое напряжение, если жениться было позволено только 7 % солдат, да и то в награду за безупречное поведение! Лучше проверить проститутку на профпригодность.

Полицейский и проститутка. Рисунок из журнала «Иллюстрированные лондонские новости». 1888

Большая часть общества приняла закон на ура. Он нашел поддержку в армии и адмиралтействе, среди политиков и врачей, полицейских и судей, аристократов и лавочников, даже англиканского духовенства, которое верило скорее в контроль над проституцией, чем в ее полное искоренение. Их стараниями в список населенных пунктов, где действовали Акты, попадали все новые города – Кентербери, Дувр, Виндзор, Плимут, Саутгемптон. Законодатели присматривались к Лондону.

Однако не все англичане разделяли их энтузиазм. Борцы с проституцией сразу же закусил удила. На каждый аргумент парламента они находили контраргумент. Солдаты страдают от сифилиса? Так почему бы не обследовать самих солдат, которые могут беспрепятственно заражать проституток? И почему бы не разрешить им жениться? Дополнительное жилье для солдатских семей потребует затрат, но не лучше ли и дешевле вкладывать средства именно в это, чем в обследования, лечение и слежку за бедняками? И почему бы не создать для женщин больше возможностей трудоустройства, позволить им получать образование и находить свое место в обществе? Если проститутка и ее клиент вместе предаются пороку, то почему бремя ответственности ложится только на плечи женщины? Не потому ли, что она бедна и лишена друзей, тогда как ее клиент защищен

законом? Это несправедливо. Не по-христиански.

Противники Актов были группой неоднородной. Среди них попадались пуритане, которые опасались, что в борделях юноши насмотрятся пакостей, решат, что это норма, и потребуют того же от своих жен. Среди них были феминистки, которые курили сигары, требовали равноправия и отрицали Бога. Среди них были простые работницы, разозленные тем, что в их квартале открыли пункт проверки проституток, и теперь дочурка спрашивает, зачем туда ходят все эти леди и почему они одеты лучше, чем мама. Наконец, среди них были и сами проститутки, которым надоело трепетать перед полицией.

Главными органами борьбы стали Национальная ассоциация против расширения актов о заразных болезнях (что и говорить, любили тогда названия подлиннее!) и Национальная дамская лига. Одним из лидеров движения за отмену Актов была уже упомянутая Джозефина Батлер, христианская активистка, помогавшая путанам в Ливерпуле. Казалось бы, порядочной леди не должно вообще знать о существовании проституции. Но, как сказала одна из активисток, «этот вопрос касается женщин, а разве леди не женщина?»

Какими же методами пользовались евангелики? Их тактика включала в себя лоббирование в парламенте, пропаганду через газеты и журналы, собрания, во время которых всем участникам раздавали листовки. Особо активным дамам ничего не стоило перехватить на улице проститутку, которую уже вели в больницу, и спросить, добровольно ли она туда идет. Если же девица недоуменно моргала, потому как о добровольности и слыхом не слыхивала, активистка вещала ей о правах. В 1870 году некая миссис Кинг подралась на улице с констеблем, который сопровождал девицу в больницу. Миссис Кинг пришлось уплатить штраф, а активисты превратили суд в политическое шоу.

Как выяснилось позже, девица, из-за которой миссис Кинг лишилась 5 фунтов, была здорова. Это был распространенный случай, хотя бытовали ошибки и пострашнее. В 1870-х прогремела история вдовы миссис Перси. Оставшись одна с тремя детьми, женщина зарабатывала тем, что пела песни на улицах Алдершота. Полиция гоняла вдову и ее 16-летнюю дочь на обследования, при том что дочь и вовсе была девственницей. В конце концов, миссис Перси утопилась. В ходу были истории о невинных девах, которых лишили девственности прямо во время гинекологического обследования.

Так, потребовалось несколько десятилетий, прежде чем общественное мнение прислушалось к этим активистам. Несколько десятилетий и один очень громкий скандал. Он был связан с детьми.

Новый вавилон: детская проституция в Лондоне

В конце XVIII века Уильям Блейк писал:

*А от проклятий и угроз –
Девчонки в закоулках мрачных,
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных [40].*

Минуло очень много лет, на горизонте забрезжило XX столетие, но проблема детской проституции по-прежнему не давала англичанам покоя. Общественные деятели считали Лондон чудовищем вроде Минотавра, которое непрестанно требует дань – девочек и мальчиков, навсегда исчезающих в лабиринте трущоб. Но из-за неразберихи в законодательстве и разницы между общим и статутным правом (Статутное право – созданное законодательными органами и органами местного самоуправления, общее право – более расширенное понятие, толкуется судами с учетом всех прецедентов. – *Ред.*), даже к началу 1880-х годов было непонятно, кого вообще считать за ребенка.

Теоретически, до 1875 года возраст согласия для девочек начинался в 12 лет. Двенадцатилетний ребенок считался достаточно взрослым, чтобы самостоятельно

распоряжаться своим телом. Еще в 1285 году изнасилование стало тяжким уголовным преступлением (felony), которое могло повлечь за собой суровую кару, включая смертную казнь. Но половая связь с ребенком, не достигшим 12 лет, не считалась изнасилованием априори. Это был проступок (misdemeanor). В 1576 году, во времена Елизаветы I, любая связь с девочкой, не достигшей 10 лет, была приравнена к изнасилованию. Однако возраст согласия остался прежним – 12 лет. Секс с девочкой в возрасте от 10 до 12 лет все еще считался проступком, а двенадцатилетних закон и вовсе игнорировал. В 1875 году парламент поднял возраст согласия на 1 год. Понадобилось еще 10 лет, чтобы парламент, после многочисленных слушаний, утвердил новый возраст согласия – 16 лет. Таким образом, секс с несовершеннолетними попал под запрет. Огромную роль в этом сыграла деятельность журналиста Уильяма Стэда, опубликовавшего в 1885 году статью под громким названием «Детское жертвоприношение в современном Вавилоне» (The maiden tribute of modern Babylon).

Уильям Томас Стэд был личностью незаурядной – общественный активист, защитник обездоленных, а вдобавок еще спирит. Последним ярким штрихом в его биографии стала гибель на борту «Титаника». Во время катастрофы он рассаживал женщин и детей по спасательным шлюпкам, после чего удалился в гостиную, сел в кожаное кресло и открыл книгу. Так он и встретил свои последние минуты. Но в 1885 году мистер Стэд был полон сил. Он сотрудничал с христианским обществом «Армия спасения» и вместе с Джозефиной Батлер собирал сведения о детской проституции в Англии. Собранные данные стали основой скандальной статьи. Вместе с ним мы пройдемся по лондонским борделям и узнаем, как и почему девочки начинали заниматься проституцией.

Разговорившись, одна сутенерша поведала Стэду, как вербовала девушек. Путешествуя по провинции, она встречала девочек из рабочих семей, предлагая им место горничной в Лондоне. Те с радостью соглашались. Возможно, они и сами догадывались, что их ждет на самом деле. С другой стороны, девочки-подростки часто шли в горничные, так что в самом предложении не было ничего необычного. Разве что отсутствие рекомендаций. В Лондоне бордель-маман опаивала свою жертву опийной настойкой, а когда девочка засыпала, приглашала к ней клиента. За свои услуги женщина брала 13 фунтов. Наутро жертва просыпалась, плача от боли, но сводница утешала ее – с кем не бывает. И если девочка хочет жить как настоящая леди, она должна остаться здесь. Все равно никто не примет ее на службу, раз она «падшая».

Девочки из лондонских трущоб. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Помимо содержательниц борделей, были и обычные сводни, которые поставляли девушек к клиентам на дом или в гостиничные номера. Они предпочитали вербовать проституток среди продавщиц, служанок, детей из работных домов, а также малолетних преступниц, только что вышедших из тюрьмы. Любимым местом охоты был Гайд-парк, где прогуливались помощницы няnek – девочки-подростки, катившие коляски с младенцами. Им было лестно, если к ним подходила богато одетая леди и давала шестипенсовик на чай. Через несколько дней такой дружбы леди предлагала девочке заработать сразу много денег. А кому в 14 лет не хочется красивых нарядов, особенно если хозяйка дома одевается в шелка и бархат, а сама ты носишь униформу с фартуком? Многие соглашались.

Даже если девочка до последнего думала, что джентльмен просто-напросто хочет сыграть с ней в игру, когда ей предлагали раздеться, до нее наконец доходило, куда же ее заманили. Жертва могла закричать или оказать сопротивление. Этот момент особенно интересовал Уильяма Стэда. Ведь если слышны женские крики, неужели никто не вмешается? Но один из опрошенных ответил следующее:

«– Представьте, что в соседнем доме насилуют девушку. Вы уже отходите ко сну, как вдруг раздаются ее крики. И что же, вы оденетесь, броситесь вниз по лестнице, и будете стучать в дверь, настаивая, чтобы вас пустили? Вряд ли. Но крики все не прекращаются. Вам становится не по себе, и вы уже начинаете думать, что, пожалуй, стоит что-нибудь предпринять. Но прежде чем вы успели одеться, крики стихли. Теперь вы чувствуете себя полным дураком, потому что зря старались.

– А как же полицейский на дежурстве?

– Он не вмешается, даже если будут кричать. Ведь если полицейский станет вламываться в дом каждый раз, как услышит громкий женский крик, он будет присутствовать при родах не реже доктора. Раз уж девушка попала в дом с дурной репутацией, на помощь ей не придет никто, так что ее можно насиловать в относительной безопасности» [41].

Лондонцы судачили о борделях, оборудованных комнатами с мягкими стенами, чтобы не слышны были стоны несчастных жертв. Но, как заявила владелица борделя в Западном Лондоне, такие меры предосторожности были бы излишними. В ее доме толстые стены, на полу постелено по два ковра, а на окнах ставни и тяжелые шторы. Звукоизоляция идеальная. Девчонка может себе хоть голос сорвать, никто ничего не узнает. «Но разве вы сами не вмешаетесь, если услышите крики девушки?» – поинтересовался Стэд. – «Ведь я могу ее и убить». «Ну что вы, – отмахнулась от него хозяйка, – с какой стати вам ее убивать? А так делайте, что хотите».

Помимо владельцев борделей, в бизнесе участвовали и врачи с акушерками. Дело в том, что англичане отличались педантичностью. И если клиент требовал от сводника девственницу, она должна была явиться со справкой, подписанной врачом или акушеркой. На слово девочкам не верили. Ходили слухи о нечистых на руку акушерках, которые подделывают справки или же учат малолетних проституток разным трюкам, как выдать себя за девственницу. Знакомство начинающих проституток с акушеркой не ограничивалось первым обследованием. В случае серьезных повреждений девушек вновь привозили к ней уже на лечение. Кроме того, акушерки делали аборты.

Расценки на малолетних варьировались от 5 до 40 фунтов. По словам двух сводниц, посуливших Стэду 9 девственниц, если клиент платил девушке 5 фунтов, они оставляли себе 1 фунт. В некоторых случаях они могли прикарманить всю выручку. Например, за некую Нэнси клиент заплатил 10 фунтов. По мнению сводниц, Нэнси была совсем дурочкой и тут же растратила бы деньги, купив себе уйму одежды. Естественно, родители и хозяева сразу бы догадались, что дело неладно. Поэтому сводницы оставили деньги себе, а девушке подарили шляпку, платье и пару туфель. Это для ее же блага!

Выступая в роли богатого распутника, Стэд договорился, чтобы ему привезли двух девственниц. Но вместо разврата девушек ждали дотошные расспросы журналиста. Одной из них уже исполнилось 18. Ее отец умер, мать запила, а сама она служила помощницей повара в отеле. Как заявила девушка, она знала, на что идет, и была полностью готова пасть. За ее услуги сводницы пообещали ей 2 фунта 10 шиллингов. Боли она не боялась и, кроме того, была уверена, что не забеременеет, потому что «после первого раза не беременеют». Во время беседы она успокаивала себя, повторяя, что честных девушек все равно почти не осталось. Второй оказалась милая, хотя и простоватая, девушка 16 лет. Ее отец был сумасшедшим, мать работала уборщицей, сама она подрабатывала шитьем, за что и получала 5 шиллингов в неделю. За потерю девственности ей посулили 2 фунта. Состоялся следующий диалог:

«Стэд: Послушай, если я соблазню тебя, ты заработаешь 2 фунта, но в таком случае потеряешь девственность, согрешишь, запятнаешь свою репутацию. У тебя может родиться ребенок, на которого придется тратить все жалование. Но если ты откажешься, я дам тебе 1 фунт. Что ты выбираешь?»

Девушка: Пожалуйста, сэр, я согласна, чтобы вы меня соблазнили.

Стэд: Но тогда тебя ожидает боль, и распутство, и стыд, и падение. Ты можешь даже закончить дни на улице – и все это из-за одного фунта?

Девушка (в слезах): Да, сэр, мы очень бедны» [42].

Их этих двух девиц сенсации не сделаешь, ведь они приехали к Стэду добровольно. Но журналист задался целью доказать, что в благополучной, богатой и аристократической Англии можно купить девственницу за 5 фунтов, изнасиловать ее, а после продать в бордель на континент. Словом, решил пройтись по всем пунктам, которые так будоражили умы соотечественников.

Джозефина Батлер и Брамвелл Бут, член «Армии спасения», познакомили Стэда с бывшей проституткой Ребеккой Джаретт. Именно она стала посредницей в «покупке» живого товара. Вместе со своей подругой, сводницей Нэнси Браутон, она отправилась к Элизабет Армстронг, жене трубочиста из лондонских трущоб. Когда ей предложили 5 фунтов за дочь, 13-летнюю Элайзу (в статье Стэд называет ее «Лили»), мать с радостью согласилась. Сводницы предложили ей стандартную ложь – девочка будет служить горничной у богатого пожилого джентльмена. Фактически, это был эквивалент современного объявления о «высокооплачиваемой работе за границей», для которой не требуется ни виза, ни знание языка. Подразумевалось, что у миссис Армстронг не останется сомнений, как именно Элайза будет прислуживать своему хозяину. Тем не менее мать согласилась, и девочка уехала со сводницами.

Следующей остановкой был домик акушерки. Обследовав девочку и выдав ей справку о девственности, акушерка покачала головой – совсем ведь маленькая и хрупкая, ей будет очень больно. Чтобы облегчить страдания Элайзы, Джаретт купила у акушерки хлороформ. Девочку она отвезла в бордель, усыпила и пошла за Стэдом. Тот нервничал так сильно, что выпил целую бутылку шампанского, хотя по жизни был трезвенником. В таком непотребном виде он вошел в комнату к Элайзе и стал дожидаться, когда она выйдет из ступора. Придя в себя, девочка увидела незнакомца и завопила. Журналист немедленно ретировался, посчитав, что символический акт насилия имел место быть. Элайзу передали с рук на руки Брамвеллу Буту, который увез ее во Францию и оставил на попечении знакомой семьи.

Этот эксперимент, как и остальные свои встречи с проститутками и сводниками, Уильям Стэд описал в серии статей под заголовком «Детское жертвоприношение в современном Вавилоне». Первая часть была опубликована 4 июля 1885 года в «Пэлл-Мэлл». Покупатели буквально сметали газеты с прилавков. С самого утра толпы читателей стояли у редакции «Пэлл-Мэлл», чтобы первыми прочесть откровения лондонских сутенеров (а ушлые мальчишки-газетчики кричали проходившим мимо чинным барышням: «Купите газетку, мисс! Тут вам расскажут, как 5 фунтов заработать!»). В обществе назревал скандал, и министр внутренних дел сэр Уильям Харкурт, напуганный перспективой волнений и беспорядков, попросил Стэда приостановить публикацию. Стэд согласился, но при условии, что парламент немедленно примет билль о поднятии совершеннолетия до 16 лет. Этого Харкурт гарантировать не мог, и статьи продолжали выходить.

По всему Лондону прокатились протесты против бездействия правительства. По Гайд-парку маршировали недовольные, включая девственниц, облаченных в белые одежды. Теперь даже члены парламента, ранее выступавшие против билля, начали его поддерживать. Кому нужна репутация растлителя невинных дев, тем более малолетних? После третьего слушания парламент принял билль 7 августа, а через неделю он официально вступил в силу. Отныне возраст согласия начинался с 16 лет. А в 1886 году евангеликов ожидал новый триумф – наконец-то были отменены Акты о заразных болезнях.

Но скандал не закончился, наоборот, вышел на новый виток. Правда, это был уже другой скандал. На скамье подсудимых оказалось не правительство, допускающее насилие над детьми, а сам разоблачитель. Успех мистера Стэда раздосадовал его конкурентов из «Таймс», они начали собственное расследование и выяснили, кем же была та самая «Лили». Журналисты связались с матерью Элайзы, Элизабет Армстронг, которая заявила в полицию о похищении дочери. Якобы она знать не знала, ведать не ведала, что ее дочурку увозят на закланье. Кроме того, «нанимая» Элайзу, Ребекка Джаретт не спросила разрешения у ее отца, а ведь по закону жена не могла принимать такое решение единолично, без согласия мужа! Трубочист Чарльз Армстронг пошел в полицию, требуя справедливости.

Уильям Стэд

23 октября 1885 года Стэд и его помощники – Ребекка Джаретт и Брамвелл Бут, а также акушерка и еще две женщины, предстали перед судом по обвинению в похищении Элайзы Армстронг. От адвоката Стэд отказался. Как он признал во время своей речи, подвело его именно отсутствие документов. Ребекка Джаретт не только не спросила согласия отца, но и не удосужилась составить договор с матерью. А без подписей все и правда выглядело так, будто она ввела мать в заблуждение и насильно увела девочку. Хотя остальных «киднепперов» оправдали, сам журналист, Ребекка Джаретт и акушерка были признаны виновными в похищении и сводничестве. Обеих женщин приговорили к шести месяцам тюрьмы, Стэда – к трем. Срок он отбывал в тюрьме «Холлоуэй», где с ним обращались скорее как с почетным гостем, чем с заключенным. Отбыв срок, который Стэд называл «приятными каникулами», он вернулся к журналистской деятельности. Элайзу Армстронг вернули заботливым родителям, а Ребекка Джаретт продолжила работать в Армии спасения.

Английский порок – садомазохизм в XIX веке

Услышав выражение «английский порок», европейец XIX века понимал, что имеется в виду отнюдь не привычка уходить не прощаясь. Именно так называли мазохизм, тягу к получению боли. Ратуя за отмену телесных наказаний в школах, тюрьмах, армии и флоте, общественные деятели XIX века намекали на связь порки и полового возбуждения. Постыдность заключалась не только в том, что тех же школьников хлещут розгами по обнаженным ягодицам (тут надо еще учесть, слово «зад» было неприлично даже публиковать в газетах). Гораздо страшнее была вероятность того, что порка разовьется в детях

зачатки сексуальности. Вдруг им это понравится?

Эротическую подоплеку телесных наказаний разглядели не в XIX веке, а гораздо раньше. Еще в XVII веке на нее указал немецкий доктор Иоаганн Генрих Мейбом, более известный под латинским псевдонимом Мейбомиус. Он вознамерился доказать, что порка розгами или крапивой благотворно воздействует на эрекцию. Лечить этим чудодейственным средством можно безумие, меланхолию, худобу и различные телесные недуги. А уж как порка от импотенции помогает – просто загляденье! Причину столь благотворного влияния порки на мужской организм доктор связывал с механизмом образования спермы. Мейбомиус полагал, что сперма образуется в двух семенных пузырях, расположенных в районе почек. Когда сперма нагревается, она резвее течет по семенным каналам в мошонку, а потом извергается через половой член. Собственно, порка и помогает разогреть всю область вокруг тех самых семенных пузырей.

Выводы Мейбомиуса повлияли на трактат французского священника Буале «История флагеллянтов, или правильное и извращенное применение розог у христиан» (1700). Буале рассматривал два популярных вида флагелляции – по обнаженным плечам и по ягодицам. Хотя священник был не против самой идеи умерщвления плоти, порка по голому зад у него настораживала. По мнению аббата, из-за близости к гениталиям такая флагелляция возбуждает низменные инстинкты. Еще более известную критику порки мы находим в сочинениях другого француза – Жан-Жака Руссо. В своей «Исповеди» Руссо предупреждал, что телесные наказания развивают у детей чувственность, и в качестве примера приводил собственный опыт. Но самым известным французом, чье имя прочно связано с эротической поркой, был, разумеется, маркиз де Сад. Столь известными были его сочинения, что фамилия маркиза и послужила основой термина «садизм», который в 1886 году ввел в употребление немецкий психиатр Рихард фон Краффт-Эбинг в научном труде «*Psychopathia Sexualis*».

Чтобы обозначить стремление к получению боли, Краффт-Эбинг позаимствовал фамилию австрийского писателя Леопольда фон Захер-Мазоха, автора романа «Венера в мехах». В романе описываются приключения Северина фон Кузимского, который так любил, чтобы над ним доминировали женщины, что напросился в рабы к роковой красавице Ванде фон Дунаевой. В качестве слуги юноша сопровождал ее во время путешествия в Италию. Поскольку и Северин, и Ванда – это условные славяне, в путешествие они прихватили самовар. Разъезжать по Европе с самоваром уже само по себе мазохизм, но на протяжении всего повествования Ванда также потчует раба хлыстом. Поначалу Ванде не нравилось увлечение Северина, но со временем она вошла во вкус. У хитрой женщины был свой план, о котором недотепа-Северин узнал только в конце их итальянской эпопеи. Как оказалось, Ванда хотела излечить Северина от мазохизма, причем метод выбрала радикальный: связала его, а после попросила своего нового любовника, красавца-грека, выпороть беднягу. Что и было сделано. Северину сразу полегчало: весь мазохизм как рукой сняло. Правда, с тех пор он ударился в садизм и начал хлестать своих любовниц.

Казалось бы, роман как раз и есть воплощение садомазохизма в том виде, в котором мы его сейчас понимаем. Более того, в личной жизни автор тоже предавался таким утехам и даже совершил путешествие в Италию в качестве раба прекрасной аристократки. Но когда Краффт-Эбинг употребил его фамилию во благо науки, Захер-Мазох обиделся. Себя-то он считал не порнографом, а борцом за женские права! Потому что «Венеру в мехах» можно интерпретировать и как критику общества, в котором отсутствует равноправие полов, а значит, один пол обязательно будет в рабстве у другого. Но как бы ни возмущался Захер-Мазох, его имя вошло в анналы психиатрии.

Склонность к садизму или мазохизму Краффт-Эбинг связывал с дурной наследственностью. Иными словами, считал эту склонность врожденной, но способной проявляться при воздействии внешних факторов – например, если ребенок наблюдал за чьей-то поркой. Многие из его пациентов впервые испытали сексуальное возбуждение, читая описания телесных наказаний в романе Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Также он полагал,

что садизм в большей мере присущ мужчинам, мазохизм – женщинам. Причем порку одного мужчины другим (например, ученика учителем) он рассматривал как замену полового акта с женщиной актом насилия.

Розги и станок для порки в английской тюрьме – вероятно, прообраз «лошадки Беркли». Рисунок из книги Генри Мэйхью «Криминальные тюрьмы Лондона и сцена тюремной жизни». 1862

Еще до того, как психиатрия всерьез взялась за теорию садомазохизма, англичане всю жизнь занимались практикой. Бордели для любителей экзекуций процветали как в XIX веке, так и ранее. Например, одна из гравюр в серии Уильяма Хогарта «Карьера проститутки» изображает комнату, на стене которой висит шляпа ведьмы и пучок розог. Последний предмет указывает, какие именно услуги оказывала своим клиентам блудница Молл. Гравюры Хогарта были напечатаны в 1732 году, а 16 лет спустя Джон Клееланд опубликовал порнографический роман «Фанни Хилл: мемуары любительницы развлечений». Как и Молл с гравюр Хогарта, наивная провинциалка Фанни Хилл попадает в Лондон, где начинает карьеру проститутки. Одним из ее клиентов оказывается мистер Барвилл, который получает удовольствие от порки. Он любит сечь проституток, но и сам не прочь отведать «березовой каши». Ради неизведанных ощущений героиня решает провести ночь с этим чудачком. Как

потом отмечает Фанни, вначале порка показалась ей довольно неприятной процедурой, но вскоре девица возбудилась и тоже получила удовольствие. Все остались довольны.

В XIX веке английских проституток, оказывавших подобного рода услуги, называли «гувернантками». Одной из самых известных лондонских «гувернанток» была миссис Тереза Беркли, содержавшая бордель по адресу Шарлотт-стрит, 28. Каких только орудий не было в ее гостеприимной классной комнате: розги, плетки-девятихвостки, некоторые из них утыканные иголками, ремни и трости, а летом – пучки крапивы, красиво расставленные по китайским вазам. Этой же distinguished даме человечество обязано изобретением «лошадки Беркли» – раздвижной лестницы с мягкой обивкой. Лошадка напоминает современный массажный стол, только поставленный вертикально. Клиента привязывали к лестнице, его голова выглядывала из одного отверстия, гениталии – из другого. Лестницу можно было наклонять для пущего удобства всех заинтересованных сторон. Таким образом, «гувернантка» хлестала клиента с одной стороны, а ее напарница ублажала его с другой. Сие затейливое устройство, изобретенное в 1828 году, к 1836 году принесло 10 000 фунтов дохода – баснословная цифра по тем временам!

Флагеллянтские бордели скрывались и под вывеской массажных салонов. Одно из таких лондонских заведений, по адресу Мэрилбоун-роуд, 120, предлагало «лечение ревматизма, подагры, ишиаса и невралгии с помощью сухих воздушных ванн, массажа и дисциплины». Служившие там дамы назывались не «гувернантками», а «медсестрами», и одевались соответствующим образом.

Не всегда отношения между проститутками и клиентами были такими любовными, как у Фанни Хилл и милейшего мистера Барвилла. По Лондону ходили слухи о том, что девушек насильно увозят в бордели, где над ними издеваются садисты. Писал о таких борделях и наш добрый знакомый Уильям Стэд. В 1863 году разгорелся скандал, связанный с заведением некой миссис Сары Поттер. Четырнадцатилетняя Агнес Томпсон обвиняла ее в том, что в течение 7 месяцев женщина удерживала ее в борделе, где Агнес избивали клиенты. По словам девочки, ее раздевали донага, привязывали так, что она не могла шевелиться, затыкали рот полотенцем и секли розгами. Помимо нее, в борделе содержались и другие девочки, с которыми обращались точно так же. Однажды утром миссис Поттер вышвырнула Агнес на улицу, без еды и денег. Тогда Агнес постучалась в соседний дом, где ее приютили и вызвали ей врача. Суд приговорил миссис Поттер к 6 месяцам каторжных работ.

Процветала и порнография. Как и в случае «Фанни Хилл», любой уважающий себя порнограф считал нужным добавить в роман хотя бы одну сцену порки. Без нее повествование получалось пресным, как суп без соли. Выходили, разумеется, и романы садомазохистской направленности с такими названиями, как «Любвеобильный турок, или Распутные сцены в гареме», «Пирушки леди Бамтиклер», «Танец мадам Бечини», «Монастырская школа, или Ранние опыты юной флагеллянтки», «Желтая комната», «Розга в будуаре» и прочая, и прочая. Книжки были щедро проиллюстрированы.

Отдельным жанром шла флагеллянтская поэзия. Особенно на этой ниве преуспел английский поэт Алджернон Чарльз Суинберн. До относительно недавнего времени на вопрос о садомазохизме Суинберна биографы смущенно кашляли и невнятно бормотали. Что касается его садомазохистских стихов, они до сих пор публикуются с пометкой «приписывается А. Суинберну». Признать его авторство решится не каждый. Тем более что Оскар Уайльд называл его *«хвастуном по части пороков, который сделал все возможное, чтобы убедить сограждан в своей гомосексуальности и скотоложестве, не будучи при этом ни гомосексуалистом, ни скотоложцем»* [43]. Но садомазохистом Суинберн все-таки был, если судить по его переписке с друзьями, а также походам во флагеллянтские бордели, где он просаживал немало денег.

Алджернон Суинберн. Рисунок Уильяма Белла Скотта

Считается, что флагелломаном Суинберн стал еще в Итоне. Там он наблюдал за наказаниями однокашников, да и сам подвергся порке. Про своего наставника, преподобного Джеймса Лей Джойнса, он оставил неоднозначные воспоминания. В частности, Суинберн писал, что однажды перед поркой Джойнс обрызгал его одеколоном. В своих стихах Суинберн описывает итонскую порку с поистине эпическим размахом. Стихи он публиковал в порнографическом журнале «Зе Перл», который издавался в Лондоне с июля 1879 года по декабрь 1880-го. Помимо флагеллянтских фантазий, в журнале публиковали непристойные лимерики (юмористические пятистишия. – *Ред.*) и тексты вроде «Что сделает муж, застигнув жену с любовником?»

Одним из самых интересных садомазохистских феноменов XIX века была переписка в прессе. Нередки были объявления, в которых любители экзекуций завуалированно предлагали друг другу встречи. Например, 31 января 1863 года журнал «Панч» перепечатал следующее объявление из ливерпульской газеты «Дейли Пост»: «Требуется молодая особа, примерно 20 лет, в качестве экономки в доме вдовца и наставницы для его сыновей, старшему из которых 10 лет. Должна обладать приятной внешностью и хорошими манерами; образованность не обязательна. Жалованье 25 фунтов. В письме указать адрес, возраст, а также согласны ли вы устраивать суровые телесные наказания». Журналисты «Панча» искренне посочувствовали «современному Соломону». Живи он век назад, мог бы пригласить в экономки саму миссис Браунригг – садистку, повешенную за убийство своей воспитанницы. Зато Алджернон Суинберн подумывал о том, чтобы переодеться в женское платье и подать заявку!

Еще более заметным явлением была переписка садомазохистов в таких семейных журналах, как «Фэмили Геральд» и «Инглишвуманс Доместик Мэгэзин». В этих журналах давали советы по домоводству и хорошим манерам, а среди всего прочего обсуждали и дела семейные. Как и современные издания, журналы тех лет публиковали письма читателей, на которые потом отвечали другие читатели и так далее. Начать садомазохистскую дискуссию можно было так: «Мой муж любит сечь меня хлыстом. В остальном же он нежнейший из мужей и ни в чем мне не отказывает. Ах, что же мне делать? Быть может, у кого-нибудь найдется совет?» Советы находились. Популярны были и рассказы о телесных наказаниях в школах, в особенности в женских пансионах: за одним письмом следовали другие, в которых корреспонденты добавляли живописные детали к вопросу о порке девочек. От обычных разговоров о телесных наказаниях эти письма отличало изобилие таких клише, как «трепещущая плоть». Получался групповой эротический рассказ.

Интересно, что редакторы спокойно публиковали эти эпистолы, не подозревая корреспондентов в неискренности. Хотя вполне возможно, что и подозревали, просто столь бурная переписка поднимала рейтинг журнала. Зато читатели, не имевшие склонности к садомазохизму, приходили в ужас и строчили опровержения. Дошло до того, что в 1870 году «Инглишвуманс Доместик Мэгэзин» начал выпускать садомазохистские письма отдельным ежемесячным приложением «ввиду необычайного интереса к этой дискуссии». Остальные читатели вздохнули с облегчением – наконец-то они могли листать журнал, не натываясь на сочные описания непристойностей. Да и садомазохисты были не в убытке, ведь хотя бы на некоторое время они получили отдельное издание.

Ханна Каллвик – золушка которая не хотела стать принцессой

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [44], – писал Лев Толстой в первых строках «Анны Карениной». Но двое англичан, современники Толстого, могли бы и опровергнуть эту аксиому. Они были счастливы по-своему, не так, как другие счастливые семьи, а гораздо оригинальнее. Встречайте одну из самых необычных пар викторианской Англии – Артур Манби и Ханна Каллвик, его жена, горничная и рабыня. Впрочем, по мнению мыслителя Джона Стюарта Милля, любая викторианская жена была одновременно рабыней своего мужа, ведь у замужних женщин не было практически никаких прав. Рабыней можно назвать и горничную, на которую взвалена вся работа по дому. Однако ни жены, ни даже горничные не носили ошейник. А Ханна его носила, причем с гордостью.

Но не будем забегать вперед и проследим биографию неординарной викторианской служанки с самого ее рождения. Ханна родилась 26 мая 1833 года в Шифнале (Шропшир). После того как отец Ханны разорился, ее, старшую из дочерей, отправили на заработки. Сначала она работала в зажиточном доме по соседству, потом – на постоялом дворе, а когда ей стукнуло 14, поступила помощницей няни в многодетную семью. Можно представить, как несладко ей приходилось на первых порах. Однажды хозяева отозвали ее из детской и сообщили, что две недели назад скончались ее родители. Вернуться домой ей не разрешили, чтобы она не привезла с собой заразу. Еще долго Ханна рыдала в одиночестве, лежа на полу. Как она писала впоследствии, в тот момент ее покинуло всякое желание жить.

Но она продолжала свой скромный и незаметный труд, не рассчитывая на благодарность, наслаждаясь самой работой, в которой она искала христианское спасение. Ведь Бог не может не оценить ее покорность и трудолюбие! В сказке скромную и терпеливую девицу ждала бы награда – танцы на балу, свадьба с принцем, жизнь при дворе. Но кроме своей любви к теплой золе, Ханна мало чем напоминала сказочную Золушку. Никакой хрустальный башмачок не налез бы на ее большие крестьянские ступни. Она была высокой и крепко сбитой, в 21 год весила 73 кг. У нее были крупные, очень сильные и мускулистые руки, которые она обожала обмерять со всех сторон. Когда хозяйки, морща носик, удивлялись ее огромным ручищам, Ханна сияла от гордости. В дальнейшем, именно

руки сыграют ключевую роль в ее судьбе.

В 1850-х Ханна служила в Лондоне. Как-то раз во время ничем непримечательного похода за покупками она поймала на себе восхищенный взгляд молодого джентльмена с курчавой бородкой. Посмотрела на незнакомца – и была сражена! Так начался роман, который продлился полвека, вплоть до ее смерти в 1909 году.

Джентльмена звали Артур Манби. Он родился в 1828 году в Йорке, в семье адвоката и дочери пастора. Изящная и болезненная матушка почти не принимала участие в воспитании сына, о мальчике заботилась нянька, которую тоже звали Ханна. У Манби-старшего было достаточно средств, чтобы дать сыну хорошее образование. Юноша выучился на юриста и зажил респектабельной жизнью. В то же время его одолевала всепоглощающая страсть. Он не пропускал ни одной юбки... если она была грязной и рваной, а ее обладательница – бабой из народа. Женщины среднего класса не вызывали у мистера Манби ничего, кроме отвращения. Иное дело – молочницы, уличные торговки, проститутки и посудомойки. От них у молодого Артура кружилась голова.

Проектом его жизни стало фотографирование работниц, которых он считал исчезающим видом. Хотя мистер Манби уверял, что этот проект сугубо социологический, его интерес был не таким уж бескорыстным. Все свободное время Манби посвящал поискам «Дульциней» из народа. Он захаживал в цирк, чтобы полюбоваться на акробатов в мужских трико. Ему ничего не стоило сняться с места и поехать за многие мили, чтобы пообщаться с шахтерками, которые в те годы еще надрывались в забоях. Его записные книжки были полны зарисовок – широкоплечие женщины в мужских штанах, с черными лицами и длинными руками. Грубые, отекавшие от работы руки, и чем грязнее, тем лучше, были фетишем мистера Манби. Историки порою называют его мизофилом, человеком, приходящим в эротическое возбуждение от грязи и нечистот. Впрочем, фетиш Манби был более обширным – его привлекал любой тяжелый труд.

А тут в Ханне Каллвик Манби обрел свой идеал. Его поразила ее внешность при первой же встрече. Простая посудомойка из провинции, она держалась с достоинством высокородной леди. Ее прекрасные руки были красными и загрубевшими от плеч до кончиков пальцев, и это обстоятельство сразило Артура наповал. Он заговорил с девушкой, они познакомились и стали тайно встречаться. По просьбе Артура Ханна начала вести дневник, который стал уникальным ресурсом для историков, изучающих повседневность. Свой распорядок дня она описывала в мельчайших деталях.

Почти сразу у любовников начались тайные игры, которые несли на себе яркий отпечаток садомазохизма. Пока Ханна, стоя на коленях, отскребала коготь с крыльца, Артур прохаживался мимо нее. Потом, когда она служила в меблированных комнатах, он снимал номер, чтобы она обслуживала его, как любого другого постояльца. Когда выдавалось время, Ханна навещала его в своей грязной, пропахшей потом одежде и нарочно мазала лицо ваксой. Тем же вечером она переодевалась в элегантное платье и позировала для фотографии. Он фотографировал ее в образе простой служанки и знатной дамы, кающейся Магдалины и чернокожего раба. Как-то раз Ханна коротко постригла волосы и путешествовала по Европе в качестве камердинера мистера Манби. Впоследствии она вновь совершила европейский вояж, но уже в женском платье и под именем «миссис Манби». Служанка могла изображать кого угодно, но всегда выставляла напоказ свои руки, которые так любил Артур.

Своего любовника Ханна называла «масса» – диалектное словечко от «master», т. е. господин, хозяин. В знак его власти над собой она начала носить кожаный браслет на правой руке. Фетиш стоил ей рабочего места: Ханна должна была прислуживать за столом, и хозяева потребовали, чтобы горничная сняла грязную кожаную повязку. Ханна отказалась наотрез. Хозяева пригрозили ей расчетом, и Ханна, пожав плечами, собрала вещи и ушла. Свой образ жизни, всецело связанный с Артуром, она ценила настолько, что ради него могла пожертвовать местом.

В конце концов Ханна поселилась в доме Артура в качестве его горничной. Друзья не могли не догадываться о том, что они сожительствоуют, хотя вряд ли подозревали, как именно они проводят время. Артур млел, когда Ханна мыла ему ноги и массировала ступни – она тоже наслаждалась этим занятием. Дело в том, что у Ханны был свой фетиш – обувь. Чистка обуви была ее излюбленным занятием, и она постоянно подсчитывала, сколько пар ботинок вычистила за месяц, за год, за всю жизнь. Иногда она вылизывала ботинки Артура и утверждала, что может на вкус определить, где он побывал. Иными словами, это была очень странная и очень счастливая парочка.

Ханна была не безвольной рабыней, полностью подчинившейся мужчине. Она получала огромное удовольствие от этих отношений и тоже воплощала в жизнь свои фантазии. А вот попытки командовать собой против воли принимала в штыки. Уже после их свадьбы в дверь постучался мальчишка-посыльный. Манби потребовал, чтобы Ханна называла его «сэр» в присутствии чужого, но та обиделась и ушла к себе. Она осознавала себя рабыней лишь в контексте игры. Это отнюдь не означало, что ею можно помыкать в реальной жизни. Как-то раз она записала в своем дневнике о ссоре с хозяйкой: *«Мисс М. сказала, что ей лучше знать, а я ответила – „Нет, мэм, не вам судить о моей работе“. Наверное, она заметила, что я обозлилась, так что сказала – „Ханна, ты забываешься“. А я ей – „Нет, мэм, не забываюсь“»* [45].

В 1873 году их счастьем наступил конец. Артур решил узаконить отношения с любимой женщиной. Он тайком приобрел свадебную лицензию, а потом уже поставил Ханну перед фактом. Она пришла в ярость. Стать законной женой, целиком и полностью зависимой от Артура, ей не хотелось. А ну как он всерьез начнет ею командовать? И деньги будет отбирать? Ведь прежде Ханна настаивала, чтобы Артур платил ей жалованье. Она

сизмалства привыкла зарабатывать, самой пробиваться в жизни, а теперь Артур вознамерился отнять ее свободу. Но делать нечего, лицензия куплена, и родного человека не хочется обижать. Придется идти под венец.

Брак был законным, но тайным. Гости, посещавшие апартаменты Манби, не подозревали, что скромная служанка, принимающая их шляпы, на самом деле и есть миссис. Более того, Ханна настояла на том, чтобы Артур продолжал платить ей жалованье. Несколько раз новоиспеченный супруг предпринимал попытки слепить из нее леди, но Ханне было неудобно в дорогих нарядах, а общество бывших господ ее тяготило: *«Я могу работать в свое удовольствие. Уходить и возвращаться, когда захочу... Столько лет бродила по Лондону, а никто мне дурного слова не сказал. И не скажет, если одеваться по-простому и не лезть в чужие дела»* [46].

Через 4 года после свадьбы ее терпению наступил конец. Она хлопнула дверью, уехала в Шропшир и вновь поступила в услужение. Оттуда она строчила мужу обиженные письма, хотя и признавала, что любит его по-прежнему. Мистер Манби терзался. Он считал себя Пигмалионом-неудачником. Якобы он так крепко вбил в Ханну подчинение, что она уже никогда не станет свободной женщиной. Если Ханна и слышала его причитания, то разве что крутила пальцем у виска. Она-то всегда знала, что их времяпровождение – всего лишь игра. А жить она будет, как ей захочется.

Супруги помирились, и мистер Манби часто навещал Ханну на новом рабочем месте. Попыток жить вместе они уже не предпринимали, хотя и оставались добрыми друзьями. В июле 1909 года Ханна скончалась, а в следующем январе за ней последовал Артур. Свои фотографии, переписку и дневники Ханны он передал на хранение в Тринити Колледж, Кембридж. После смерти Манби стало известно о его тайном браке, и общественность была шокирована – фи, что за мезальянс! А когда в 1950 году был открыт доступ к его архиву, общественность вновь была шокирована, но уже по-другому. С тех самых пор имя простой служанки не сходит с уст историков, а ее отношения с Артуром Манби помогли переосмыслить сексуальность в викторианскую эпоху.

«Любовь, что таит свое имя»: гомосексуализм в Англии XIX века

Как мы только что видели, чопорные викторианцы не только не отрицали секс, но активно обсуждали и проституцию, и садомазохизм, причем не только мужчины, но и женщины. Но была и другая тема, которую англичане предпочитали не затрагивать, хотя не касаться ее было невозможно. Гомосексуализм. Точнее – «содомия», «порок», «мерзость» и «стыд», потому что сам термин гомосексуализм появился, вероятнее всего, только в 1868 году. Неудивительно, что Альфред Дуглас, любовник Оскара Уайльда, описывал гомосексуализм как «любовь, что таит свое имя». Лесбиянок называли «трибадками» или же «сапфистками», по имени поэтессы Сафо (Сапфо), проживавшей в VI веке до н. э. на славном острове Лесбос. Большинству гомосексуалистов приходилось скрывать свои предпочтения из-за страха перед общественным осуждением, из-за стыда и, не в последнюю очередь, из-за боязни уголовного преследования.

Чтобы выяснить, когда же началось преследование сексуальных меньшинств в Англии, нам нужно перенестись во времена Генриха VIII. Статут против содомии был принят в 1533 году и карал не только гомосексуализм как таковой, но также скотоложество и любой тип анального проникновения. «Противоестественные преступления», в зависимости от их тяжести, влекли за собой тюремный срок, стояние у позорного столба или повешение. Впрочем, стояние у столба само по себе можно приравнять к смертной казни: как мы уже говорили, лондонцы соревновались в меткости, закидывая преступников гнилыми овощами и дохлыми котятками, а порою и камнями. Со временем англичане отвлеклись от тех, кто слишком тесно дружил с овцами, и обрушили праведный гнев на гомосексуалистов. По мнению некоторых историков, повышенное внимание к ним было связано с другой тенденцией конца XVIII века – более четким разделением на мужские и женские роли.

Общество ревностно следило за тем, чтобы никто не нарушал иерархию полов, и строго наказывало виновных.

Но насколько строго? В 1861 году смертная казнь за содомию была заменена пожизненной каторгой, а наказание за «непристойное нападение» (например, попытка принудить кого-то к сексу, не увенчавшаяся успехом) было установлено в пределах от двух до десяти лет тюрьмы. Однако не все выявленные случаи содомского греха заканчивались судимостью. Вплоть до середины XIX века в Англии попросту не хватало полиции, чтобы уследить за всеми подданными Ее Величества. Судьи полагались на доносчиков и шантажистов, а также на тех, кто подвергся насилию и подавал в суд на своего оскорбителя. Исход дела зависел от надежности свидетелей (их должно было быть как минимум двое) и обстоятельств преступления – например, произошло ли оно в общественном месте или в уединении.

Невозможность назвать вещи своими именами – настоящая примета времени – затрагивала и судебные процессы. В 1839 году двое джентльменов предстали перед судом за то, что *«незаконно встретились... в уборной... с целью совершить разнообразные грязные, порочные, омерзительные, похотливые и чудовищно противоестественные содомские действия»* [47] (и все это в ограниченном пространстве уборной!). А газеты, освещавшие знаменитый скандал на Кливленд-стрит, интриговали читателей формулировками вроде той: «Свидетель рассказал то, что никак невозможно здесь напечатать».

Год 1885 оказался противоречивым в истории Великобритании. В этом году коллеги мистера Стэда праздновали победу. Свершилось! Парламент принял обширный закон по борьбе с проституцией. Возраст согласия был поднят до 16 лет, домовладельцы, допускавшие секс с детьми в своих помещениях, подлежали уголовному преследованию, стало возможным забирать девочек у опекунов, если те принуждали их к проституции. Но в бочке меда не обошлось без ложки дегтя. По крайней мере, именно так многие восприняли «поправку Лабушера».

Согласно этой поправке, проступком (misdemeanor) считались «любые непристойные действия между мужчинами, совершенные в общественном месте либо в уединении, а также попытка совершения подобных действий или сводничество с целью подобных действий». Нарушителям грозил тюремный срок вплоть до двух лет, с каторжными работами или без них. Иными словами, противоправным стал любой гомосексуальный акт, а не только содомия как таковая.

Генри Лабушер. Карикатура из журнала «Панч». 1881

Историки по-разному трактуют «поправку Лабушера». Кто-то видит в ней веяния новой пуританской морали. Победив, евангелики установили свои порядки. С другой стороны, законы и раньше карали гомосексуальные акты – вспомнить, хотя бы, «непристойное нападение». Но раньше подобные дела зависели от желания судьи рыться в чужом белье, а этого хотелось далеко не всем. Теперь же выносить обвинительные приговоры стало проще. Под статью попадало все, что угодно. Можно сказать, что поправка свидетельствовала о желании общества преследовать гомосексуализм, тем более что желание совпало с возможностями – система полиции стала куда более развитой.

Справедливости ради надо отметить, что сам Генри Лабушер пуританином не был. Скорее, наоборот. Богатый наследник, в молодости «Лабби» просаживал деньги на скачках и в борделях, много путешествовал, успел побывать дипломатом, журналистом и владельцем театра. Интересно, что журналист Фрэнк Харрис уверял, будто Лабушер и вовсе хотел саботировать законопроект, довести его до абсурда: если уж выкорчевывать пороки, то почему бы и содомитов не наказать? Но законодатели якобы не оценили шутку и приняли поправку на ура. Так или иначе, в истории мировой литературы «поправка Лабушера» сыграла роковую роль. По ней был осужден Оскар Уайльд.

Отношение к лесбиянкам было несколько иным. Согласно распространенному анекдоту, в 1885 году королеве Виктории принесли билль, включавший «поправку Лабушера». Ее Величество одобрила законопроект, но страшно удивилась, увидев

упоминание о лесбиянках. Они-то здесь зачем? Как женщины могут предаваться такому пороку, если природа не наделила их необходимыми частями тела? По настоянию королевы, сапфисток из законопроекта вычеркнули. Хотя этот случай относится скорее к области фольклора, чем юриспруденции, он хорошо иллюстрирует положение лесбиянок – они были менее заметны.

Как и содомиты, сапфистки считались отклонением от нормы, но отклонением не всегда отрицательным. В этом случае показательна история дам из валлийского города Лланголлен. В 1778 году две ирландские девицы, представительницы благородного сословия, сбежали из дома, переодевшись в мужское платье. Одна из них, леди Элеанор Батлер, неоднократно получала предложения руки и сердца, но предпочла разделить судьбу с подругой Сарой Посонби. Беглянок вернули в отчий дом, но несколько месяцев спустя они сбежали вновь и на этот раз добрались до Уэльса. Поняв, что дочерей не отговорить, родители смирились с их решением и назначили им пособие. До конца дней женщины прожили в доме близ Лланголлена, заботясь о хозяйстве и о собачке по имени Сафо. Обе подруги носили длинные юбки, мужские сюртуки и мужские же шляпы.

Дом леди Батлер и Сары Посонби стал местом своеобразного паломничества – его в свое время посетили герцог Веллингтон, леди Каролина Лэмб и поэт Вильям Вордсворт. Союз двух женщин прослыл воплощением романтической дружбы, «браком», исполненным целомудрия. Тем не менее находились и критики, называвшие подруг «проклятыми сапфистками» и утверждавшие, что ни одна женщина не осмелится переночевать в их доме без сопровождения мужчины. Сами же Леди Батлер и Сара Посонби предпочитали, чтобы их отношения считали романтической дружбой, и злились, когда к ним относились иначе.

Другой образ лесбиянки, более распространенный в викторианскую эпоху, существовал в основном в мужских фантазиях. Это был поэтичный образ женщины, которая хотя и является лесбиянкой, но ждет, что в ее жизни появится мужчина. Прямо как Сафо, которая прыгнула со скалы из-за любви к красавцу Фаону. Также было распространено мнение, что сапфистки ненасытны в любви и в своей ненасытности сметают все барьеры. Но их жажда никогда не будет утолена без мужчины. Он должен пожать плоды их страсти, ибо женщина женщину удовлетворить никогда не сможет.

Сафо. Рисунок из книги «Всемирно известные женщины». 1881

Наконец, существовало и третье мнение – неприязнь и недоверие, смешанное с долей тревоги. В этом отношении показательна новелла ирландского писателя Шеридана Ле Фаню «Кармила». В ней автор повествует о графине Кармилле Карнштайн, которой на момент действия перевалило за добрую сотню лет. Но вампиресса еще не утратила пыл юности, тем более что минувшие года на ней не отразились. Ее любимое развлечение – напроситься в гости к милой девушке, а потом неспешно выпить ее кровь, посещая спальню юницы по ночам.

Викторианская медицина была к гомосексуалистам неласкова. В то время как большинство эскулапов сходилось во мнении, что гомосексуализм это болезнь, существовали разногласия в том, как же ее расценивать – как болезнь тела или болезнь ума, врожденную или приобретенную, излечимую или нет. Некоторые врачи просто регистрировали «физические аномалии», вызванные гомосексуальными актами, другие же утверждали, что именно аномалии половых органов являются причиной гомосексуализма.

Повсеместно считалось что мужчина, испытывающий страсть к другому мужчине, должен быть более женственным. В качестве характеристик содомита называли высокий голос, слаборазвитые мускулы, мягкую кожу, развитый таз, делающий фигуру похожей на женскую. Особенно врачей интриговало строение половых органов. Считалось, что анус у пассивных гомосексуалистов по форме напоминает воронку. Это мнение доминировало в судебной медицине, при обследованиях подозреваемых в содомии. Домыслы доходили до смешного: бытовало мнение, что гомосексуалисты не умеют свистеть и плевать, потому что это чисто мужское поведение, которое просто не может быть присущим третьему полу. То же самое распространялось и на лесбиянок – якобы у них неестественно удлиненные клиторы, которые они используют в качестве половых членов. Им приписывали развитые мускулы и грубые голоса, в обязательном порядке они должны были курить, заниматься

спортом, плевать, свистеть и ругаться.

К концу XIX века в медицинских кругах набирало вес мнение, что гомосексуализм это не телесный недуг, а врожденное психическое заболевание, поэтому обращать внимание следует не на физические проявления, а в первую очередь на состояние ума. Казалось бы, час от часу не легче, вместо криминальной медицины гомосексуалистами займется психиатрия. На самом же деле такая точка зрения принесла гомосексуалистам некоторую пользу. До 1880-х годов, доктора видели гомосексуалистов, в основном, в тюрьмах, теперь же «содомиты» могли обратиться к психиатру за помощью и рассчитывать на некоторое понимание.

Тем не менее врачи все же пытались излечить гомосексуализм, надеясь построить мост между «ненормальностью» и «нормой». Если мужчину тянуло к юношам, ему советовали познакомиться с девушкой, похожей на юношу. Последующая семейная жизнь обязательно излечит его от недуга. К сожалению, светила науки не задумывались о том, как же будет чувствовать себя женщина, на которой женятся в качестве терапии. Некоторые доктора надеялись убить двух зайцев и советовали гомосексуалистам жениться на лесбиянках, ведь лесбиянке понравится женственный мужчина, а ему – мужеподобная женщина.

Одним из гомосексуалистов, решивших исцелиться браком, был Джон Эддингтон Симондз, английский поэт и литературовед. Он то боролся со своими желаниями, то пытался оправдать их, ища параллели в античности. Еще в юности Симондз оказался вовлечен в гомосексуальный скандал: один из старшеклассников частной школы Хэрроу, Альфред Претор, поведал ему о своей связи с директором школы. Уже после выпуска Симондз поделился этой историей с отцом, а тот предал ее огласке. В результате директор Воган лишился поста (впоследствии он стал деканом собора), а Претор так и не простил болтливую однокашника. В 1864 году Симондз взял в жены Кэтрин Норт, которая родила ему четырех дочерей. Исполнив завет «плодитесь и размножайтесь», супруги прекратили половую жизнь, но до конца дней оставались друзьями. В 1883 году Симондз написал эссе «Проблема в греческой этике», воспевавшее гомосексуализм в античности, а в 1890-х – исследование «Сексуальная инверсия» в соавторстве с психологом Хэвлоком Эллисом.

Медицина пыталась воззвать и к «естественным инстинктам». Врачи предписывали пациентам частые походы в бордель, с предварительным употреблением большого количества алкоголя. Таким образом они надеялись, что гомосексуалист ступит на праведную стезю и впоследствии женится (а счастливая жена приобретет не только мужа-гомосексуалиста, но и алкоголика и, возможно, сифилитика). Еще один вид терапии включал в себя гипноз. Во время гипноза врач повторял, например, следующие фразы: «Я ненавижу онанизм, потому что от него мне становится плохо. Меня больше не влечет к мужчинам, потому что любить мужчин – против веры, природы и закона. Меня влечет к женщинам, потому что они прекрасны, желанны и созданы для мужчин». Сессии гипноза длились годами, а пациенты порою имитировали полное излечение, потому что подобное лечение было очень дорогим. Среди методов лечения были также кастрация и электрический ток. К счастью, они применялись крайне редко.

Дело веселых трансвеститов

28 апреля 1870 года две очаровательные барышни, прозывавшиеся леди Стелла Клинтон и мисс Фанни Уинифред Парк, посетили театр Стрэнд. Обе были наряжены в вечерние платья. После представления Фанни понадобилось поправить оборки на нижней юбке, и она подошла к служителю с вопросом: «Есть у вас тут дамская уборная?» «Да, мадам, пожалуйста сюда». На улице Фанни поджидала ее компаньонка, облаченная в алое платье с глубоким декольте и белые лайковые перчатки. Но когда Фанни, поправив нижнее белье, присоединилась к подруге, обеих арестовала полиция. За псевдонимами «Стелла» и «Фанни» скрывались мужчины!

Звали их, соответственно, Эрнест Боултон, 22 года, сын биржевого маклера, и

Фредерик Уильям Парк, 23 года, студент-юрист. В свободное время Стелла и Фанни участвовали в любительских постановках, неизменно одетые в женские платья. За месяц до ареста они, назвавшись сестрами, посетили регату в Оксфорде. Рядом с этой парочкой видели лорда Артура Клинтона, воздыхателя «Стеллы», который тоже принимал участие в спектаклях и снабжал «ее» деньгами. Даже если Боултон и Парк появлялись на улице в мужских костюмах, вид у них все равно был вызывающий – помада на губах и, согласно полицейским отчетам, «чрезмерно вычурные жесты».

Весельчаки привлекли внимание полиции, и с 1869 года за ними был установлен надзор, закончившийся арестом. Сразу же после задержания Боултона и Парка осмотрел полицейский врач, который пришел к выводу, что оба молодых человека являлись содомитами. Следовательно, их можно было обвинить в «сговоре с целью совершения тяжкого преступления». Дело было отправлено на слушание в уголовный суд Олд Бейли. Газеты пестрели заголовками «Мужчины в юбках», «Джентльмены притворяются женщинами», «Юноши в женских нарядах», «Случай с джентльменами-дамами». Лондон предвкушал настоящую феерию.

Молодые люди проживали по разным адресам, но вместе снимали квартиру на Уэйкфилд-стрит, где переодевались перед вечерними эскападами. На квартиру нагрянула полиция и произвела обыск, в ходе которого был обнаружен преступный арсенал: 16 шелковых и атласных платьев, дюжина нижних юбок, десяток плащей, несколько шляпок, двадцать париков, а также дамские панталоны, обувь, щипцы для завивки, перчатки, пудру. Боултон и Парк жили на широкую ногу и злодействовали с размахом.

Здесь же были найдены письма американца Джона Сэффорда Фиске, предполагаемого любовника Боултона. Единбургскую квартиру Фиске обыскали. В его спальне был припрятан альбом с фотографиями Боултона в женском платье, но Фиске успел уничтожить его письма. Американец был вовлечен в разбирательства, также как и другие поклонники Стеллы – почтовый служащий Луис Херт и лорд Артур Пелэм Клинтон, третий сын герцога Ньюкэстлского. Тридцатилетний лорд Артур заказал для Стеллы обручальное кольцо и визитки с надписью «Леди Артур Клинтон». Он не присутствовал на вынесении вердикта, потому что 18 июня того же года покончил с собой (по официальной версии – скончался от скарлатины).

Между тем процесс продолжался. Начался он с того, что были зачитаны более тысячи писем всех подсудимых. Уже тогда дело начало пахнуть фарсом. Боултона и Парка обвиняли в сговоре с целью совершения тяжкого преступления – содомии, но было ли оно совершено на самом деле? По мнению судьи, письма указывали лишь на непристойное поведение. Попенял он и врачу, который превысил свои полномочия, осматривая подозреваемых. А медицинские эксперты со стороны защиты хором подтвердили, что никаких улик на теле обвиняемых найдено не было. Их анатомия была полностью нормальной.

Боултон и Парк. Рисунок из журнала «Иллюстрированные полицейские новости». 1870

Свидетели тоже позабавили присутствующих. Чего только стоил бидль, которого Боултон назвал: «Ах, ты, моя душечка!» Или торговец Кокс, который едва не плевался, вспоминая, как он поцеловал Боултона (тогда Боултон был одет в мужской костюм, но мистер Кокс принял его за переодетую девицу). Судя по судебным записям, в зале не смолкал смех. «Фанни» и «Стелле» удалось перенести атмосферу водевиля с театральных подмостков в суровые стены «Олд Бейли». В итоге проще было счесть их чудаками, заигравшимися в театр, чем содомитами. В конце концов, присяжные вынесли оправдательный приговор, который присутствующие встретили аплодисментами и криками «браво!». На скамье подсудимых Боултон закатил глаза и упал в обморок. Новый взрыв хохота.

Процесс Боултона и Парка можно сравнить с судом над Оскаром Уайльдом в 1895 году. Вот где хочется перефразировать расхожее высказывание: история повторяется дважды, первый раз как фарс, второй – как трагедия. Но что же произошло в 1895 году? Почему приговор Оскара Уайльду оказался не в пример строже? Почему его не спасла даже мировая слава? Чтобы ответить, надо вспомнить, что между этими двумя процессами произошли два важных события. Во-первых, была принята «поправка Лабушера». Во-вторых, на Кливленд-стрит разразился скандал, в котором, если верить слухам, был замешан внук самой королевы.

Скандал на Кливленд-стрит

Самый громкий скандал конца 1880-х начался с незначительного эпизода – расследования мелких краж на центральном телеграфе. 4 июля 1889 года констебль Люк Хэнкс допрашивал мальчишек-посыльных, разносивших телеграммы. У одного из них, пятнадцатилетнего Чарльза Суинскоу, в карманах было обнаружено целых 18 шиллингов. Казалось бы, воришка пойман, но правда была еще горше. Чарли Суинскоу признался, что вместе с другими посыльными подрабатывает в гомосексуальном борделе мистера Хэммонда

по адресу Кливленд-стрит 19. Там они ложились в постель с богатыми и знатными господами и получали за это по 4 шиллинга.

В деле появились новые фамилии, причем достойные пера Диккенса – Суинскоу упомянул Джорджа Алма Райта и Эрнста Тикбрума, а завербовал их некий Гарри Ньюлав, тоже бывший посыльный. Расследование сразу же изменило направление. Какое уж тут мелкое воровство, если на центральном телеграфе творятся такие непотребные и, главное, преступные дела? Ведь Суинскоу рассказал, что занимался сексом с Ньюлавом прямо там, в уборной. «Поправка Лабушера», запрещающая любые гомосексуальные акты, пришлось констеблям очень кстати.

На следующий день Хэнкс отчитался перед начальством, и дело решено было поручить инспектору Абберлайну, одному из самых известных детективов своего времени, расследовавшему преступления Джека Потрошителя. Абберлайн немедленно получил ордера на арест Хэммонда и Ньюлава, которых обвиняли в преступном сговоре с целью сводничества и подстрекательства к «совершению омерзительного преступления – содомии». Но Чарльз Хэммонд, содержатель того самого Содома на Кливленд-стрит, держал ухо востро. В молодости он сам занимался проституцией и отлично знал, что можно ожидать от полиции. Еще до обыска он успел собрать пожитки и вместе с женой-француженкой, проституткой по имени Каролина, покинул Лондон, а затем и Англию. Некоторое время он обретался во Франции, но, опасаясь экстрадиции, потом уехал за океан, в США, где и затерялись его следы.

Тем не менее полиция добралась до Гарри Ньюлава. Во время допроса он буркнул: «Несправедливо, что я влип в неприятности, а важные особы гуляют на свободе». Он назвал несколько имен, в том числе лорда Артура Сомерсета, сына герцога Бофора, и лорда Юстона, наследника герцога Графтона. То были знатные и уважаемые господа, близкие ко двору, но и столпы общества пошатнулись.

Лорду Сомерсету исполнилось 38 лет. Он был блестящим кавалерийским офицером, шталмейстером и другом принца Уэльского. Как писал журнал «Вэнити фэйр», *«это лучший из сыновей, истинный Сомерсет, настоящий джентльмен, отличный спортсмен и благожелательный человек, полный здравого смысла. К нему благоволит прекрасный пол...»* [48]. Однако, как видим, за благопристойным фасадом семейство Сомерсетов прятало бурную личную жизнь. Восьмой герцог Бофор, отец лорда Сомерсета, питал страсть к юным особам, чем моложе, тем лучше, а старший брат Артура, лорд Генри Сомерсет, завел роман со своим лакеем. О похождениях лорда Генри узнала его жена Изабелла, и супруги разъехались. Так что лорд Артур действительно был «истинным Сомерсетом», продолжателем семейных традиций. Разумеется, он отрицал свою причастность к нехорошему дому, и полиция не стала его задерживать. Но в покое тоже не оставила.

19 августа того же года был арестован еще один сообщник Хэммонда – Джордж Век, бывший телеграфист, который представлялся англиканским священником. При нем была обнаружена переписка некоего «мистера Брауна» с Алджерноном Эллисом, жителем саффолкского городка Садбери. Неутомимый констебль Хэнкс наведялся к мистеру Эллису домой. Сын кучера, 19-летний Алджернон оказался протеже лорда Артура Сомерсета, того самого «мистера Брауна». С лордом Артуром он познакомился, когда служил в клубе Мальборо, откуда был уволен за кражу. Но судьба благоволила к миловидному юноше: он отделался одним днем тюрьмы, а после выхода на свободу был встречен лордом Артуром. Тот помог Алджернону деньгами и устроил его в заведение на Кливленд-стрит, где потом навещал своего юного любовника. Полиция опять допросила Сомерсета и опять не стала его арестовывать. После допроса лорд Артур умчался в Германию, но про своих друзей не забыл. Его поверенный Артур Ньютон защищал обвиняемых по этому делу и неоднократно пытался помочь им покинуть Англию (впоследствии Ньютон был обвинен в том, что препятствовал правосудию, и осужден на 6 месяцев тюрьмы).

Судебный процесс начался 11 сентября. На скамье подсудимых оказались Ньюлав, Век и шестеро юношей – Суинскоу, Тикбрум, Перскинс, Барбер, Райт и Эллис. К посыльным

публика отнеслась сочувственно. Их считали «детьми рабочего класса», которых соблазнили богатые распутники, и обвинение было соответственным – всего лишь «непристойные действия между мужчинами» вместо содомии как таковой. В результате все они были отпущены на свободу, хотя с телеграфа их, конечно, уволили. «Вербовщики», Ньюлав и Век, получили, соответственно, 4 и 9 месяцев тюрьмы с каторжными работами.

Приговор был на удивление мягким, особенно если учесть, что Век выдавал себя за священника. Однако генеральный прокурор был доволен тем, что обвиняемые признали себя виновными, и готов был пойти им навстречу. Ведь если бы они стали оспаривать обвинение, пришлось бы выслушивать их показания и приглашать свидетелей. Всплыли бы имена важных особ, и не только лорда Сомерсета, а, возможно, кое-кого рангом повыше. Как писал генеральному прокурору его помощник Гамильтон Каффе: *«Мне доложили... будто Ньютон (поверенный Сомерсета – Е. К.) похваляется, что если мы продолжим, в дело будет вовлечено высокопоставленное лицо – П. А. В. Хотя я не хочу сказать, что предаю этому хоть сколько-нибудь значения, но в таком деле невозможно предугадать, что окажется выдумками, а что правдой»* [49].

Загадочный П. А. В. – это принц Альберт Виктор (1864–1892), старший сын принца Уэльского и внук королевы Виктории. Замкнутый «принц Эдди» не пользовался любовью ни своей бабки, ни современников (его даже считают одним из кандидатов на роль Потрошителя). Неудивительно, что сторона обвинения решила перестраховаться. Лорд Сомерсет вернулся в Англию в конце сентября, но, вероятно, получил предупреждение от премьер-министра, сложил все полномочия, вышел в отставку и покинул страну еще до того, как 12 ноября был выпущен ордер на его арест. Последующие 27 лет лорд Артур провел на континенте. Англия не требовала его экстрадиции.

Принц Альберт Виктор

Имена лорда Сомерсета и лорда Юстона не были упомянуты на суде, что дало журналистам повод обвинить власти в пособничестве распутникам. *«Почему два благородных лорда и другие известные персоны, которые, по словам свидетелей, и организовали то преступление, за которое был задержан Век, разгуливают на свободе?»* [50], – возмущалась газета «Пэлл-Мэлл», рупор Уильяма Стэда. Но особенно свирепствовала радикально настроенная «Зе Норт Лондон Пресс». Ее редактор Эрнст Парк опубликовал сатиру на некоего «лорда Гоморру», под которым подразумевался Артур Сомерсет. Более того, в одной из заметок было открыто написано, что лорд Сомерсет сбежал от правосудия во Францию, а лорд Юстон – в Перу.

Однако любовь к сенсациям дорого обошлась редактору. Оказалось, что лорд Юстон никогда не уезжал в Перу. Дабы обелить свое имя, он подал на Парка в суд за клевету. По словам лорда Юстона, в дом на Кливленд-стрит он попал случайно. Как-то раз на улице незнакомец предложил ему карточку с надписью «Пластические позы. Ч. Хэммонд. Кливленд-стрит 19», «Пластические позы» – это эквивалент стриптиза, и лорд Юстон пошел по указанному адресу, предвкушая гетеросексуальные удовольствия. Каково же было его разочарование, когда Хэммонд объяснил, на чем специализируется бордель. Оттолкнув Хэммонда, лорд Юстон бросился прочь из капища греха. По крайней мере, именно так выходило с его слов.

Свидетели со стороны защиты утверждали, что лорд Юстон не раз заходил в веселый дом на Кливленд-стрит. Вместе с тем, все они путались в показаниях и забывали упомянуть главную примету лорда – его высокий рост, 193 см. Даже показания главного свидетеля, «профессионального содомита» Джона Саула, не впечатлили присяжных. Джон Саул был настоящей знаменитостью, правда, в определенных кругах – его имя фигурирует в порнографическом романе «Грехи Содомы и Гоморры, или Исповедь Мэри-Энн». Именем Мэри-Энн в викторианской Англии обозначали проституток мужского пола. В XVIII веке их называли другим женским именем – Молли.

Ранее Джон Саул уже сотрудничал с полицией, сообщая подробности из жизни своего приятеля Хэммонда. Теперь он утверждал, что сам привел Юстона в бордель, как и других клиентов. На вопрос, знала ли полиция о его деятельности, Саул спокойно отвечал, что полиция еще и не на такое закрывает глаза. Оскорбление в адрес правоохранительных органов и все поведение Саула, который явно наслаждался минутой славы, разгневало судью Хоукинса. «Более печального зрелища, более омерзительного существа, чем этот Саул, я еще не видывал», – заявил судья и предложил присяжным сравнить клятву благородного лорда с клятвой проститутки. Посоветовавшись, они признали Эрнста Парка виновным в клевете. Довольный судья приговорил журналиста к году тюрьмы. Но гнев на благородных членов общества, которые соблазняют юношей из рабочего класса, не сразу оставил англичан. Запала хватило, чтобы осудить Оскара Уайльда – хоть и известного писателя, но все же не лорда.

Страсти по Оскару Уайльду

18 февраля 1895 года в лондонском клубе «Албемарл» была оставлена визитная карточка с подписью «Оскару Уайльду, изображающему из себя сомдомита». Да-да, именно «сомдомита». Таким оригинальным подарком писателя порадовал не кто иной, как Джон Дуглас, девятый маркиз Куинсберри, отец его любовника лорда Альфреда Дугласа. Хотя грамотность у маркиза хромала на обе ноги, ее компенсировал напор. В своем желании разлучить сына с Уайльдом маркиз шел напролом.

Публичное обвинение стало для Уайльда последней каплей, и он принял самое необдуманное в жизни решение – подал на обидчика в суд за клевету. Быть может, его

вдохновил пример лорда Юстона, восстановившего таким образом свое доброе имя. Или же ему надоели бесконечные выходки маркиза. Или же его подначивал легкомысленный Боузи, который ликовал, когда 3 апреля отца арестовали и привели в зал суда. Так или иначе, начались мытарства Уайльда, которые, в конце концов, привели к его кончине. Тогда он еще и предположить не мог, что ему остается жить меньше пяти лет, причем два года он проведет в тюремной камере.

Прежде чем с головой бросаться в омут судебных разбирательств, Уайльду следовало бы вспомнить историю своей семьи. Эпизод, подорвавший репутацию его родителей, как раз и был связан с клеветой, только тогда ответчиками выступали Уильям и Джейн Франческа Уайльд. Отец будущего писателя был врачом, в свободное время изучавшим ирландский фольклор, а мать, даровитая поэтесса, боролась за независимость Ирландии. Но в семье среднего класса не обойдется без скелетов в шкафу, и у доктора Уайльда их было немало. Поговаривали, что «у него по бастарду в каждом сельском доме». Своих незаконнорожденных детей доктор не оставлял без поддержки и помогал им получить образование, так что дублинцы прощали ему милые слабости.

Но главный скелет носил имя Мэри Джозефина Треверс. Поводом к их знакомству послужило воспаление в ухе мисс Треверс, которое пролечил доктор Уайльд, но отношения доктора и пациентки после выздоровления последней не закончились, плавно перетекли в дружеские, чтобы не сказать интимные. За 10 лет их общение успело надоест его супруге. Джейн Уайльд попыталась отвести назойливую особу от дома, и в ответ на нее посыпались анонимки. Мисс Треверс даже публиковала пасквилы на Уайльда, причем под псевдонимом «Сперанца» – тем самым, под которым писала Джейн Уайльд! Скандал разразился в 1864 году, когда Уильям Уайльд был произведен в рыцари. Устав от борьбы с мисс Треверс, Джейн, теперь уже леди Уайльд, выбрала старомодный подход – написала ее отцу с просьбой утихомирить дочь. В письме она упоминала, что Мэри «ведет себя так, будто состояла в связи с сэром Уильямом Уайльдом». Мисс Треверс дождалась своего звездного часа и обвинила леди Уайльд в клевете. Поскольку за поведение женщины по закону отвечал муж, в суде оказался и сэр Уильям. Процесс супруги проиграли: надменность леди Уайльд не понравилась присяжным, а неспособность сэра Уильяма опровергнуть обвинения и вовсе казалась подозрительной. Тем более что мисс Треверс живописала, как доктор насиловал ее, предварительно придушив. Во время процесса маленькому Оскару было всего лишь 10 лет, но скандал наверняка отложился у него в памяти. Дело о клевете стало для него чем-то вроде семейного проклятия, которое настигло его в 1895 году. Только тогда в роли мисс Треверс выступил он сам и потерпел крах.

А ведь все в его жизни предвещало успех. Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд родился в Дублине в 1854 году. В расчете на будущую славу, родители нарекли его именами героев ирландских мифов, Оскара и Фингала, и сын оправдал надежды. Блестяще отучившись в дублинском Тринити Колледже, Уайльд получил стипендию в оксфордский Колледж Магдалины и посещал лекции знаменитых эстетов Уолтера Патера и Джона Рёскина. По окончании университета Уайльд поселился в Лондоне, где ему тоже сопутствовала удача. Он прослыл ключевой фигурой в движении английских эстетов и проповедником «искусства ради искусства». Экстравагантное поведение Уайльда, его любовь к утонченной роскоши и причудливым костюмам стали притчей во языцех. Он носил кудри до плеч, наряжался в короткие штаны-кюлоты и шелковые чулки, щеголял в длинных бархатных куртках. Главным атрибутом его костюмов стала гвоздика в петлице, выкрашенная в зеленый цвет.

Талантливый писатель, поэт и драматург, Уайльд стал мировой знаменитостью при жизни. С лекциями об эстетике он объездил всю Англию и побывал на гастролях в США. Удивительный факт: его американское турне было своеобразной рекламой оперетты «Терпение» (1881), в которой высмеивались английские эстеты во главе с Уайльдом. Когда постановщики собрались показать оперетту американской публике, возникла проблема: американцы не были знакомы с английскими эстетами и не разобрались бы, когда смеяться.

Решено было представить им главного героя оперетты – манерного поэта Банторна, то есть самого Уайльда. Нуждаясь в деньгах, Уайльд принял это довольно оскорбительное предложение, но поразил американских зрителей не столько своими причудливыми костюмами, сколько эрудицией, красноречием, блестящим умом. А на вопрос таможенника, есть ли у него что-нибудь, подлежащее декларированию, Уайльд честно ответил: «Только моя гениальность».

Оскар Уайльд в 1882 году. Рисунок Дж. Э. Келли

В 1880-х выходили его статьи, рассказы и сказки, в 1890 году он опубликовал свой единственный роман «Портрет Дориана Грея», а в середине 1890-х его пьесам аплодировали лондонские театры. Слава Оскара Уайльда была в зените. Им восхищались, ему подражали и отчаянно завидовали. Поклонники повторяли его афоризмы, но даже не догадывались, что в одном из них заключена его гибель: «Единственный способ избавиться от искушения – это поддаться ему».

Искушению Уайльд поддался в 1886 году, когда Робби Росс, его 17-летний приятель, дал ему вкусить мужской любви. На тот момент Оскар Уайльд уже был женат на Констанс Ллойд и успел обзавестись двумя сыновьями. Открыв свое влечение к мужчинам, он уже не мог усидеть в уютном семейном гнездышке по адресу Тайт-стрит 16. Его влекло к юношам, причем не обязательно образованным: он водил дружбу не только со студентами и литераторами, но и с клерками, газетчиками, бывшими слугами. Встречи были наполнены опасностью и восторгом, Уайльд балансировал на краю пропасти или, как он сам говорил,

«пировал с пантерами». И все же чувства были неглубокими вплоть до 1891 года, когда Уайльд повстречал свою роковую любовь – юного аристократа Альфреда Дугласа по прозвищу Боузи. Отныне Уайльд почти не появлялся дома. Все время он проводил в компании Боузи и потакал прихотям избалованного юнца.

У Боузи хватало недостатков, но главным из них был его отец. Несмотря на ту роль, которую маркиз Куинсберри сыграл в судьбе Уайльда, поборником семейных ценностей его никак не назовешь. В 1887 году его жена, устав от побоев, добилась развода. Утешением маркизу стали любовницы, охота и соревнования по боксу, а также бесконечные дразги с сыновьями, из которых Боузи был младшим. От склочности маркиза стеном не только его семейство, но и весь парламент. Шотландский пэр Куинсберри мог заседать в английском парламенте лишь будучи избранным другими пэрами, но те не стали его переизбирать, предпочтя ему его старшего сына Фрэнсиса. На руку им сыграл тот факт, что Куинсберри был воинствующим атеистом. Разъяренный маркиз даже погнался с хлыстом за лордом Розбери, министром иностранных дел, чьим секретарем состоял его старший сын. А затем переключил внимание на сына младшего – а то совсем от рук отбился.

В процессе воспитания Боузи, маркиз не забывал закатывать скандалы Уайльду, то заявляясь к нему домой, то грозя сорвать премьеру его пьесы. Поток угроз и оскорблений не иссякал, а тут еще эта злосчастная визитка. Хотя друзья отговаривали Оскара от безнадежной затеи, на суде настаивал Боузи, которому не терпелось поквитаться с отцом. И Уайльд не выдержал. Уже потом, из тюрьмы, он признавался Боузи, что двигался вслепую, как вол на скотобойню. Выиграй он тяжбу, и Куинсберри, возможно, оказался бы за решеткой хотя бы на несколько месяцев – уже хоть какое-то облегчение.

Надежда оказалась призрачной. Оскар Уайльд и предположить не мог, как тщательно его враг подготовится к процессу. Перед судом Куинсберри нанял частных детективов, которые методично прочесали весь Вест-Энд, отыскивали рестораны и номера, где Уайльд встречался с друзьями, перетрясли грязное белье. Собранную информацию они изложили в 19-ти параграфах, которые обрушились на драматурга в апреле 1895 года. Примечательно, что в заключительных параграфах упоминается и «Портрет Дориана Грея», изображающий «чувства и страсти неких особ с содомитскими и противоестественными наклонностями».

На суде Куинсберри изображал из себя заботливого отца, который печется о нравственности сына и желает прервать его связь с порочным писателем. Злым гением процесса стал Эдвард Карсон, адвокат Куинсберри. Карсон учился с Уайльдом в Тринити Колледже, так что хорошо помнил слабые места своего противника и сразу поймал его на лжи, когда Уайльд занизил свой возраст (разница в возрасте между Уайльдом и его молодыми друзьями была одним из аргументов обвинения). К своей задаче Карсон подошел со всей тщательностью. Он изучил переписку Уайльда и Дугласа, выяснил всю их подноготную, собрал все сплетни – кто из их круга привлекался к ответственности за непристойные действия, за кем водится любовь к женским платьям, у кого на квартире проходят «оргии самого неприличного свойства». Досталось Уайльду и за общение с выходцами из низов. Разве пристало знаменитому писателю фамильярничать с лакеями и официантами? Наверняка это неспроста.

Поскольку Уайльд был звездой современной литературы, Карсон вновь и вновь возвращался к его произведениям. Пожалуй, ни один критик не разбирал их так досконально и с такой злобой. Главным оружием Уайльда оставалась ирония. Тогда как Карсон пытался доказать, что искусство неотделимо от нравственности, Уайльд разграничивал эстетику и мораль, при этом тонко высмеивая своего оппонента. Вот один из их диалогов:

«К.: В предисловии к „Портрету Дориана Грея“ вы пишете: „Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. Вот и все“. Таковы ваши взгляды?

У.: Да, это – мои взгляды на искусство.

К.: По-вашему, получается, что хорошая книга это та, что хорошо написана, какой бы безнравственной она ни была?

У.: Да, если она вызывает чувство прекрасного – самого высокого чувства из всех доступных человеку. Если же она плохо написана, то вызывает отвращение.

К.: Извращенный роман тоже может быть хорошей книгой?

У.: Я не знаю, что вы подразумеваете под извращенным романом» [51].

Писатель так и сыпал афоризмами. «Я не спрашиваю людей об их возрасте, это слишком вульгарно», – отвечал он на расспросы о том, сколько лет было его компаньонам. Когда его спросили, целовал ли он парнишку, разносившего блюда на одном из приемов, Уайльд возмутился: «Как можно! Он был такой заурядный!» Но Карсон настаивал на том, что его клиент обвинил Уайльда справедливо, и ему было чем подтвердить свои слова. Уже на первом судебном разбирательстве Уайльд потерпел фиаско.

Теперь и адвокат, и все знакомые советовали ему бежать до начала следующего процесса, в котором Уайльду уготована была роль подсудимого. Поскольку слова Куинсберри подтвердились, Уайльда обвиняли в непристойных отношениях с мужчинами по той самой «поправке Лабушера». У него оставался один день, чтобы покинуть страну. Полиция терпеливо дожидалась, когда же он отчалит во Францию, но Уайльд засиделся в отеле «Кадоган» вместе со своим самым близким другом Робби Россом и братьями Дугласами. 6 апреля он был взят под арест и помещен в тюрьму Холлоуэй, а 26-го начался его первый уголовный процесс.

Уголовный процесс Оскара Уайльда. Рисунок из журнала «Иллюстрированные полицейские новости». 1895

Если ранее Уайльд блистал остроумием, теперь ему стало не до смеха. Дело обрастало все новыми подробностями: на скамье подсудимых рядом с Уайльдом предстал Альфред Тейлор, знакомивший его с юношами из рабочего класса, да и бывшие приятели Уайльда, среди которых затесались профессиональные шантажисты, начали давать показания. Они рассказывали, как сидели на коленях Уайльда, как он целовал и ласкал их, как весело им

было вместе. Хотя, по закону, в непристойных отношениях были виноваты оба партнера, свидетелям пообещали юридическую неприкосновенность. В зале суда мелькали горничные, портье, квартирные хозяйки, посыльные – все те, кто, так или иначе, мог застать Уайльда с его спутниками. Горничные из отеля «Савой», например, охотно рассказывали о состоянии простыней в его номерах. Все глубже становилась западня, из которой Уайльду было уже не выбраться.

Защита стихотворения Боузи «Любовь, что таит свое имя» стала лебединой песней Уайльда, его последней возможностью собрать аплодисменты:

«В нашем столетии эту любовь понимают превратно, настолько превратно, что воистину она теперь вынуждена таить свое имя. Именно она, эта любовь, привела меня туда, где я нахожусь сейчас. Она светла, она прекрасна, благородством своим она превосходит все иные формы человеческой привязанности. В ней нет ничего противоестественного. Она интеллектуальна, и раз за разом она вспыхивает между старшим и младшим мужчинами, из которых старший обладает развитым умом, а младший переполнен радостью, ожиданием и волшебством лежащей впереди жизни. Так и должно быть, но мир этого не понимает. Мир издевается над этой привязанностью и порой ставит за нее человека к позорному столбу» [52].

Судебный зал взорвался овациями.

Несмотря на весомые улики, присяжные не спешили осудить Уайльда и одно за другим отклоняли обвинения. В конце концов была назначена дата второго процесса, а писатель отпущен под залог. Из отеля в отель за ним следовали хулиганы, нанятые Куинсберри, и грозились устроить скандал в любом заведении, которое примет под свой кров содомита. Второй процесс, начавшийся 20 мая, был менее удачным: был осужден и приговорен к двум годам тюрьмы Альфред Тейлор, и тот же самый приговор ожидал Оскара Уайльда.

Англия подумала-подумала и отвернулась от своего бывшего фаворита. Маркиз Куинсберри ликовал, даже несмотря на синяки, полученные в драке с сыном Перси, вставшим на сторону осужденного. Уличные проститутки, насмехаясь над тем, кто пренебрег их вниманием, задирали юбки и кричали: «Наконец-то его обстригут покороче!» Владельцы театра, где шла пьеса «Как важно быть серьезным», убрали имя драматурга со всех афиш. Он лишился прав на своих сыновей, а его жена вынуждена была сменить фамилию и покинуть Англию.

Человека, который никого не убил и не ограбил, ждали каторжные работы в череде тюрем. Сначала мрачный Пентонвилл, где его заставляли щипать пеньку и шить сумки для почтальонов. Кровать из голых досок, баланда и сухой хлеб, зловонная камера и лишь одна книга в неделю. Отсюда его перевели в Вандсворт, где из-за халатности врачей он наполовину оглох. Затем тюрьма Рэдинг, где вместе с «заключенным С.3.3» томились не только убийцы, но и двенадцатилетние мальчишки, ловившие кроликов на чужих землях. Как затем писал Уайльд в «Балладе Рэдингской тюрьмы»:

*Канаты рвали мы – и ногти,
В крови, ломали мы,
Пол мыли щеткой, терли двери
Решетчатой тюрьмы, –
Шел гул от топота, от ведер,
От адской кутерьмы* [53].

После освобождения в 1897 году Уайльд сменит имя на Себастьяна Мельмота, позаимствовав его из романа своего двоюродного деда Чарльза Метьюрина «Мельмот Скиталец». Он уедет во Францию и, наконец, встретится с Боузи, который так ни разу и не навестил его в тюрьме. Но жизнь уже никогда не наладится. Страшно постаревший, располневший от дешевой еды, Уайльд будет скитаться по отелям, запивая тоску абсентом и досаждая друзьям просьбами о деньгах. Он увидит, как уходят из жизни те, кого он любил и

ненавидел. В 1898 году закончатся земные страдания его жены Констанс, которая всегда старалась помогать мужу, хотя и не смогла принять его странности. В том же году скончается Обри Бердслей, близкий друг Уайльда и лучший иллюстратор его произведений. 31 января 1900 года умрет маркиз Куинсберри. Незадолго до смерти он примет католичество, но плонет в сына Перси со смертного одра – нелегко забыть старые привычки.

Оскар Уайльд тоже чувствовал приближение смерти. «Англичане не вынесут, если начнется новое столетие, а я буду еще жив», – говорил он. В ноябре 1900 года он будет умирать от менингита, а Робби Росс, самый преданный его друг, оставшийся с ним до самого конца, приведет католического священника, чтобы тот окрестил и соборовал умирающего. 30 ноября 1900 года Оскара Уайльда не станет. А вскоре канет в прошлое и та эпоха, которая сначала вознесла его на пьедестал, а потом заклемила.

Избранная библиография

Источники на английском языке

Abbott, Geoffrey. Execution: the guillotine, the pendulum, the thousand cuts, the Spanish donkey, and 66 other ways of putting someone to death. New York: St. Martin's Press, 2006.

Abbott, Geoffrey. The executioner always chops twice: ghastly blunders on the scaffold. New York: St. Martin's Press, 2004.

Ackroyd, Peter. London: the biography. London Chatto & Windus, 2000.

Acton, William. Prostitution considered in its moral, social and sanitary aspects, in London and other large cities and garrison towns: with proposals for the control and prevention of its attendant evils. London: John Churchill and Sons, 1870. [39]

Allaby, Michael. Fog, smog, and poisoned rain. New York: Facts On File, 2003. [6]

Anstruther, Ian. The scandal of the Andover Workhouse. London: Bles, 1973.

Begg, Paul. Jack the Ripper: the definitive history. London: Longman, 2003.

Blindage, Anthony. The English poor laws, 1700–1930. New York: Palgrave, 2002.

Bronte Anne. The tenant of Wildfell Hall and Agnes Grey. New York: Norton, 1954.

Bronte Charlotte. Jane Eyre. New York: Random House, 1943.

Broomfield, Andrea. Food and cooking in Victorian England: a history. Westport, Conn.: Praeger Publishers, 2007.

Burford, E. J. Of bridles and burnings: the punishment of women. New York: St. Martin's Press, 1992. [36]

Burnett, John. Plenty and want: a social history of food in England from 1815 to the present day. London: Routledge, 1989.

Carpenter, William. Hone, William. A political pilot. 26 марта, 1831. [37]

Cassell's Household Guide: being a complete encyclopaedia of domestic and social economy and forming a guide to every department of practical life. London: Cassell, Petter and Galpin, 1869–1871.

Cleland, John. Memoirs of Fanny Hill. New York: New American Library, 1965.

Cocks, H. G. Nameless offences: speaking of male homosexual desire in nineteenth-century England. London; New York: I. B. Tauris, 2003. [47]

Cohen, William A. Filth: dirt, disgust, and modern life. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005.

Crompton, Frank. Workhouse children. Thrupp, Stroud, Gloucestershire: Sutton, 1997.

Dawes, Frank. Not in front of the servants: a true portrait of English upstairs/downstairs life. New York: Taplinger, 1974.

Fido, Martin. Oscar Wilde. New York: Viking Press, 1973.

Fisher, Trevor. Scandal: the sexual politics of late Victorian Britain. Stroud: A. Sutton, 1995.

Flanders, Judith. Inside the Victorian home: a portrait of domestic life in Victorian England.

- New York: W. W. Norton, 2004. [12]
- Foldy, Michael. *The trials of Oscar Wilde: deviance, morality, and late-Victorian society*. New Haven: Yale University Press, 1997. [51]
- Gaskell, Elizabeth Cleghom. *The life of Charlotte Bronte*. Edinburgh: J. Grant, 1924.
- Gibson, Ian. *The English vice: beating, sex, and shame in Victorian England and after*. London: Duckworth, 1978.
- Gordon, Michael. *The Thames torso murders of Victorian London*. Jefferson: McFarland Publishers, 2002.
- Grant, James. *Sketches in London*. London: W. S. Orr & Co., 1838. [3] [27]
- Greenwood, James. *The seven curses of London*. London: S. Rivers, 1870.
- Halliday, Stephen. *The great filth: disease, death and the Victorian city*. Stroud: History Press, 2011.
- Hammerton A. J. *Cruelty and companionship: conflict in nineteenth-century married life*. London, New York: Routledge, 1992.
- Harrison, John. *Late Victorian Britain, 1875–1901*. London; New York: Routledge, 1991.
- Hickman, Katie. *Courtesans: money, sex, and fame in the nineteenth century*. New York: Morrow, 2003.
- Hoff, Joan. Yeates, Marian. *The cooper's wife is missing: the trials of Bridget Cleary*, New York: Basic Books, 2000.
- Honeycombe, Gordon. *The murders of the Black Museum, 1870–1970*. London: Hutchinson, 1982.
- Hughes, Kristine. *The writer's guide to everyday life in Regency and Victorian England, from 1811–1901*. Cincinnati: Writer's Digest Books, 1998.
- Hyde, Montgomery. *Oscar Wilde: a biography*. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1975.
- Jackson, Lee. *A dictionary of Victorian London: an A-Z of the great metropolis*. London; New York: Anthem Press, 2006. [7] [10]
- Jackson, Louise. *Child sexual abuse in Victorian England*. London: Routledge, 1999.
- Kaplan, Morris. *Sodom on the Thames: sex, love, and scandal in Wilde times*. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Kenyon, Karen Smith. *The Bronte family: passionate literary geniuses*. Minneapolis: Lerner Publications Co., 2003.
- Koven, Seth. *Slumming: sexual and social politics in Victorian London*. Princeton: Princeton University Press, 2004.
- Krafft-Ebing, R. von. *Psychopathia sexualis, with especial reference to the antipathic sexual instinct; a medico-forensic study*. London: Staples Press, 1965.
- LeFanu, Joseph Sheridan. *Best ghost stories of J. S. LeFanu*. New York: Dover Publications, 1964.
- Lutz, Debora. *Pleasure bound: Victorian sex rebels and the New Eroticism*. New York: W. W. Norton & Company, 2011. [43]
- May, Trevor. *The Victorian domestic servant*. Princes Risborough: Shire, 1998.
- Mayhew, Henry. *London labour and the London poor*. London: Griffin, Bohn, and Company, 1861–62. [19] [21] [24] [26] [28] [34]
- Mayhew, Henry. *The criminal prisons of London and scenes of prison life*. London: Griffin, Bohn, 1862. [38]
- Mason, Michael. *The making of Victorian sexuality*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1994.
- McClintock, Anne. *Imperial leather: race, gender and sexuality in the colonial contest*. New York: Routledge, 1995. [18] [45] [46]
- McKenzie, Andrea. *Tyburn's martyrs: execution in England, 1675–1775*. London: Hambledon Continuum, 2007.
- Mitchell, Sally. *Daily life in Victorian England*. Westport: Greenwood Press, 1996.
- Perkin, Joan. *Victorian women*. London: J. Murray, 1993.

- Picard, Liza. *Victorian London: the life of a city, 1840–1870*. New York: St. Martin's Press, 2006.
- Punch: the London charivari. London: Punch Publ., 1841–1901. [15]
- Raw, Louise. *Striking a light: the Bryant and May Matchwomen and their place in history*. London; New York: Continuum, 2011.
- Robb, Graham. *Strangers: homosexual love in the nineteenth century*. New York: W. W. Norton, 2004.
- Rosner, Liza. *The anatomy murders*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2010.
- Rowe, Richard. *Life in the London streets: or, struggles for daily bread*. London: J. C. Nimmo and Bain, 1881.
- Sacher-Masoch, Leopold. *Venus in furs*. New York: Penguin Books, 2000.
- Schneer, Jonathan. *The Thames*. New Haven: Yale University Press, 2005. [9]
- Seaman, L. C. *Life in Victorian London*. London: Batsford, 1973.
- Simpson, Colin. *The Cleveland street affair*. Boston: Little, Brown, 1976. [48] [49] [50]
- Smith, Albert. *Sketches of London life and character*. London: Dean and sons, 1859.
- Smith, Charles Manley. *A treatise on the law of master and servant: including therein masters and workmen in every description of trade and occupation: with an appendix of statutes*. London: S. Sweet, 1852. [16]
- Speaight, George. *Punch and Judy*. Boston: Plays, Inc., 1970.
- Spencer, Colin. *British food: an extraordinary thousand years of history*. New York: Columbia University Press, 2003. [11]
- Stead, William. *The Maiden Tribute of Modern Babylon: the report of the Secret Commission*. Lambertville: The True Bill Press, 2007. [41] [42]
- Stewart, John. *Stable economy: a treatise on the management of horses in relation to stabling, grooming, feeding, watering and working*. London: Blackwood, 1860.
- Tannahill, Reay. *Sex in history*. New York: Stein and Day, 1980.
- The servants' guide and family manual*. London: J. Limbard, 1831. [17]
- Thomas, Donald. *The Victorian underworld*. New York: New York University Press, 1998.
- Thomson, J. Smith, A. *Street life in London*. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1877.
- Treble, James. *Urban poverty in Britain, 1830–1914*. New York: St. Martin's Press, 1979.
- Walkowitz, Judith. *City of dreadful delight: narratives of sexual danger in late-Victorian London*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Walkowitz, Judith. *Prostitution and Victorian society: women, class, and the state*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1980.
- White, Jerry. *London in the nineteenth century*. London: Jonathan Cape, 2007.
- Wise, Sarah. *The blackest streets: the life and death of a Victorian slum*. London: Bodley Head, 2008.
- Wohl, Anthony. *Endangered lives*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983.

Источники на русском языке

- Блейк У. *Избранное* / Пер. С. Маршака. – М.: Художественная литература, 1969. [40]
- Гаскел Э. *Север и Юг* / Пер. В. Григорьевой и Е. Первушиной. – СПб.: Азбука, 2011. [30] [31]
- Дефо Д. *Радости и горести знаменитой Молль Флендерс* / Пер. А. Франковский. – М.: Художественная литература, 1991. [33]
- Диккенс Ч. *Наш общий друг. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIV* / Пер. В. Топер. – М.: Художественная литература, 1962. [20]
- Диккенс Ч. *Очерки Боза. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. I* / Пер. М. Лорие и В. Топер. – М.: Художественная литература, 1957. [1]
- Диккенс Ч. *Посмертные записки Пиквикского клуба* / Пер. А. В. Кривцовой и Евгения

Ланна. – М.: Художественная литература, 1984. [13]

Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста / Пер. А. Кривцовой. – М.: Художественная литература, 1976. [2] [4] [29] [32]

Диккенс Ч. Холодный дом. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. XVII / Пер. М. Клягиной-Кондратьевой. – М.: Художественная литература, 1960. [5] [22] [23]

Кристи А. Автобиография / Пер. В. Чемберджи и И. Дорониной. – М.: Эксмо, 2007. [8]

Лэм Ч. Очерки Элии / Пер. А. С. Бобовича и Н. Я. Дьяконовой. – М.: Наука, 1979. [14]

Твен М. Принц и нищий. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура / Пер. К. Чуковского и Н. Чуковского. – М.: Эксмо, 2009. [25]

Толстой Л. Анна Каренина. – М.: АСТ, 2008. [44]

Уайльд О. «Баллада Рэдингской тюрьмы». Избранные произведения в двух томах. Том II. – М.: Республика, 1993. [53]

Уайльд О. Портрет Дориана Грея. Сказки. – М.: АСТ, 2008. Уайльд О. Письма / Пер. Л. Мотылев. – М.: Азбука-Классика, 2010. [52]

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. В. Наумов. – М.: Ad Marginem, 1999. [35]

Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности. – М.: Форум, 2007.

Источники иллюстраций

Andrews, William. Bygone punishments. London: W. Andrews & co., 1899.

Brooks, Shirley. The Gordian knot: a story of good and of evil. With illustrations by John Tenniel. London: R. Bentley, 1860.

Cassell's Household Guide: being a complete encyclopaedia of domestic and social economy and forming a guide to every department of practical life. London: Cassell, Petter and Galpin, 1869–1871.

Dore, Gustave. London, a pilgrimage. London: Grant & Co., 1872.

Mayhew, Henry. London labour and the London poor. London: Griffin, Bohn, and Company, 1861–62.

Mayhew, Henry. The criminal prisons of London and scenes of prison life. London: Griffin, Bohn, 1862.

Punch: the London charivari. London: Punch Publ., 1841–1901.

Sikes, Wirt. British goblins. Boston: J. R. Osgood and company, 1881.

Stuart J. A. The Bronte country. London: Longmans, Green, 1888.

The cyclopedia of wit and humour. New York, London: D. Appleton and company, 1864.

The English illustrated magazine. London; New York: Macmillan & Co., 1881–1892.

The illustrated London news. London: William Little, 1888.

The illustrated police news. London: George Purkess, 1870, 1895.

World noted women celebrated in history, poetry, and romance for beauty, character, and heroism. New York: D. Appleton, 1881.